

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (79) — 2016

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва;
доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Тел./факс в Иваново: (4932) 32 74 52

E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (79) — 2016

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"

Tel./Fax: (4932) 32 74 52

E-mail: [winrs@bk.ru](mailto:winars@bk.ru)

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ПОЛА

ББК 60.561.51+60.561.6

С. А. Судьин

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖСИБЛИНГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕМЬЯХ С ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫМ РЕБЕНКОМ

Статья посвящена особенностям межсблинговых отношений в семьях, где воспитывается психически больной ребенок. Анализируются характерные черты взаимодействия в контексте психического нарушения кого-то из братьев или сестер, рассматриваются факторы формирования межсблинговых отношений, главным из которых выступает пол ребенка — как здорового, так и больного. Гендерный аспект оказывает влияние и на степень эмоциональной близости братьев и/или сестер, и на уровень вовлеченности в решение проблем больного сблинга. Другими факторами, влияющими на межсблинговые взаимодействия, оказались очередность рождения больного брата или сестры, возраст здорового сблинга в момент первого психотического эпизода у больного, а также характеристики психической болезни и ее продолжительность. Делается вывод о необходимости работы со здоровыми сблингами в процессе реабилитации семьи, воспитывающей психически больного ребенка.

Ключевые слова: семья с психически больным ребенком, межсблинговые отношения, гендерный аспект межличностных отношений, социология психического здоровья, социология семьи.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.1

S. A. Sudjin. Sibling's interaction formation factors in families with a mentally ill child

The article is devoted to the characteristics of the relations between sibs in families with a mentally ill child. The features of these interactions in the context of one of the sibs mental illness are analyzed; the factors of inter-sibs relations configuration are considered. The main factor among them is gender. This aspect affects both the extent of mutual emotional intimacy between sibs and extent of involvement in the problem-solving of mentally ill brother or sister.

Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 3–11

© Судьин С. А., 2016

Судьин Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, sudjin@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia).

Among other factors to be noted are the order of mentally ill childbirth, the age of healthy sibling at the moment of the first manifestation of illness, type of disease as such and its duration. The conclusion is drawn about the necessity of social work with healthy siblings in the process of the rehabilitation of families with a mentally ill child.

Article represents the review of foreign literature on the problem of the inter-siblings relations burdened by a mental disorder of one of them. These articles were published between 1962 and 2015, covering the main milestones of interest to this problem. In the late sixties in medicine the research was directed at estimating the stress level and psychological features of a joint growing with a sick brother or sister. The attention was paid also to the social and emotional consequences which adult siblings might experience. This direction went in parallel with growing of self-help groups' popularity in Western Europe and the USA. Another factor was the increasing popularity of narratives about the joint socialization of healthy and mentally sick children. In the 1980s the research projects focused on description and studying healthy sibling problems such as the lower self-esteem, stigmatization, and shame. Later the scientific interest shifted towards studying the variables which are associated with the burden which healthy siblings experienced during cohabitation with a sick brother or sister. It was connected with using the multidimensional data analysis in social and psychological researches and emergence of new methods of empirical information collection.

The purpose of the work is building up interest to the problems discussed in the article with the aim to use the presented data in social practices. The novelty of the article is the reference to a topic of the gender aspects of inter-siblings relations in the context of one of siblings mental illness.

Key words: family with a mentally ill child, inter-sibs relations, gender aspect of interpersonal relations, sociology of mental health, sociology of family.

Психическое расстройство — сложный феномен, который в процессе своего развития затрагивает не только самого больного, но и его окружение. Наибольшие потери в этом случае начинает нести семья: сам больной в силу своего состояния зачастую неспособен оценить драматичность происходящих с ним событий, в то время как семья становится беспомощным свидетелем трагедии распада личности близкого человека.

Психическое заболевание становится переломным моментом, актуализирующим новые стратегии семейного функционирования. Специфика семейных реакций на описанные события зависит от многих факторов. Немалую роль способен сыграть социально-экономический статус семьи, открывающий или, напротив, закрывающий путь к новейшим терапевтическим или реабилитационным методикам или заграничному лечению. Важно наличие большого количества родственников, способных скомпенсировать возросшие потребности в уходе; необходимо принимать во внимание сам характер болезни, которая по-разному ограничивает дееспособность больного или, развиваясь исподволь, позволяет адаптироваться к предстоящим изменениям.

Но наиболее важным фактором, определяющим формирование реакции на психическое заболевание родственника, становится степень родства. Вполне оправданно, что на первое место в анализе этой переменной становятся родительско-детские отношения. В случае болезни ребенка родители начинают испытывать чувство вины, искать возможности для компенсации возникшего

расстройства, так как именно на них в ближайшее время ляжет основное бремя заботы и ухода. В случае заболевания одного из родителей дети становятся как основной жертвой заболевания, так и ключевыми фигурами кейс-менеджмента болезни. В данной статье, однако, будут рассмотрены основные факторы, определяющие трансформации межсиблинговых отношений в процессе развития психического расстройства у одного из сиблингов*.

Постановка проблемы

Отношения братьев и сестер относятся к наиболее интенсивным, крепким и, как правило, самым продолжительным межличностным взаимодействиям, возникающим в течение жизни. Уходят из жизни родители, теряются друзья, распадаются интимные связи, но отношения братьев и сестер образуют — чаще всего — нерушимую связь, какими бы качественными характеристиками они ни отличались. Раннее начало отношений, небольшая, по сравнению с родителями, разница в возрасте, сопутствующая общность интересов на начальных жизненных этапах, абсолютное доверие друг к другу, наличие общих воспоминаний способствуют сохранению этой связи и после ухода из родительской семьи, пусть даже в сильно измененном виде. Существуют социологические данные о возрастании важности сиблинговых отношений с возрастом, в то время как значение дружеских контактов на этом жизненном этапе начинает снижаться. Детско-родительские отношения и отношения сиблингов являются двумя фундаментальными моделями взаимодействия, усваиваемыми с самых первых лет жизни. Отношения братьев и/или сестер гораздо в большей степени, по сравнению с межпоколенным взаимодействием, формируют поведенческие паттерны, актуализирующиеся в неоднозначных ситуациях, реакции на чувства любви, ненависти, грусти, радости. За время долгого общения сиблинги бесчисленное количество раз вступают в такие интеракции, как взаимопомощь, конфликт, защита, поддержка, доминирование, подчинение, соперничество. Поведенческие модели, усвоенные в ходе межсиблингового взаимодействия, отличаются большой устойчивостью и сохраняются на всю жизнь. Факт недооценки роли братьев и сестер в развитии личности признается гуманитарной наукой и открывает широкие исследовательские перспективы [Bank, Kahn, 1991].

Признавая важность межсиблинговых отношений для совместной социализации детей в семье, легко представить себе те потери, с которыми сталкивается ребенок или подросток в случае психического расстройства своего брата или сестры. Его ситуация коренным образом будет отличаться от ситуации семьи, в которой растет всего один ребенок. В этом случае он просто не получит тех предпочтений, которые были описаны нами выше и будет заимствовать коммуникативный опыт во внешней среде. Появление в семье ребенка с хроническим, особенно психическим, заболеванием приводит к системной трансформации межсиблинговых отношений, формирует специфические внутрисемейные коммуникативные модели, малопригодные для взаимодействия с кем-то вне семьи, нагружает здорового ребенка новыми обязанностями и переживаниями.

* Сиблинг, или сибс (англ. sib — родство) — генетический термин, обозначающий одного из двух или более детей в семье (брат, сестра).

Ю. Фрик из Педагогического университета Цюриха, характеризуя состояние исследований в данной области, пишет, что на 2009 г. тема межсиблинговых отношений, затронутых психической болезнью брата или сестры, ни разу не была достойно освещена даже в специальной литературе по возрастной психологии, детской психологии и социологии семьи [Frick, 2009].

Если родительско-детские и — шире — межпоколенные отношения достаточно часто становятся предметом социологических исследований в контексте психического здоровья, то отношения сиблингов, важность изучения которых бесспорна, чаще и здесь оказываются за бортом исследовательского интереса. Ранние публикации по этой теме, относящиеся к периоду 1950—1970-х гг., базировались преимущественно на концепции семейной шизофрении. Сиблинги в них изучались по большей части с точки зрения подверженности психическим заболеваниям. Многие авторы отмечали, что даже если дети не демонстрируют полной картины шизофрении или другой серьезной патологии, они все равно страдают от каких-либо психических расстройств, что оказывается в русле негативной семейной психодинамики.

В конце 1960-х гг. в медицине сформировалось исследовательское направление, изучающее и оценивающее уровень стресса и психологические особенности совместного взросления с больным братом или сестрой. Внимание уделялось также тем социальным и эмоциональным последствиям, которые оно будет иметь для взрослых сиблингов. Это направление развивалось параллельно с ростом популярности групп самопомощи в Западной Европе и США и жизнеописаний совместной социализации здоровых и психически больных детей. В 1980-х гг. исследования носили больше описательный характер и были посвящены изучению проблем здоровых сиблингов, таких как заниженная самооценка, стигматизация, чувство стыда и многое другое. Позднее интерес сместился в сторону систематического изучения переменных, ассоциирующихся с нагрузками, которые испытывают сиблинги в ходе совместного проживания с больным братом или сестрой. Это было связано с ростом использования многомерного анализа данных в социальных и социально-психологических исследованиях и появлением новых методов сбора эмпирической информации.

Несколько более активными в изучении этого вопроса вновь оказались ученые-медики. На основании анализа 170 публикаций, вышедших в период с 1996 по 2004 г. и посвященных семейным аспектам психических заболеваний, Р. Шмид с коллегами установили особенности социального самочувствия детей, чьи брат или сестра страдают той или иной формой психического расстройства [Schmid et al., 2005]. Об этом пойдет речь в следующей части статьи.

Характерные черты межсиблинговых отношений в контексте психических расстройств

Можно перечислить некоторые характерные черты, проявляющиеся во взаимодействии сиблингов в случае, если один из них имеет особенности психического развития. Первая характерная черта, отягощающая братско-сестринские отношения в таких семьях, — несоответствие представлений о том, как, собственно, должно протекать взаимодействие между ними. Наличие ребенка с особенностями психического развития накладывает определенный

отпечаток и на здорового брата или сестру, однако представление о масштабах трансформаций у сиблингов может быть различным.

Второй блок переживаний связан с родительско-детскими отношениями. Понимание серьезности заболевания у одного из детей автоматически влечет повышение планки требований к здоровому ребенку, обязанному, по мнению родителей, скомпенсировать семье ее потери.

Наконец еще одним блоком, отягощающим ситуацию сиблингов, являются собственные страдания ребенка, переживающего потерю близкого человека, наблюдающего его интеллектуальный, духовный и личностный регресс.

Комплекс негативных переживаний и ограничений, при всем их многообразии, предсказуем и понятен, он представляет собой важный фактор, усложняющий личностное развитие здорового сиблинга. Однако нельзя не отметить наличие позитивных сторон воспитания в семье с братом или сестрой, имеющими особенности психического развития. Эта тема наименее изучена в контексте межсиблинговой коммуникации.

Конечно же, положительные переживания носят преимущественно стратегический характер и выступают результатом горького и подчас трагического опыта. Так или иначе, даже в кризисные периоды, когда на первый план выходят заботы и нагрузки, здоровые сиблинги отмечают наличие положительного опыта, формирующегося как из отношения к больному брату или сестре, так и из взаимодействия с семьей в целом. Понимание положительного влияния на личностное развитие здоровых сиблингов приходит с течением времени: они отмечают, что их семьи стали крепче, устойчивее по отношению к внешним и внутренним стрессам, у них обострились такие черты, как эмпатия, чувство долга и ответственность, они освоили стратегии разрешения конфликтов. У здоровых сиблингов повышается самооценка, они учатся радоваться малому, в том числе тому, что связано с их больным братом или сестрой; возрастает внутренняя толерантность к проблемам непонимания и стигматизации. У них формируется выдержка и способность к самоорганизации в трудных ситуациях, они начинают испытывать тесную связь со своим особенным сиблингом и признательность со стороны больного, семьи и социального окружения за его поддержку. По наблюдению Р. Пойкерта из Высшей школы Рейн-Майн (Висбаден, Германия), имеющего, кстати, личный опыт воспитания в семье с особенным ребенком, многие здоровые сиблинги отмечают положительное влияние своих особенных братьев и сестер на выбор работы. Как правило, в этих случаях она связана с просоциальной мотивацией и относится к так называемым помогающим профессиям [Reukert, 2003]. Как бы ни оценивались представленные здесь позитивные эффекты, совершенно очевидной является ограниченность «дефицитарного» подхода к изучению семей, имеющих психически больного родственника, и особенностей социализации здорового сиблинга в частности.

Факторы формирования стратегий межсиблинговых отношений в контексте психического здоровья

Сложности изучения межсиблинговых отношений в особенных семьях связаны с наличием определенного количества индивидуально-личностных и социальных переменных, дифференцирующих получаемые данные.

Первая из таких переменных — пол здорового сиблинга. Многочисленные исследования показывают, что сестры заметно более ответственны в уходе за больным сиблингом, поддерживают с ним более интенсивные контакты и в силу этого испытывают большие, по сравнению со здоровыми братьями, нагрузки. Это характерно для ухода как за тяжелым соматическим, так и психиатрическим пациентом. Другие исследователи обращают внимание на пол ребенка, нуждающегося в уходе, и отмечают, что отношения между однополыми сиблингами теснее и интенсивнее — это одинаково характерно как для мальчиков, так и для девочек. Относительно гендерных различий в реакциях здоровых сестер и братьев на заболевание сиблинга присутствуют неоднозначные оценки. В ставшем классическим исследовании Н. Бреслау из Университета штата Мичиган (США), охватившем 327 сиблингов хронических соматических больных, было отмечено, что сестры в значительно большей мере демонстрируют депрессивные и фобические поведенческие особенности по сравнению с контрольной группой (N=248) [Breslau, 1982]. Некоторые исследователи показывают, что негативные эмоциональные реакции свойственны и братьям хронических соматических больных, но вместо страхов у мальчиков преобладают агрессивные импульсы.

Однако есть и другие данные. В исследовании Л. Дайсон из Викторианского университета (Канада) сравнивалось поведение 55 старших сиблингов в возрасте от 7,5 до 15 лет, имеющих братьев и сестер с физической инвалидностью в возрасте от 1 года до 7 лет, с поведением 55 таких же сиблингов, имеющих здоровых братьев и сестер [Dyson, 1989]. Результаты показали, что вторая группа, не имеющая опыта инвалидности сиблинга, демонстрировала большую агрессивность во взаимодействии. Таким образом, наличие сиблинга с инвалидностью не может рассматриваться как ведущая детерминанта поведенческих девиаций. Доказательств наличия гендерных различий в восприятии больного сиблинга в более поздних возрастах обнаружить не удалось, равно как нет данных о роли пола особенного ребенка как фактора переживаний здоровых братьев и сестер.

Важной переменной, определяющей переживания психического расстройства, является возраст здорового сиблинга в период первого психотического эпизода у брата или сестры. В исследовании, проведенном под руководством М. Крафт-Розенберг из Университета Айовы (США), были опрошены 123 сиблинга, чьи братья или сестры были госпитализированы в стационар, а также их родители [Crafft et al., 1985]. Респонденты младшей возрастной группы (5—9 лет) были проинтервьюированы, более старшие (10—17 лет) заполнили анкеты с описанием симптомов, которые могли бы демонстрировать их сиблинги в повседневной жизни: нарушения сна и пищевого поведения, нервозность, недержание мочи и т. д. Результаты анализа показали, что сиблинги наблюдали в среднем по 4 симптома (519 упоминаний) и их количество зависело от таких переменных, как возраст, характер отношений с госпитализированным ребенком, родительское объяснение причин госпитализации, собственный страх заболеть и изменение родительского поведения. В отличие от детей, родители наблюдали лишь половину симптомов, упомянутых детьми, что указывает на диагностическую важность информации, получаемой от сиблингов, для более точной оценки состояния госпитализированного ребенка.

Дальнейший анализ влияния возрастных переменных позволяет предположить, что совсем маленькие сиблинги еще неспособны выражать свои страхи вербально, что становится фактором риска развития психических нарушений. Ситуацию усугубляет и недостаток внимания родителей, переключившихся на проблемы больного ребенка, что также ставит младших членов семьи в невыгодное положение по сравнению со старшими сиблингами. Вообще, в случае психического расстройства одного из сиблингов старшие чувствуют себя менее обремененными по сравнению с младшими. С другой стороны, с возрастом уменьшается адаптационный потенциал человека и привыкание к новым условиям жизни и новым обязанностям в старших возрастах сложнее. Относительно поддержки больного сиблинга в зависимости от возраста здорового брата или сестры установлено, что интенсивность их контактов в среднем и старшем возрасте постоянно увеличивается, расширяется спектр предоставляемой помощи.

Влияние очередности рождения на человека и его поведение изучалось ранее, но интерес к данной теме не ослабевает до сих пор. Хотя отдельные результаты нельзя назвать однозначными, очередность рождения наряду с полом ребенка является одним из определяющих факторов распределения обязанностей в семье и формирования поведенческих моделей в будущем. В ходе исследования М. Феррари из Делавэрского университета (США) было установлено, что младшие сиблинги больного ребенка демонстрируют худшие показатели социально-психологической адаптации по сравнению с его старшими братьями и сестрами [Ferrari, 1984]. Они демонстрировали низкий уровень развития социальных навыков, невысокую самооценку и зависимость от внешних оценок. Стоит отметить, что чем меньше разница в возрасте, тем больше выражено наличие общих интересов с больным сиблингом, а также отношения сравнения и соперничества.

Еще одна переменная, определяющая негативное влияние на здорового сиблинга, — характер и продолжительность болезни особенного брата или сестры. Психические расстройства редко дают возможность установить четкую дату начала и конца заболевания, первые тревожные симптомы развиваются исподволь и не воспринимаются окружением с должным вниманием, присутствует неуверенность в характере происходящих изменений. Однако когда приходит понимание проблемы, этот продромальный период становится для семьи едва ли не самым тяжелым, поскольку некоторые симптомы, например апатия, уже налицо, но психологические защитные механизмы не позволяют идентифицировать наблюдаемые отклонения как болезнь. В этом состоит еще одно принципиальное отличие в восприятии психических и соматических болезней: в случае с последними манифестирующие симптомы видны сразу и не оставляют сомнений в необходимости врачебного вмешательства. Что касается срока заболевания, здоровые сиблинги так же подвержены эмоциональным встряскам, переживают периоды душевных подъемов и упадков, как и остальные родственники, вовлеченные в проблему, сильно зависят от продолжительности обострений и количества перенесенных госпитализаций.

Внимание к описанной проблеме открывает исследователям новые направления для психосоциальной реабилитации семьи. В настоящее время можно наблюдать возрастающее внимание к проблемам близких родственников психиатрических пациентов в рамках групп самопомощи, дневных стационаров;

эта деятельность развивается чаще всего на базе психиатрических учреждений [Судьин, Сучков, 2015]. Основными клиентами подобных форм помощи являются родители, столкнувшиеся с первым психотическим эпизодом своих детей. Проблемы таких семей были нами подробно проанализированы ранее [Судьин, 2012]. Обращение внимания на детей как отдельную группу клиентов, имеющих специфические потребности, обусловленные характером заболевания, возрастом и, в особенности, гендерным фактором, представляется перспективным шагом на пути создания комплексных программ реабилитации семьи.

Библиографический список

- Судьин С. А. Психическая болезнь и семья: субъективные и объективные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2. С. 390—395.
- Судьин С. А., Сучков Ю. А. Институционализация социальной работы в российской психиатрии на примере КПБ № 1 в г. Нижнем Новгороде // Материалы Международной научно-практической конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников». Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. С. 700—705.
- Bank S. P., Kahn M. D. *Geschwister-Bindung*. Paderborn: Junfermann Verlag, 1991. 306 S.
- Breslau N. Siblings of disabled children: birth order and age-spacing effects // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 1982. № 10. P. 85—96.
- Craft M. J., Wyatt N., Sandell B. Behavior and feeling changes in siblings of hospitalized children // *Clinical Pediatrics*. 1985. № 24. P. 374—378.
- Dyson L. L. Adjustment of siblings of handicapped children: a comparison // *Journal of Pediatric Psychology*. 1989. № 14. P. 215—229.
- Ferrari M. Chronic illness: psychosocial effects on siblings I. Chronically ill boys // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1984. № 25. P. 459—476.
- Frick J. *Ich mag dich — du nervst mich! Geschwister und ihre Bedeutung für das Leben*. Bern: Verlag Hans Huber, 2009. 351 S.
- Peukert R. Geschwister teilen alles? Eindrücke vom ersten Treffen einiger Geschwister psychisch kranker Menschen // *Psychosoziale Umschau*. 2003. № 4. S. 35—37.
- Schmid R. et al. Die Situation von Geschwistern psychisch Kranker // *Fortschritte der Neurologie-Psychiatrie*. 2005. № 73. S. 736—749.

References

- Bank, S. P., Kahn, M. D. (1991) *Geschwister-Bindung*, Paderborn: Junfermann Verlag.
- Breslau, N. (1982) Siblings of disabled children: Birth order and age-spacing effects, *Journal of Abnormal Child Psychology*, no. 10, pp. 85—96.
- Craft, M. J., Wyatt, N., Sandell, B. (1985) Behavior and feeling changes in siblings of hospitalized children, *Clinical Pediatrics*, no. 24, pp. 374—378.
- Dyson, L. L. (1989) Adjustment of siblings of handicapped children: A comparison, *Journal of Pediatric Psychology*, no. 14, pp. 215—229.
- Ferrari, M. (1984) Chronic illness: Psychosocial effects on siblings I. Chronically ill boys, *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, no. 25, pp. 459—476.
- Frick, J. (2009) *Ich mag dich — du nervst mich! Geschwister und ihre Bedeutung für das Leben*, Bern: Verlag Hans Huber.

- Peukert, R. (2003) Geschwister teilen alles? Eindrücke vom ersten Treffen einiger Geschwister psychisch kranker Menschen, *Psychosoziale Umschau*, no. 4, SS. 35—37.
- Schmid, R. et al. (2005) Die Situation von Geschwistern psychisch Kranker, *Fortschritte der Neurologie-Psychiatrie*, no. 73, SS. 736—749.
- Sud'in, S. A. (2012) Psikhicheskaia bolezn' i sem'ia: sub'ektivnye i ob'ektivnye problemy [Mental illness and family: objective and subjective burdens], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 2, pp. 390—395.
- Sud'in, S. A., Suchkov, Iu. A. (2015) Institutsionalizatsiia sotsial'noĭ raboty v rossiĭskoi psikhiiatrii na primere KPB № 1 v g. Nizhnem Novgorode [The establishment of social work in Russian psychiatry illustrated by case-study of the clinical psychiatric hospital № 1 in Nizhniĭ Novgorod], in: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Spetsifika professional'noi deiatel'nosti sotsial'nykh rabotnikov"*, Nizhniĭ Novgorod: Izdatel'stvo NISOTs, pp. 700—705.

Статья поступила 22.01.2016 г.

**СОЖИТЕЛЬСТВО В БРАЧНЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛОДЫХ:
ВОСПРИЯТИЕ И ПРАКТИКИ**

Анализируется сожительство в контексте выстраивания брачных/семейных стратегий молодых. Количественные данные (материалы переписей населения и общероссийских социологических опросов) позволяют сделать вывод, что подобные союзы занимают прочные позиции, как минимум, в качестве пробного брака. Анализ интервью молодых людей, состоящих в незарегистрированных отношениях (Нижегород, 2013 и 2015 гг.), позволяет увидеть общие моменты в восприятии неформальных союзов и в то же время — неоднородность молодежных сожительств. Опрос обоих партнеров дает возможность выделить сходство и различие в их оценке отношений.

Ключевые слова: брачная стратегия, зарегистрированные отношения, сожительство.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.2

**N. Yu. Egorova. Cohabitation in the marital strategies of the young:
perception and practices**

Trends in family/marital relations affect family formation in today's society, including Russia. Couples living together without registration, also known as cohabitation, form an increasingly significant stage in building a marriage/family strategy. The paper deals with the emergence and spread of this phenomenon which was named "nubile cohabitation". Quantitative data (obtained from population census data and nationwide opinion polls) confirm that such unions are common enough, at least as a trial marriage. Analysis of interviews given by young people who live unregistered (held in Nizhny Novgorod in 2013 and 2015 as part of the research "Cohabitation: the practice of the young") also underpins the importance of such relations being a new element in formation and development of family. The qualitative studies help to identify common aspects in how these informal relations are perceived: in general, we observe a serious attitude to the partner, although, different from that in a typical marriage, which is perceived as something imposing more responsibility and creating a new status; loyalty of the nearest social environment to the couple; characteristics of interpersonal/gender relations. At the same time, these unions are far from being homogeneous. The expectations behind the young people relationships can be different. Cohabitation may be seen as "a step before a proper marriage", "a

© Егорова Н. Ю., 2016

Егорова Надежда Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, nadegorova@yandex.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia).

stage in the development of relations”, “a result of coincidence”. As a result, the union can perform different functions, be perceived differently by partners, be oriented on family creation and registration of relations.

Key words: marital strategy, marriage, cohabitation.

Введение

За последние десятилетия брачное поведение россиян существенно изменилось. Данные демографической статистики и результаты выборочных исследований четко фиксируют наращивание новых тенденций в семейной сфере: увеличение среднего возраста вступления в брак и рождения детей, снижение показателей брачности и рост разводимости, появление и распространение новых добрачных практик и моделей семейных отношений [Саралиева и др., 2015: 56—57]. В результате процесс формирования/создания семьи в современном, в том числе российском, обществе приобретает ряд особенностей. Все чаще значимым звеном в выстраивании брачной/семейной стратегии становится совместное проживание пары без регистрации, или сожительство.

Показатели демографической статистики и результаты социологических исследований фиксируют рост числа супружеских союзов, отношения в которых не зарегистрированы. По сведениям микропереписи 1994 г., доля сожительств в общем числе супружеских союзов составляла 7 %. К 2002 г. она увеличилась до 10 %, в 2010 г. — достигла 13 % [Федеральная служба государственной статистики]. Наиболее интенсивно незарегистрированные союзы формируются в молодых возрастах, затем их доля в общем числе супружеских союзов снижается, оставаясь, тем не менее, достаточно высокой в старших возрастных категориях. Результаты выборочных социологических исследований свидетельствуют о еще большей распространенности неформальных союзов. Так, исследование «Семья и рождаемость», проведенное Росстатом в 2009 г., показало, что количество подобных пар составляет 15 %, причем чаще сожительство характерно для мужчин и женщин, отношения которых являются повторными [Семья и рождаемость...]. Интересны данные, полученные в результате Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ, согласно которым большинство респондентов старше 18 лет имеют брачный статус, официально подтверждающий наличие супружеских отношений, — 52 %. Остальные же формально считаются одинокими, не имея штампа в паспорте о регистрации семьи. На деле же каждый пятый из них живет вместе с партнером/партнершей, при этом либо считая себя мужем и женой (19 %), либо нет (2,9 %). В общем числе супружеских союзов доля незарегистрированных составляла уже 17,5 %*.

То же исследование четко показывает, что за последние десятилетия сожительство заняло прочные позиции, как минимум, в качестве пробного брака. Так, среди тех, кто вступил в брак до 1970—1980-х гг., доля начавших семейную

* Расчеты выполнены на основе данных 21-й волны (2012 г.) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимого НИУ «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; URL: <http://www.hse.ru/rlms>).

жизнь с совместного проживания без оформления отношений была минимальна и составляла не более 10—15 %. В 1980—1990-х гг. она выросла почти до 40 %. В начале же XXI столетия ситуация изменилась коренным образом: респонденты, регистрирующие семью без предварительной проверки отношений на прочность, оказались в меньшинстве, их осталось чуть более 20 %. Продолжительность пробных отношений, как правило, не превышает 2—3 лет. Чаще всего этого вполне достаточно, чтобы определиться с выбором брачного партнера. Гораздо реже, в 7—10 случаях из ста, парам требуется больше времени (см. табл.).

Доля (не)проживавших без регистрации до брака
(с учетом года вступления в брак), %

Год заключения брака	Не жили вместе до брака	Продолжительность сожительства, гг.			
		Менее года	1—3	3—5	5 и более
1969 и ранее	89	8	2	1	—
1970—1979	85	13	2	—	—
1980—1989	75	17	6	1	1
1990—1999	63	21	10	4	2
2000—2009	32	31	22	7	8
2010—2012	22	36	24	7	11

В рамках трансформационной концепции семьи такой союз рассматривается как элемент современной семейной системы, расширяющий границы супружества и супружеских отношений. Например, С. И. Голод, определяя супружество как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями», подчеркивал *неинституциональный* характер связи, симметричность прав и ответственности обоих супругов [Голод, 1995: 85]. Распространение сожительства, а впоследствии и внебрачных рождений радикально меняет пространство матримониальности, разрушая столетиями существовавшую монополию института брака в регулировании сексуальных практик и прокреационной деятельности [Голод, 2008: 46]. Появление новых практик связано и с существенным преобразованием качественных параметров межгендерных отношений, основой которых становится договорный характер, позволяющий максимально удовлетворять потребности партнеров в союзе, учитывая их индивидуальные стремления [Гидденс, 2004]. В этом контексте важна не столько форма супружества, сколько содержание выстраиваемых отношений, они становятся ценными сами по себе, не нуждаются в дополнительном утверждении и не требуют регламентации извне. Как следствие, границы между различными формами супружества делаются размытыми.

Всегда ли это так? Действительно ли сожительство мало отличается от брака и его уже можно рассматривать в «российских рамках» как аналог зарегистрированных отношений, включая неформальные союзы в сфере семьи и супружества? Является ли такая форма более «продвинутой», если говорить о симметричности прав, обязанностей, ответственности?

Сожительство — очень неоднородный феномен. Статистические данные указывают на возможное разнообразие отношений (молодежное сожительство/сожительство пожилых; сожительство ранее неженатых людей/сожительство ранее состоявших в браке и т. д.). Результаты исследований и зарубежных [Rindfuss, Vanden Heuvel, 1992], и отечественных также фиксируют разнообразие практик как вообще незарегистрированных пар [Михеева, 2001; Егорова, 2004; Саралиева, 2003], так и неформальных отношений в рамках отдельных социальных групп, например городского среднего класса [Шпаковская, 2012]. Сожительство — явление не новое, новым же в рамках современного общества становится возникновение и распространение феномена, который был назван «pubilecohabitation» (сожительство молодых людей, достигших брачного возраста) [Kiernan, Estauth, 1993]. Молодежное/пробное сожительство, как уже было отмечено, — часто встречающийся вариант и в России. Все более распространяясь, оно приводит к сокращению количества случаев регистрации брака или их откладыванию. Отвечая на поставленные выше вопросы, мы остановимся на рассмотрении неформальных союзов молодых людей.

Методика исследования

В основу анализа отношений молодых незарегистрированных пар легли материалы полужформализованных интервью, проведенных в рамках исследования «Сожительство: практики молодых» под руководством автора в 2013 и 2015 гг. в Нижнем Новгороде. Нижегородский регион является типичным с точки зрения развития основных тенденций в семейно-брачной сфере, в том числе и распространения незарегистрированных союзов. Так, например, результаты исследования «Жизнь семейная», проведенного в Нижегородской области в 2007 г., показали, что у 22,5 % респондентов супружеский союз не был зарегистрирован [Саралиева, 2008: 88]. В результате поиск респондентов не вызвал серьезных затруднений, тем более что речь шла о молодых парах. Общее число опрошенных — 42 (информация получена в целом о 30 парах). В 2013 г. пары опрашивались полностью (всего 12 пар), в 2015 г. — один человек из пары (7 юношей и 11 девушек). Во всех случаях сожительство отвечает критериям молодежного пробного союза: возраст опрошенных — от 19 до 30 лет; в подавляющем большинстве отношения добрачные (лишь три случая составляют исключения: одна пара — ремиссионная, партнеры восстановили отношения после непродолжительного брака; в двух других есть ребенок от предыдущего партнера); продолжительность отношений от 2 мес. до 4 лет (первый и последний варианты являются скорее исключением, так как в большинстве случаев стаж сожительства — от 6 мес. до 2 лет; средняя длительность отношений — чуть больше года); пары бездетны (только в двух случаях партнеры имеют ребенка от предыдущих незарегистрированных союзов и в одном ожидают рождения желанного ребенка).

По уровню образования, материальному положению пары неоднородны. Половина опрошенных имеют высшее образование, четверть — среднее специальное, остальные — студенты. Несмотря на то что большинство респондентов работают или подрабатывают (лишь четверо только учатся), как среднее их материальное положение можно оценить лишь в половине случаев, другие пары

либо очень зависят от средств родителей (родственников), либо сами относят себя к группам с низким/очень низким доходом. Большинство пар (две трети) не имеют собственного жилья и снимают квартиру/комнату или проживают вместе с родителями партнера/партнерши (в 4 случаях, из них в 2 — на съемной квартире). Кроме того, более трети респондентов, по сути, являются жителями сельской местности или небольших городов и приехали в Нижний Новгород учиться или работать.

Результаты

Стоит отметить, что разнородность выборки в целом не влияет на восприятие сожительства. Это серьезные моногамные отношения, где не должны быть допустимы измены: *«Жить с человеком и налево ходить?»* (Светлана, 24 г., продавец-консультант, стаж совместного проживания 2 г.), хотя все равно более свободные. Респонденты, по преимуществу, четко проводят границу между сожительством и браком, считая регистрацию отношений серьезным и ответственным шагом, с которым связаны четкие права и обязанности, предполагающие другой/законный статус: *«После оформления наших отношений у нас появятся семейные права и обязанности... чувство ответственности»* (Александр, 22 г., специалист по отделочным работам, стаж совместного проживания 2 г.); *«...Уверенно буду себя чувствовать, так как женой ему буду, а не просто девушкой»* (Александра, 22 г., специалист по оформлению кредитов, стаж совместного проживания 7 мес.). В то же время сожительство — это больше, чем просто ухаживания. Начать жить вместе — это уже определенное отношение к человеку, предполагающее значимость партнера, наличие симпатии, теплых чувств, хотя и без четкой гарантии дальнейшего развития/оформления отношений. Совместное проживание не всегда заканчивается свадьбой, в этих случаях оно оценивается как *«недолговременное и несерьезное»* частью мужчин (7 чел.) и сложнее — женщинами (3 чел.): *«Два года мы просто встречались, потом полтора года жили... Я уж замуж собиралась. А он взял и передумал... Я полгода переживала»* (Ирина, 27 лет, военнослужащая); *«Я не была замужем. Мы жили вместе около года... Он переехал к нам, когда я была на втором месяце беременности... пожениться мы еще не успели... Он до рождения ребенка был каким-то непутным, а после так вообще. Денег в дом не приносил почти, гулять начал с друзьями... Я его выгнала»* (Светлана, 24 г., продавец-консультант). Но чаще это первый опыт, связанный с совместным проживанием. Такие отношения — некое промежуточное звено между просто встречами и ответственностью, связанной с браком, которое позволяет быть рядом с близким человеком, но окончательно с ним не связывает, давая право на ошибку и альтернативный выбор. Сожительство позволяет *«узнать получше»* партнера, *«увидеть его в быту»* (Елена, 25 лет, учитель, стаж совместного проживания 11 мес.), прежде чем сделать окончательный выбор.

Надо сказать, что такое восприятие отношений характерно как для молодых людей, так и для девушек. Последние также часто считают, что *«перед тем как замуж выходить, надо пожить вместе, присмотреться»* (Алина, 22 г., продавец-кассир, стаж совместного проживания 2 мес.). Тем не менее для девушек официальное закрепление семейного статуса важнее, чем для мужчин, которых

часто *«и так все устраивает»* (Сергей, 23 г., студент, стаж совместного проживания 9 мес.). С другой стороны, было бы ошибкой говорить о чисто «женском» и «мужском» восприятии отношений. И те и другие находят как преимущества, так и недостатки в отсутствии регистрации отношений, могут быть инициаторами как формирования, так и разрыва союза, считать обязательным или нет наличие данного этапа, стремиться к заключению брака.

Сожительство становится настолько привычным явлением, что не только друзья, но и родители спокойно относятся к тому, что их ребенок просто с кем-то живет и пока не планирует свадьбу. Это касается родителей и юношей, и девушек. Лишь в исключительных случаях родители либо не знали о ситуации, либо были против совместного проживания, правда больше из-за негативного отношения к партнеру, чем к сожительству как таковому.

Сравнение социально-психологических характеристик сожителей и женатых пар (преимущественно молодых) в рамках зарубежных исследований показало, что есть существенные различия в их отношениях и мнениях относительно вопросов, касающихся семьи и брака [Bumpass, Sweet, 1992]. Те, кто сожительствуют, имеют менее традиционные взгляды на семью, в первую очередь это касается взаимоотношений между полами, супружеских отношений. Они чаще одобряют развод, добрачные сексуальные связи, спокойнее относятся к сексуальной неверности, а также отмечают, что женатые люди нуждаются в индивидуальной свободе. В гендерных отношениях они демонстрируют стремление к равенству. Это заставляет сделать вывод, что сожительство является не просто игнорированием официального брака, а следствием перехода от традиционных, патриархальных межгендерных отношений к современным, основанным на равенстве прав, партнерстве.

Отечественные исследования также говорят о стремлении партнеров договариваться, чтобы сохранить отношения и быть вместе [Шпаковская, 2012]. Действительно, когда речь заходит об определенных сферах взаимодействия, таких как установление степени свободы партнеров, удовлетворение профессиональных амбиций, формирование бюджета/расходование средств, решение конфликтных ситуаций, пары стремятся прийти к компромиссному решению, чтобы не разрушать отношения. В то же время сфера распределения домашних обязанностей с трудом поддается изменениям, предполагающим возможность формирования действительно партнерских отношений, основанных на принципах равенства. В результате в большинстве случаев (18 пар из 30), даже не являясь мужем и женой, пары стремятся/вынуждены сохранять привычное деление домашней работы на «мужскую» и «женскую»: *«Сама все делаю. Да как все девушки и женщины, занимаюсь приготовлением пищи, уборкой, глаженьем белья, в магазин за продуктами хожу, квитанции оплачиваю. А молодой человек? Заставишь его этим заниматься. Он предпочитает оставаться в стороне от моих домашних хлопот»* (Александра, 22 г., образование высшее, стаж совместного проживания 7 мес.). Конечно, мужчины не всегда полностью отстраняются от домашних дел. *«Ну, основную работу, которая считается женской, а это уборка, приготовление еды, стирка белья, ну и всякие мелкие дела, выполняю я. Хотя Саша часто может сам приготовить поесть и даже сделать уборку, когда я до вечера нахожусь на учебе»* (Анастасия, 22 г., студентка, стаж совместного проживания 2 г.).

В двух парах мужчины полностью берут на себя ответственность за домашние хлопоты: *«Все хозяйственные заботы беру на себя я — уборка, ремонты, готовка, стирка, выгул собаки, магазин и т. д. Это не женское занятие... Ее занятие — меня радовать! Иногда она может приготовить поесть, сделать уборку, но этим люблю заниматься я сам»* (Антон, 30 лет, риелтор, стаж совместного проживания 1,5 г.). Но это, безусловно, исключение.

В остальных парах распределение обязанностей можно назвать частичным или ситуативным. Например, мужчина может брать на себя отдельные обязанности (приготовление еды), сделать что-то по дому, если партнерша работает: *«В домашних делах он мне тоже помогает. Иногда даже больше, чем я, делает. Готовить любит. Я после ночных дежурств вообще никакая, так он и готовит, если надо, и уберется...»* (Ирина, 27 лет, военнослужащая, стаж совместного проживания 6 мес.). В пяти парах молодые люди все стремятся делать вместе: *«Как сказать, да у нас нет такого вот разграничения в выполнении домашней работы. Где-то что-то я могу сделать, где-то что-то делает мой молодой человек. Наверное, это потому, что еще учимся и у нас достаточно времени на выполнение домашней работы. Вот я есть готовлю, в квартире убираюсь, а он помогает мне всегда. Да и частенько сам может убраться и есть приготовить, пока меня дома нет. За покупками в магазин еще вместе ходим»* (Юлия, 21 г., студентка, стаж совместного проживания 1,5 г.).

Наличие общих моментов в восприятии отношений не означает полной однородности союзов, особенно когда речь заходит о причинах их формирования. Здесь можно говорить о трех различных вариантах.

В трети случаев (4 из 12 пар и 6 из 18 опрошенных) сожительство можно рассматривать как шаг к браку, «ожидание регистрации отношений». Даже если заявление в ЗАГС еще не подано и точная дата свадьбы не установлена, пары воспринимают себя как семью, пусть и без штампа в паспорте: *«Наши отношения... Я считаю их крепкими. По крайней мере, я к своей девушке отношусь серьезно... Я хочу, чтоб она была рядом со мной... Я, в принципе, считаю, что можно спокойно жить вместе без штампа в паспорте. Ничего ведь не изменится от этой записи. Но сейчас мне как-то даже самому захотелось. Не шикарной свадьбы, конечно. А просто почувствовать себя мужем. И чтоб она стала моей женой...»* (Алексей, 23 г., прораб, стаж совместного проживания 7 мес.). В отдельных ситуациях сожительство становится просто закономерным этапом перед свадьбой: *«В августе у нас будет свадьба. Вот только месяц назад заявление в ЗАГС подали, поэтому решили, что неплохо и пожить вместе до свадьбы»* (Анна, 27 лет, юрист, стаж совместного проживания 8 мес.). Как правило, в этих случаях партнеры хорошо знают друг друга, и совместному проживанию предшествует длительный период ухаживания. Отношения одинаково рассматриваются как значимые и серьезные, партнер/партнерша полностью устраивают друг друга, пара уже определилась с выбором и сожительство выполняет не столько селективную функцию, сколько адаптивную (партнеры «притираются» друг к другу, к особенностям совместной/семейной жизни, ожидая официальной регистрации отношений).

Самый распространенный вариант (7 пар и 7 опрошенных) — сожительство как «этап развития отношений»: *«Мне мало было просто встречаться, хотелось*

чаще его видеть» (Наталья, 20 лет, студентка, стаж совместного проживания 6 мес.); «Мы значительно привязались друг к другу...» (Михаил, 28 лет, юрист, стаж совместного проживания 2 г.); «Встречаемся долго, вот и решили перейти на новый этап отношений в нашей жизни» (Алена, 24 г., воспитательница детского сада, стаж совместного проживания 2 г.). Однако — без четких matrimониальных планов: «В будущем хотелось бы зарегистрировать отношения и создать семью, но пока мы не говорили на эту тему» (Алена, 24 г., воспитательница детского сада, стаж совместного проживания 2 г.); «Загадывать не буду, но, возможно, когда-нибудь и свадьбу сыграем» (Наталья, 20 лет, студентка, стаж совместного проживания 6 мес.). Надо сказать, что и в этой группе партнеры неплохо знают друг друга, но, видимо, этого оказалось недостаточно и за время ухаживания они не смогли принять окончательного решения. Сожительство здесь четко ориентировано на выполнение селективной функции: еще один шанс проверить себя и партнера. В отличие от первой группы, партнеры не всегда одинаково воспринимают отношения, сомнения в большей или меньшей степени характерны для обоих или одного из них. Один из партнеров вполне может рассматривать отношения как серьезные, считая их крепкими и с долгосрочной перспективой, в то время как для другого — это лишь компромиссный вариант, своего рода уступка, чтобы пока не потерять человека, но и полностью не быть с ним связанным: «Как супруг, может, он меня и устраивает, но я не хочу за него замуж... Может, вообще пока не хочу... Он, конечно, хороший, я привыкла уж к нему. Но я не люблю его. Вдруг я еще встречу свою настоящую любовь» (Екатерина, 22 г., продавец-консультант, стаж совместного проживания 1,5 г.); «Я нашими отношениями очень дорожу. Для меня лучше ее нет. Я ее, бывает, и женой называю... Я думаю, нам расставание не грозит. Мы давно вместе. Я ее воспринимаю как свою жену. Меня в ней все устраивает» (Сергей, 21 г., рабочий).

Третий вариант (1 пара и 5 опрошенных) — сожительство как «результат стечения обстоятельств». В данной группе начало совместной жизни не связано с браком, с серьезными дальнейшими перспективами, как правило, потому, что пары просто мало знают друг друга. Совместное проживание было выгодно вследствие сложившейся, в том числе экономической, ситуации («оказались в одном городе», «легче снимать квартиру» и т. д.): «Так как мы с ней студентки, для нас совместное проживание — способ упрощения платы за квартиру. А еще... считаем, что совместное проживание — тенденция современного общества. Люди проверяют свои чувства без каких-либо обязательств» (Александр, 22 г., студент заочного отделения, стаж совместного проживания 2 г.). В этом контексте речь идет не о проверке отношений, серьезных намерениях, а просто об удобной форме решения определенных проблем, а там — как получится.

Выводы

Широкая распространенность сожительства среди молодых, с одной стороны, означает, что эта форма постепенно встраивается в стратегии формирования брачных/семейных отношений, прочно занимая промежуточное место в звене «ухаживание — брак». Однако, судя по полученным данным, брак не всегда можно рассматривать как логичное следствие молодежного сожительства.

Более того, иногда совместное проживание связано с причинами, не обязательно предполагающими длительность и серьезность намерений, соответственно молодежные союзы можно рассматривать лишь как модель квазисемьи или квазисупружества, а не полноценную форму семейных отношений.

В связи с распространением и принятием практик молодежного сожительства начинает стираться грань между «женским» и «мужским» в восприятии таких союзов. Девушки, так же как и юноши, находят в совместном проживании свои плюсы и элементы удобства.

Сожительство, часто считающееся более современной и «продвинутой» формой отношений, не всегда может быть таковым. Безусловно, элемент договоренности и партнерства здесь присутствует (хотя такое возможно и в браке), но некоторые сферы данные характеристики просто не затрагивают и отношения выстраиваются по привычному традиционному образцу (например, распределение домашних обязанностей). Кроме того, надо отметить, что само формирование отношений — не всегда обоюдное принятое решение, а компромисс, на который идет один или оба партнера, чтобы не потерять близкого человека или, наоборот, не быть связанным с ним окончательно.

Библиографический список

- Гидденс Э. Трансформация интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
- Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 9. С. 74—87.
- Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40—49.
- Егорова Н. Ю. Институционализация отношений сожительства: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2004. 28 с.
- Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.
- Саралиева З. Х. Семья — клиент социальной работы: учебное пособие. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2003. 287 с.
- Саралиева З. Х. Нижегородская семья — 2007 // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. С. 87—98.
- Саралиева З. Х., Егорова Н. Ю., Курамшиев А. В. Мир внутрисемейного взаимодействия // Жизненные миры современной российской семьи. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2015. С. 20—113.
- Семья и рождаемость: краткие итоги выборочного обследования. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения: 31.01.2015).
- Федеральная служба государственной статистики: (официальный сайт). URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 29.01.2014).
- Шпаковская Л. Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 3—16.
- Bumpass L. L., Sweet J. A. Young adults' views of marriage, cohabitation and family // The Changing American Family: Sociological and Demographic Perspectives / ed. by S. J. South, S. E. Tolnay. Oxford: Westview Press, 1992. P. 143—171.

- Kiernan K. E., Estauagh V. Cohabitation: Extra-Marital Childbearing and Social Policy. London: Family Policy Studies Centre, 1993. 72 p.
- Rindfuss R. R., Vanden Heuvel A. Cohabitation: a precursor to carriage or an alternative to being single? // *The Changing American Family: Sociological and Demographic Perspectives* / ed. by S. J. South, S. E. Tolnay. Oxford: Westview Press, 1992. P. 118—142.

References

- Bumpass, L. L., Sweet, J. A. (1992) Young adults' views of marriage, cohabitation and family, in: South, S. J., Tolnay, S. E. (eds), *The Changing American Family: Sociological and Demographic Perspectives*, Oxford: Westview Press, pp. 143—171.
- Egorova, N. Iu. (2004) *Institutsializatsiia otnoshenii sozhitel'stva*: Avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk [The institutionalization of cohabitation: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Nizhniĭ Novgorod.
- Giddens, Ė. (2004) *Transformatsiia intimnosti: Seksual'nost', liubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies], St. Petersburg: Piter.
- Golod, S. I. (1995) Monogamnaia sem'ia: krizis ili ėvoliutsiia? [The monogamous family: crisis or evolution?], *Sotsial'no-politicheskiĭ zhurnal*, no. 9, pp. 74—87.
- Golod, S. I. (2008) Sotsiologo-demograficheskiĭ analiz sostoiianiia i ėvoliutsii sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 40—49.
- Kiernan, K. E., Estauagh, V. (1993) *Cohabitation: Extra-Marital Childbearing and Social Policy*, London: Family Policy Studies Centre.
- Mikheeva, A. R. (2001) *Brak, sem'ia, roditel'stvo: sotsiologicheskie i demograficheskie aspekty* [Marriage, family, parenthood: sociological and demographic aspects], Novosibirsk.
- Rindfuss, R. R., Vanden Heuvel, A. (1992) Cohabitation: A precursor to carriage or an alternative to being single?, in: South, S. J., Tolnay, S. E. (eds), *The Changing American Family: Sociological and Demographic Perspectives*, Oxford: Westview Press, pp. 118—142.
- Saraliev, Z. Kh. (2003) *Sem'ia — klient sotsial'noi raboty* [A family as a client of social work], Nizniĭ Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Saraliev, Z. Kh. (2008) Nizhegorodskaiia sem'ia — 2007 [Nizhny Novgorod family — 2007], in: Saraliev Z. Kh. (ed.), *Sem'ia i semeĭnye otnosheniia: sovremennoe sostoianie i tendentsii razvitiia*, Nizniĭ Novgorod: Izdatel'stvo NISOTs, pp. 87—98.
- Saraliev, Z. Kh., Egorova, N. Iu., Kuramshev, A. V. (2015) *Mir vnutrisemeĭnogo vzaimodeĭstviia* [The world of intrafamily interaction], in: *Zhiznennye miry sovremennoi rossiĭskoi sem'i*, Nizniĭ Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 20—113.
- Shpakovskaia, L. L. (2012) Nezaregistrirovannye soiuzu: brachnye strategii molodykh predstavitelei gorodskogo srednego klassa [Unregistered unions: marital strategies of urban middle class young], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—16.

**ПРОБЛЕМА ОТКАЗА ОТ НОВОРОЖДЕННОГО
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
(Подходы)**

Отказы от новорожденных в родильных домах — актуальная проблема современного общества в целом и российского в частности. В статье предпринята попытка систематизировать исследования по данному вопросу и определить основные векторы дальнейшего изучения. Несмотря на то что феномен отказничества привлекает внимание исследователей из разных областей: медицины, психологии, социологии, философии, он остается малоизученным. Теоретическое и методологическое осмысление проблемы применительно к России — изучение причин, факторов, динамики развития — позволит расширить знания в сфере отказов от новорожденных и будет способствовать разработке и совершенствованию системы профилактики в этой области.

Ключевые слова: отказ от новорожденного, социальное сиротство, матери-отказницы, причины и факторы отказа.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.3

**K. I. Samokhina. The abandonments and neglect of children:
theoretical and methodological approaches in Russian
and foreign science**

One of the most actual problems in modern society is social orphanhood. This research refers to studies of the abandonments and neglect of children in Russia. In Russia the quantity of the newborn abandonment grows every year and makes 0,3—0,4 % of all newborn. The purpose of the article is to consider the main aspects of research made in this field and to define the spheres for the further investigation. The general purpose of the project is to give an explanation of theoretical and methodological aspects of the problem. Although the question of abandonment and neglect of children attracted attention of scholars concentrating on sociological, historical, medical aspects of the problem, one cannot but admit that there remain certain aspects to be studied. Beyond the attention of scientists there are such spheres as the structure and motives of Russian mothers in crisis, their image in mass media, modern features of the abandonments and neglect of children in Russia. Further research in this area will show other important aspects of social and culture factors of families in crisis. The analysis of all these factors and reasons will help to develop an implementation of the infant abandonments' prevention service. In future appropriate technique will be more widely used in social services for families in crisis and children at risk of being abandoned and abused in Russian regions.

Key words: newborn child abandonment, social orphanhood, mothers abandoning children, reasons and factors of abandonment.

Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 22—33

© Самохина К. И., 2016

Самохина Ксения Игоревна — аспирантка школы по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, kseniya.baleeva@bk.ru (PhD student of the School of Social Research, the National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia).

Отказ от новорожденного — это острая социально-демографическая проблема современного российского общества. Ситуация представляется достаточно тревожной. Так, в 2011 г. количество «отказных» детей составило 5378 (0,30 % от числа всех родившихся), в 2012 г. — 5687 (0,30 %) [Основные показатели здоровья... , 2013], в 2013 г. — 6230 (0,40 %), в 2014 г. — 4983 (0,25 %) [Сведения...].

Проблема отказов от новорожденных требует глубокого теоретического осмысления. Целями настоящей статьи являются анализ теоретико-методологических подходов к проблеме отказов от новорожденных и установление основных направлений дальнейшего исследования.

Теоретические подходы к изучению феномена отказа от новорожденного

Разработанность данной проблемы определяется подходами, сложившимися в социологии семьи, социальной и семейной политике, исследовании гендерных отношений. Наиболее влиятельной теоретико-методологической позицией в области социологии семьи остается структурно-функциональная теория (Э. Дюркгейм, Р. Мертон), базирующаяся на принципах нахождения баланса и равновесия, порядка и устойчивости. Э. Дюркгейм в рамках концепции аномии рассматривает различие природы полов, факторы мотивации к жизни, устойчивость к переменам, основываясь на принципе разделения труда, объясняет распределение и функционирование социальных ролей между родителями, в основе девиации видит чрезмерную эгоистичность [Дюркгейм, 1991].

Р. Мертон, анализируя различное отношение людей к культурным нормам и общественно одобряемым целям, формулирует понятие девиантного поведения и выделяет его основные типы. Отклоняющееся поведение социолог трактует как следствие рассогласованности между культурными целями, социальной структурой и социально организованными средствами их достижения [Мертон, 2006].

В рамках теории конфликта рассматривается борьба полов как естественное состояние общества (К. Маркс, Г. Зиммель). По мнению К. Маркса, борьба за выживание в среде пролетариата порождает типы девиантного поведения (насилие в семье, сексуальную распущенность, алкоголизм) и сопровождается моральной деградацией уязвимых слоев населения [Маркс, 2010]. Г. Зиммель отмечает неизбежность конфликта, заложенного в биологической природе человека, основываясь на противопоставлении понятий жизни и культуры в широком смысле, рассматривает религию в качестве регулятора отношений, складывающихся в обществе [Зиммель, 2006].

С точки зрения гендерной теории отказ от новорожденного как девиантная форма материнства является следствием искажения функции семьи и трансформации семейных ценностей. Подвергаются сомнению традиционные представления о мужских и женских ролях как о глубинных элементах культуры — изменяется отношение к восприятию ценности материнства; пересматриваются традиционные женские качества: «Материнская нежность и доброта замещается карьеризмом, настойчивостью и жестокостью, что приводит к сознательному отказу от материнства и пренебрежению своими материнскими обязанностями» [Осипова, 2008: 86].

Сторонники теории феминизма решение женщины об отказе от новорожденного относят к правам на свободу выбора и независимость.

Представители социобиологических теорий предлагают рассматривать отказ от ребенка как поведение, свойственное и человеку, и животному и не зависящее от социальной реальности. Так, в первобытном обществе избавлялись от ребенка в период голода: важнее было выживание взрослых, которые в последующем смогли бы иметь детей. Однако развитие цивилизации накладывает отпечаток не только на биологические, но и на социальные факторы, в результате которых дети отдаются на воспитание в государственные учреждения, подкидываются, передаются на воспитание кормилицам и др. [Hardy, 1994].

С позиции теории символического интеракционизма отказ от новорожденного может трактоваться как неопределенность нравственных ценностей современного общества. Отказ от материнства может быть следствием ослабления в обществе института материнства, низкой мотивации к родительству и стремления индивида к комфорту и удовольствию.

С точки зрения синергетического подхода отказ от новорожденного представим как «акт самоорганизации и упрощения пути женщины как социальной системы», попытка адаптироваться к условиям социальной среды с помощью исключения факта рождения ребенка и возврата к первоначальному состоянию до рождения ребенка для достижения определенных целей [Нечаева, 2010].

В рамках теории социальной политики отказы от новорожденных рассматриваются как форма разрешения ситуации «неприемлемого биологического материнства», противостоять которой призвана обязательная профилактическая работа с женщиной и ее ближайшим окружением [Howe, 1998]. Она заключается в формировании и реализации комплекса реабилитационных мер, основанных на необходимости создания условий, способствующих совместному выживанию матери и ребенка [MacLean, 2003].

Автором настоящей статьи был проведен теоретико-методологический анализ исследований проблемы отказов от новорожденных в России. Выделено два подхода к интерпретации проблемы.

Суть первого подхода в том, что отказ от новорожденного — это девиантная форма материнства, тесно связанная с психологическими проблемами матери-отказницы и ее образом жизни. Его представители делают упор на индивидуальную вину женщины за отказ от новорожденного. Второй подход сводит отказ от новорожденного к вариантам репродуктивного поведения женщины, связанным с решением проблемы нежеланного материнства. Его представители позиционируют отказ от новорожденного как жизненное обстоятельство, возникшее под влиянием комплекса социально-психологических и экономических факторов. Подробнее рассмотрим каждый подход.

Девиантное материнство как повод отказа от новорожденного

В контексте девиантной формы материнства отказ от новорожденного рассматривается как следствие психологических проблем матерей-отказниц, возникших в результате отсутствия/недостатка положительного детско-родительского опыта (А. Я. Варга, А. Н. Хлебосолова, В. А. Швец, Е. В. Пономарёва и другие), психологической незрелости и низкой сексуальной культуры (В. И. Брутман, М. Г. Панкратова, С. Н. Ениколопов), социальной дезадаптации (Г. Г. Филиппова), неприятия родительской роли (М. А. Беляева).

А. Н. Хлебосолова и В. А. Швец рассматривают отказ от новорожденного как результат влияния родительских навыков, заложенных в детстве. По мнению исследователей, не только недостаточное внимание со стороны родителей приводит к искажению детско-родительских навыков, но и чрезмерная зависимость от отца и матери в детстве препятствует личностному развитию женщины, не позволяя ей самой в будущем стать матерью [Хлебосолова, Швец, 2010].

Е. В. Пономарёва изучает влияние девиантного материнства на формирование родительских навыков у ребенка, раскрывает природу явления и формы и с помощью эмпирического материала показывает, что отсутствие положительного материнского опыта у детей развивает в них неуверенность и может быть скопировано [Пономарёва, 2013].

Нарушение семейных и поколенческих связей (разводы, устройство детей на воспитание в детские дома, в семьи соседей и престарелых родственников), по мнению ученых, может являться причиной отказнического поведения женщины [Брутман и др., 2002].

Действительно, отсутствие положительного детско-родительского опыта у женщины может оказывать негативное влияние на ее отношение к детям и восприниматься как единственно верная модель поведения. Однако негативный детско-родительский опыт женщины может быть переосмыслен и может восприниматься женщиной как ситуация, которую она не должна допустить ни при каких обстоятельствах.

Так, в 2015 г. нами было проведено исследование, включавшее опрос специалистов по социальной работе, работающих в сфере профилактики отказов от новорожденных в 33 субъектах РФ. Оно показало, что, несмотря на то что 36 % женщин, изъявивших намерение об отказе, имели негативный детско-родительский опыт (7,2 % — воспитывались в детском доме, 15,8 % — в неблагополучной семье, 13 % — в формально благополучной семье, но имели затяжные конфликты с родителями), в 37 % случаев они изменили свое намерение и ребенка удалось сохранить в семье. Тогда как в 57 % случаев у данной категории женщин ребенка в семье не удалось сохранить (в том числе в 41% — по причине нежелания матери, в 16 % — при угрозе жизни и здоровью младенца), в 6 % случаев сведения об изменении намерения об отказе отсутствовали.

Отметим далее, что ряд исследователей среди основных причин отказа от материнства отмечают психологическую незрелость, эмоциональную неустойчивость, неспособность контролировать потребности — в совокупности с недостатком любви при наличии чувства пережитой несправедливости [Брутман и др., 1994]. Основные предпосылки к решению об отказе формируются задолго до рождения ребенка, на фоне глубокого психологического кризиса, в противостоянии инстинктов к материнству и недоверия к собственным возможностям. Выделяются две группы мотивов отказа от ребенка — социально-бытовые и психологические/психопатологические. При этом ребенок рассматривается как угроза благополучию потенциальной матери [Брутман и др., 1996].

Считаем, что комплекс социально-бытовых и психологических проблем является более распространенной причиной отказов от новорожденных, нежели психологическая незрелость и отсутствие сексуальной культуры, поскольку последние чаще встречаются у несовершеннолетних и молодых матерей и могут быть нивелированы за счет мощной поддержки близкого окружения.

По мнению Г. Г. Филипповой, отказ от новорожденного и вероятность сохранения ребенка в семье зависят от образа жизни женщины и степени ее социальной дезадаптации. Сильная степень социальной дезадаптации обусловлена алкоголизмом, наркоманией, бездомностью; средняя степень — низким социальным статусом, недостатком образования, плохими жилищными условиями; легкая степень — инфантилизмом, юным возрастом и пр. Исследовательница также выделяет внешнюю форму социальной дезадаптации, присутствующую у социально адаптированных женщин, которые проявляют безразличие к своему ребенку. Чем меньше степень социальной дезадаптации, тем больше шансов у ребенка воспитываться в кровной семье [Филиппова, 2002].

Поддерживая позицию Г. Г. Филипповой, считаем, что высокая степень социальной дезадаптации является самой опасной и может представлять угрозу здоровью и жизни младенца. Работа по профилактике отказов от новорожденных с этой группой матерей, как правило, проводится редко или не проводится вообще и чаще всего не дает положительных результатов.

М. А. Беляева рассматривает отказ от новорожденного как одну из форм девиантного родительства, свойственного не только матери, но и отцу ребенка. Отцовское отказничество в сравнении с материнским — наиболее широко распространенное явление в современном российском обществе, заключающееся в самоустранении отца от воспитания ребенка и выполнения алиментных обязательств. Существуют трудности в установлении факта отцовского отказничества, так как формальное признание отцовства не является фактом, подтверждающим участие в воспитании ребенка. М. А. Беляева определяет факт отказа от новорожденного как «биологическое родительство, не подкрепленное социальными обязанностями, связанными с родительской ролью, которые оценивались индивидом как тягостные, угрожающие его жизни и благополучию, а само рождение ребенка оказалось случайным событием, обусловленным низкой репродуктивной культурой индивида (семьи)» [Беляева, 2012: 208].

Можно согласиться с мнением М. А. Беляевой в том, что отказ от новорожденного — непринятие родителями их социальной роли в силу обстоятельств, оцененных ими как тягостные. Важным предложением М. А. Беляевой является также расширение круга ответственности за отказ от ребенка: ее должны нести оба родителя. Ответственность и роль отца часто упускается из виду, хотя является важной составляющей в работе по профилактике отказов от новорожденных.

Проблему девиантного материнства на материалах социологического исследования раскрывает Т. М. Петина. Через призму установок и ценностных ориентаций анализируется отношение молодых девушек-студенток к явлению отказничества. Она считает, что отказ матери от ребенка — форма девиантного материнства и показатель кризиса современной семьи. Ею выделяются объективные и субъективные факторы, формирующие отношение к проблеме. К субъективным факторам относятся насилие над женщиной и врожденные патологии ребенка, к объективным — государственная семейная политика и политика в области семьи и брака, также пропагандируемая Русской православной церковью. Особое влияние оказывают СМИ, пропагандирующие положительный образ материнства. Т. М. Петиной сделан вывод о том, что объективные факторы являются доминирующими и имеют ряд возможностей, способных сократить количество отказов от новорожденных [Петина, 2013].

Итак, представители девиантного подхода определяют отказ от новорожденного как индивидуальную «вину» женщины, ответственность за отказ всецело возлагают на мать и ее психологические проблемы, при этом за пределами внимания остаются внешние обстоятельства, которые также могут оказывать влияние на (не)сохранение ребенка в семье. Попыткой расширения круга факторов при этом подходе можно считать работу Т. М. Петиневой, которая, с одной стороны, позиционирует отказ от новорожденного как девиантное материнство, с другой — выделяет как объективные, так и субъективные факторы. Это дает возможность предположить, что отказ от новорожденного является следствием не только психологических, но и социальных проблем матери. Несмотря на то что вышеназванные исследователи представляют разные области социальных наук, их выводы во многом схожи и позволяют рассматривать отказ от новорожденного как форму девиантного материнства.

Отказ от новорожденного — один из вариантов репродуктивного поведения женщины, связанный с решением проблемы нежеланного материнства

В контексте второго подхода отказ от новорожденного трактуется как способ решения проблемы нежеланного материнства (О. Г. Исупова), как жизненное обстоятельство, возникшее под влиянием комплекса социально-психологических и экономических факторов (О. Г. Исупова, Е. Р. Ярская-Смирнова, Г. А. Тепер, Н. В. Грек, А. М. Марова и другие), как субъективная и объективная невозможность воспитывать ребенка (М. А. Костенко, Ю. А. Пучкина). Особенностью здесь является наличие у женщины репродуктивного права, позволяющего решать проблему нежеланного материнства посредством отказа от новорожденного. Исходя из этого в качестве теоретической рамки может быть использован феминистский подход.

Сознательный отказ как комплекс психологических и социально-экономических проблем, которому могут быть подвержены как женщины группы риска, так и благополучные семьи, рассматривался О. Г. Исуповой. По ее мнению, отказ от новорожденного — один из способов решения проблемы нежеланного материнства, наряду с абортами и применением контрацепции. Природа отказов основана на ряде личностных особенностей, характере социализации и внеличных обстоятельствах. Применительно к России внеличные обстоятельства понимаются как совокупность последствий экономического и социального кризиса, развернувшегося в начале 1990-х гг. и не завершившегося до сих пор. Они характеризуются бедностью в экономическом и социальном контексте, выражаются в плохой социальной адаптивности, «ненасыщенности социальных связей», ослаблении положительной установки общества на деторождение [Исупова, 2002: 3].

Вывод О. Г. Исуповой о том, что природа отказов от новорожденных кроется в совокупности индивидуальных особенностей личности, жизненных обстоятельствах, сложившейся социальной ситуации, которая прямо или косвенно оказывает влияние на жизнь женщины и ее возможности социализации, представляется нам достоверным и подтверждается проводившимися исследованиями.

Так, по данным исследования, осуществленного в 2013 г. Благотворительным фондом профилактики социального сиротства под руководством А. М. Маровой, основными причинами отказа являются: социальное неблагополучие — 20 %, десоциализация (отсутствие рядом родственников и друзей, способных оказать помощь) — 17 %, непринятие ребенка семьей женщины — 15 %, потрясения во время беременности — 13 %, нежеланность ребенка — 8 %, его патология — 5—10 %. При этом следует отметить, что лишь для 15 % отказниц проблема нехватки материальных ресурсов была решающей, для 18 % — решающими были потрясения, пережитые во время беременности (включая патологию ребенка), для 45 % — внутрисемейные конфликты, связанные с нежеланностью ребенка, разрывом родственных связей и общим семейным неблагополучием. Результаты свидетельствуют о том, что отказ от новорожденного происходит под влиянием социальных и психологических факторов, при этом плохое материальное положение выступает лишь второстепенной причиной на фоне глубокого психологического или социального кризиса, в котором находится женщина [Отказы матерей от новорожденных... , 2013: 16].

Мы считаем, что развитие социальных институтов, направленных на поддержку семьи, является важным элементом системы профилактики раннего социального сиротства. Большая часть причин отказа от новорожденных кроется в сложной ситуации, в которую попала женщина. Поэтому своевременное сопровождение, оказание необходимой социальной и психологической помощи, позволит сократить количество отказов от новорожденных.

Е. Р. Ярская-Смирнова, Г. А. Тепер, Н. В. Грек отказ от новорожденного рассматривают в контексте семейного неблагополучия, которое определяется как «состояние семейной группы, объективно препятствующее ее оптимальному функционированию, вызванное комплексом психофизических, социальных, экономических факторов». Выделяются субъективные и объективные факторы риска отказа от материнства. К объективным факторам относятся «медицинские предпосылки» со стороны матери или ребенка, наличие соматических или психических заболеваний в период беременности, инвалидность, к субъективным — неготовность к выполнению родительских обязанностей, давление со стороны социального окружения, поведенческие предпосылки (типы отношения к беременности). Исследователи справедливо считают, что матери-отказницы — это не однородная группа, они не всегда являются основными субъектами отказа, часто в принятии решения участвует ближнее окружение женщины. Влияние родственников может быть как косвенным, так и прямым [Ярская-Смирнова и др., 2008: 39].

Анализируя материалы личных дел из дома ребенка, М. А. Костенко описывает «факторы, влияющие на решение семьи отказаться от ребенка, выделяет основные группы новорожденных с высоким риском утраты родительского попечения» [Костенко, 2014: 313]. Одними из основных факторов отказа от новорожденного и помещения его в государственное учреждение являются инвалидность ребенка, острые проблемы жизнеустройства в семье, недостаточность услуг по месту жительства, направленных как на профилактику социального сиротства, так и на оказание своевременной медицинской помощи детям. Делается вывод о необходимости развития комплекса услуг, направленных на профилактику социального сиротства [там же: 314].

Ю. А. Пучкина отмечает, что отказ от здорового ребенка фиксируется чаще, чем отказ от ребенка с отклонениями в развитии, и может сопровождаться «социальным неблагополучием матери (семьи) и ее аддикцией (алкоголизмом, наркоманией)» [Пучкина, 2009: 44]. Основная причина отказа от новорожденного — объективная и субъективная неготовность воспитывать ребенка. Под объективной неготовностью понимается невозможность осуществлять уход в силу отсутствия навыков и ресурсов у таких категорий, как несовершеннолетние матери, выпускницы интернатных учреждений, женщины с тяжелыми заболеваниями. Под субъективной неготовностью понимается эмоционально-психологическое состояние женщины, связанное с конфликтами в семье, противоречивой позицией родственников в отношении ребенка, преувеличением своих проблем [Пучкина, 2009: 43—44].

Выводы

Анализ подходов исследователей, считающих, что отказ от новорожденного — один из способов решения проблемы нежеланного материнства, позволяет сделать следующие выводы:

— отказ от новорожденного обусловлен комплексом социально-экономических и психологических проблем женщины;

— несмотря на то что психологические проблемы женщины являются важной составляющей отказа от новорожденного, большее значение придается социальным и экономическим проблемам;

— ответственность за принятие решения об отказе от новорожденного делится между матерью-отказницей и ее близким окружением, которое может оказывать как прямое, так и косвенное влияние;

— специальное внимание уделяется нестабильной экономической ситуации в стране, которая рассматривается как один из факторов, влияющих на социальное благополучие матерей и количество отказов от новорожденных;

— развитие услуг, направленных на сопровождение женщины в трудной жизненной ситуации, — эффективный элемент системы профилактики отказов от новорожденных.

Описанные подходы обуславливают исследовательскую позицию автора статьи: отказ от новорожденного — форма девиантного поведения, сложная жизненная ситуация, возникшая в результате комплекса психологических и социально-экономических проблем женщины. Отказ может возникать как вследствие отсутствия навыков родительской привязанности, так и вследствие психических/психологических проблем, асоциального образа жизни матери, влияния ее близкого окружения и других внешних факторов. Представляется целесообразным не обвинять женщину в содеянном, а попытаться понять ее жизненную ситуацию и помочь ей создать условия, комфортные для выживания в сложной ситуации, и тем самым сохранить ребенка в семье. Как показывает опыт территорий, занимающихся профилактикой отказов от новорожденных, это значительно сокращает количество отказов.

Проведенный теоретико-методологический анализ проблемы отказов от новорожденных показал, что, хотя актуальность проблемы возрастает с каждым годом и привлекает все больше внимания, особенности мотивов матерей-

отказниц в России остаются малоизученными, отсутствуют исследования, направленные на описание региональных подходов в сфере профилактики отказов от новорожденных. Также за пределами внимания остаются такие вопросы, как история возникновения проблемы в России, образ матерей-отказниц в СМИ, влияние социокультурных факторов на матерей-отказниц, зарубежный опыт в профилактике отказов от новорожденных и др. На наш взгляд, мало изучен вопрос об отношении общественного мнения к проблеме матерей-отказниц. Благодаря проведению сравнительного анализа общественного мнения в населенных пунктах разного типа, представления о проблеме матерей-отказниц могут быть расширены.

Гражданское общество может выступать как субъект социальной политики, способный оказывать влияние на решение данной проблемы, и являться важной составляющей системы профилактики [Сидорина, 2012]. Поэтому мы считаем необходимым изучать проблему в контексте развития и становления социальной политики государства. Особый интерес может также представлять интерпретация проблемы с точки зрения теории демографической и семейной модернизации, теории социального капитала и его возможной связи с сохранением ребенка в семье, а также с точки зрения теории социальной аномии.

Поставленные вопросы важны как с теоретической, так и с прикладной точки зрения и могут значительно расширить представления о проблеме отказа от новорожденного и категории матерей-отказниц.

Библиографический список

- Беляева М. А. Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // Социология и жизнь. 2012. № 3. С. 207—212.
- Брутман В. И., Варга А. Я., Радионова М. С. Особенности семейного воспитания и личностные характеристики женщин, бросающих своих детей // Психология сегодня: ежегодник Российского психологического общества. 1996. Т. 2, вып. 4. С. 151—152.
- Брутман В. И., Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Журнал практической психологии и психоанализа. 2002. № 3. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2914> (дата обращения: 10.03.2015).
- Брутман В. И., Панкратова М. Г., Ениколопов С. Н. Некоторые результаты обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 31—36.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991. 576 с.
- Зиммель Г. Избранные работы. Киев: Ника-Центр, 2006. 440 с.
- Исупова О. Г. Отказ от новорожденного и репродуктивные права женщины // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 92—99.
- Костенко М. А. Социальные детерминанты отказов от новорожденных: опыт эмпирического исследования // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 3 (46). С. 313—315.
- Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М.: КомКнига, 2010. 154 с.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 105 с.

- Нечаева Л. В. Теоретико-практические основания изучения проблемы отказов от новорожденных в регионе // Регионология. 2010. № 4. URL: <http://regionsar.ru/node/625> (дата обращения: 12.08.2014).
- Осипова И. И. Гендерные аспекты социального сиротства // Женщина в российском обществе. 2008. № 4. С. 86—91.
- Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации. М.: ЦНИИОИЗ, 2013. С. 27—35.
- Отказы матерей от новорожденных: причины и способы предотвращения / Благотворительный фонд профилактики социального сиротства, Лаборатория социальных программ. М., 2013. 35 с.
- Петинова Т. М. Девиантное материнство: социологический анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2013. № 10 (36), ч. 2. С. 150—154.
- Пономарёва Е. В. Девиантное материнство как фактор формирования образа матерей у детей // Закономерности и традиции развития науки в современном обществе: сборник статей. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. Ч. 2. С. 241—252.
- Пучкина Ю. А. Профилактика ранних отказов от детей в контексте проблем социального сиротства // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 43—52.
- Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: форма № 103-РИК. URL: <http://fedstat.ru/indicators/form/view.do?id=10248> (дата обращения: 13.04.2015).
- Сидорина Т. Ю. История и теория социальной политики. М.: РГГУ, 2012. 555 с.
- Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 240 с.
- Хлебосолова А. Н., Швец В. А. Психологические причины отказа от материнства // Психология XXI века: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции молодых ученых / ЛГУ им. А. С. Пушкина. СПб., 2010. Т. 2. С. 58—64.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Тепер Г. А., Грек Н. В. Брошенные дети: проблемы профилактики раннего социального сиротства // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 31—48.
- Hardy S. Fitness trade-off in the history and evolution of delegated mothering with special reference to wet-nursing, abandonment and infanticide // Infanticide and Parental Care / ed. by S. Parmigiani, F. S. vom Saal. New York: Harwood Academic Publishers, 1994. P. 3—43.
- Howe D. Patterns of Adoption: Nature, Nurture, and Psycho-Social Development. Chichester: Wiley-Blackwell, 1998. 240 p.
- MacLean K. The impact of institutionalization on child development // Development and Psychopathology. 2003. № 15. P. 853—884.

References

- Beliaeva, M. A. (2012) Deviantnoe roditel'stvo v kontekste reproduktivnoĭ kul'tury sovremennoĭ sem'i [Deviant parenthood in the context of the modern family reproductive culture], *Sotsiologĭia i zhizn'*, no. 3, pp. 207—212.
- Brutman, V. I., Pankratova, M. G., Enikolopov, S. N. (1994) Nekotorye rezul'taty obsledovaniia zhenshchin, otkazavshikhsia ot svoikh novorozhdionnykh detei [Some research results of women refused newborn], *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 31—36.

- Brutman, V. I., Varga, A. Ia., Khamitova, I. Iu. (2002) Vliianie semeinykh faktorov na formirovanie deviantnogo povedeniia materi [The influence of family factors on formation of the deviant mother's behaviour], *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza*, no. 3, available from <http://www.psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2914> (accessed 10.03.2015).
- Brutman, V. I., Varga, A. Ia., Radionova, M. S. (1996) *Osobennosti semeinogo vospitaniia i lichnostnye kharakteristiki zhenshchin, brosaishchikh svoikh detei* [The peculiarities of family upbringing and personal features of women refusing newborns], *Psikhologiya segodnia: Ezhegodnik Rossiiskogo psihologicheskogo obshchestva*, vol. 2, no. 4, pp. 151—152.
- Diurkgeim, É. (1991) O razdelenii obshchestvennogo truda; Metod sotsiologii [About division of social activities; Sociology method], Moscow: Nauka.
- Filippova, G. G. (2002) *Psikhologiya materinstva* [The motherhood psychology], Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhoterapii.
- Hardy, S. (1994) Fitness trade-off in the history and evolution of delegated mothering with special reference to wet-nursing, abandonment and infanticide, in: Parmigiani, S., vom Saal, F. S. (eds), *Infanticide and Parental Care*, New York: Harwood Academic Publishers, pp. 3—43.
- Howe, D. (1998) *Patterns of Adoption: Nature, Nurture, and Psycho-Social Development*, Chichester: Wiley-Blackwell.
- Isupova, O. G. (2002) *Otkaz ot novorozhdionnogo i reproduktivnye prava zhenshchiny* [New-born abused and woman's reproductive rights], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 92—99.
- Jarskaia-Smirnova, E. R., Teper, G. A., Grek, N. V. (2008) Broshennye deti: problemy profilaktiki rannego sotsial'nogo sirotstva [Children orphans: problems of prevention], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 31—48.
- Kostenko, M. A. (2014) Sotsial'nye determinanty otkazov ot novorozhdionnykh: opyt émpiricheskogo issledovaniia [Newborn abused of social determines: empirical research], *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 313—315.
- Khlebosolova, A. N., Shvets, V. A. (2010) Psikhologicheskie prichiny otkaza ot materinstva [Psychology motives of the new-borns abandonments], in: *Psikhologiya XXI veka: Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh*, part 2, St. Petersburg, pp. 58—64.
- MacLean, K. (2003) The impact of institutionalization on child development, *Development and Psychopathology*, no. 15, pp. 853—884.
- Marks, K., Éngel's, F. (2010) Feïerbakh. Protivopozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzreniï [Feuerbach. Contrast of materialistic and idealistic views], Moscow: KomKniga.
- Merton, R. (2006) *Sotsial'naiia teoriia i sotsial'naiia struktura* [Social theory and social structure], Moscow: AST, AST Moskva, Khyranitel'.
- Nechaeva, L. V. (2010) Teoretiko-prakticheskie osnovaniia izucheniia problemy otkazov ot novorozhdionnykh v regione [Theoretical and practical bases for investigation of new-born children abdication problem in the region], *Regionologiya*, no. 4, available from <http://www.regionsar.ru/node/625> (accessed 12.08.2014).
- Osipova, I. I. (2008) Gendernye aspekty sotsial'nogo sirotstva [Gender aspects of social orphanage], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 86—91.
- Osnovnye pokazateli zdorov'ia materi i rebionka, deiatel'nost' sluzhby okhrany detstva i rodovspomozheniia v Rossiiskoi Federatsii* (2013) [The custodial service of childhood protection and obstetrics in Russian Federation: basic index], Moscow: TsNII OIZ, pp. 27—35.

-
- Otkazy materei ot novorozhdionnykh: prichiny i sposoby predotvrashcheniia* (2013) [Newborn abused: motives and methods of prevention], Moscow: Blagotvoritel'nyi fond profilaktiki sotsial'nogo sirotstva, Laboratoriia sotsial'nykh programm.
- Petinova, T. M. (2013) Deviantnoe materinstvo: sotsiologicheskii analiz [Deviant motherhood: sociological analysis], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (36), part 2, pp. 150—154.
- Ponomariova, E. V. (2013) Deviantnoe materinstvo kak faktor formirovaniia obraza materei u detei [Deviant motherhood as factor forming icon of the mother by children], in: *Zakonornosti i traditsii razvitiia nauki v sovremennom obshchestve: Sbornik statei*, part 2, Ufa: RITs BashGU, pp. 241—252.
- Puchkina, Iu. A. (2009) Profilaktika rannikh otkazov ot detei v kontekste problem sotsial'nogo sirotstva [Social orphanhood and early child-abandonment prevention], *Vestnik Toms'kogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (5), pp. 43—52.
- Sidorina, T. Iu. (2012) *Istoriia i teoriia sotsial'noi politiki* [History and theory of social policy], Moscow: RGGU.
- Svedeniia o vyavlenii i ustroistve detei-sirot i detei, ostavshikhsia bez popecheniia roditel'ei: forma № 103-RIK* [Information of social orphanhood detection: Form № 103 RIC], available from www.fedstat.ru/indicators/form/view.do?id=10248 (accessed 13.04.2015).
- Zimmel', G. (2006) *Izbrannye raboty* [Chosen works], Kiev: Nika-Tsentr.

Статья поступила 21.01.2016 г.

ОТЦОВСТВО В ГЕНДЕРНЫХ РЕЖИМАХ РАЗВИТЫХ СТРАН

Статья посвящена анализу гендерных режимов в странах благосостояния с точки зрения алармистского дискурса отцовства, который возник в 80-х гг. XX в. Теоретической рамкой сравнительного анализа выступает классификация социальных режимов Г. Эспинг-Андерсена и модель режимов гендерной политики Д. Сейнсбери. В странах благосостояния, условно отнесенных к либеральному, социально-демократическому и консервативному режимам, кризис отцовства имел разные причины. В странах либерального режима (Великобритания и США) источником общественной тревоги стало «безотцовское общество» и утрата отцами морального авторитета; в социально-демократическом режиме Скандинавских стран фокус семейной социальной политики был направлен на укрепление эгалитарных отношений в семье, но отцовские практики менялись медленно; в государствах с консервативным режимом традиционная модель отца-кормильца социально и экономически устарела. Автор приходит к выводу, что во всех рассматриваемых странах наблюдается отставание реальных отцовских практик от общественной риторики и проводимой социальной политики.

Ключевые слова: отцовство, гендер, семейная социальная политика, гендерный режим, социальный режим.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.4

A. N. Lipasova. Fatherhood in gender regimes of the developed countries

The article is devoted to the analysis of gender regimes in welfare states from the angle of alarmist fatherhood discourse, which appeared in the 80s. Gender regime is a set of rules and norms which create stable expectations regarding gender relations and assign specific rights and responsibilities to men and women. The theoretic frame of the comparative analysis consists of the classification of social welfare regimes by G. Esping-Andersen and the model of gender policy regimes by J. Sainsbury. In the welfare states, that can be classified as belonging to liberal, social-democratic and conservative regimes, there were different reasons of the fatherhood crisis. In the liberal regime states (the UK and the USA) “fatherless society” was the source of public social alarm, along with the weakening moral authority of fathers. In the social-democratic regime of Scandinavian countries the strengthening of egalitarian family relations was in the focus of family social policy. In the conservative regime countries like

Germany the traditional male-breadwinner model became socially and economically out-of-date. The author comes to the conclusion that in all the countries which were being analyzed real fathering practices lag behind the public discourse and conducted social policy.

Key words: fatherhood, gender, family social policy, gender regime, social regime.

В конце XX в. классик социологии Э. Гидденс писал, что «в истории еще не существовало общества, где женщины и мужчины обладали примерно равными правами» [Гидденс, 2004: 30].

Предписываемые гендерные роли являются основой индустриального общества. Как утверждают У. Бек и Э. Бек-Гернскейм, без разделения на мужские и женские роли невозможно существование нуклеарной семьи, а без нее, в свою очередь, не могло бы возникнуть буржуазное общество с его привычными паттернами оплачиваемой работы и бесплатного домашнего труда [Beck, Beck-Gernsheim, 1995: 24]. С одной стороны, наличие работающего за зарплату (wage-earner) требует комплементарной роли выполняющего работу по дому (houseworker). В этом отношении индустриальное общество держится на неравных ролях мужчин и женщин. С другой стороны, это неравенство не соответствует современному образу мышления и приводит все к большему количеству конфликтов и противоречий [Sumer, 2009]. Происходящие в современном мире изменения делают женское поведение более маскулинным, поэтому эгалитарность в гендерных отношениях возможна лишь при смене мужского курса жизни в сторону более феминного [Esping-Andersen, 2002: 70]. Алармистский дискурс относительно «мужского курса жизни» возник в 80-х гг. XX в. [Рореное, 1996; Blankernhorn, 1996], однако в США и европейских странах он развивался по-разному.

Так называемые страны благосостояния имеют разные социальные режимы, которые напрямую связаны с гендерным режимом и гендерным порядком в обществе [Connell, 1990]. Гендерный режим — это набор правил и норм, создающий устойчивые ожидания относительно гендерных отношений и присваивающий определенные права и обязанности мужчинам и женщинам [Sainsbury, 1999: 5]. Гендерно-сенситивный анализ социального устройства государств благосостояния позволяет выявить причины возникновения кризисного дискурса относительно института семьи, и в частности отцовства.

Классификация социальных режимов в странах благосостояния, предложенная датским социологом Г. Эспинг-Андерсеном в 1990 г., является одной из ключевых теоретических рамок, используемых в сравнительных исследованиях гендерных отношений и семейной политики в европейских странах [Esping-Andersen, 1990, 1992; Sumer, 2009]. Эспинг-Андерсен рассматривает страны благосостояния на агрегированном уровне в качестве «макросоциальных единиц». Его модель «трех режимов» основана на критике линейных подходов к изучению социального устройства стран благосостояния, принимающих во внимание только один из возможных индикаторов (объем затрат на социальную сферу, уровень развития демократии, степень социального неравенства и др.). Подчеркивая важность социальных отношений и взаимосвязь власти, демократии и благосостояния, Эспинг-Андерсен основывает свой анализ на предпосылке, что в основе государства благосостояния лежит социальное гражданство

(Т. Маршалл), в котором он выделяет три ключевых принципа [Esping-Andersen, 1990: 105]:

- декоммодификацию, которая показывает, насколько уровень благосостояния индивида зависит от его вовлеченности в рыночные отношения;
- стратификационную систему, поддерживаемую политикой государства;
- государственную интервенцию в рыночные и семейные отношения.

Декоммодификация, или степень зависимости социальных прав и уровня жизни граждан от рыночных сил, усиливает позиции наемных работников в отношениях с работодателем и дает им возможность прибегнуть к коллективным действиям. Примером декоммодифицирующих социальных привилегий может служить оплачиваемый по полной рабочей ставке отпуск по болезни [Esping-Andersen, 1992: 107]. На основе анализа схем выплат пенсий и пособий по болезни и безработице в 18 странах благосостояния Эспинг-Андерсен сделал вывод, что они делятся на 3 группы в зависимости от степени декоммодификации [Esping-Andersen, 1990: 51]. Низкий уровень декоммодификации наблюдается в странах, где исторически сильны либеральные ценности, высокий уровень присутствия социально-демократическим странам. Страны континентальной Европы занимают промежуточную позицию.

Основываясь на аналогичных измерениях уровней социальной стратификации и государственной интервенции (низкий — высокий), Эспинг-Андерсен выделяет три социальных режима в современных государствах благосостояния: либеральный, социально-демократический и консервативный.

Либеральный режим основан на «остаточном» принципе. Это означает, что вмешательство государства в рыночные процессы происходит лишь в ситуации провала рынка. Помимо зависимости от рынка, этот режим характеризуется относительно высокой стратификацией доходов граждан и государственной интервенцией, регулирующей рыночные отчисления в фонды социальной защиты. Типичными примерами либерального социального режима являются США, Канада, Великобритания и Ирландия.

В консервативном режиме социальные права напрямую связаны со статусом и классом, сохранение статуса выступает главной целью. В странах с консервативным режимом большое влияние имеют церковь и традиционные семейные ценности. Государственное вмешательство происходит лишь в случае, когда ресурсы семьи на поддержку ее членов исчерпаны. Представителями этого режима являются Германия, Франция, Австрия и Италия.

Социально-демократический режим основан на принципах универсализма и эгалитарности, социальные привилегии обеспечиваются гражданством и оплачиваются из налоговых поступлений. Он характеризуется высокой степенью декоммодификации, интенсивным государственным финансированием социальной сферы, стремлением к эгалитарной классовой структуре и характерен для Скандинавских стран.

В 90-х гг. XX в. начались попытки оценить социальные режимы в странах благосостояния с точки зрения гендерных отношений. Например, Дж. Сейнсбери помещает в фокус своего исследования разделение труда между полами и то, «как гендерные идеологии влияют на распределение социальных благ, а социальная политика, в свою очередь, меняет жизнь мужчин и женщин в странах

благополучия» [Sainsbury, 1994: 7]. Сейнсбери вводит понятие «режимы гендерной политики» (gender policy regimes), «различия между которыми основаны на фактических или нормативных представлениях относительно отношений полов, принципах распределения прав и социальной политике» [Sainsbury, 1999: 251]. По мнению Сейнсбери, таких режимов три: «режим отца-кормильца» (male-breadwinner regime), в котором отец обеспечивает семью, а матери отводится роль домохозяйки; «режим гендерных ролей» (separate gender roles regime), основанный на строгом разделении труда, однако признающий равную значимость финансового обеспечения и домашнего труда; «режим двойной зарплаты и заботы» (individual earner-carer regime), гарантирующий мужчинам и женщинам равные права и обязанности в сфере оплачиваемого труда и заботы о детях.

Ряд исследователей феминистского направления находят классификацию Эспинг-Андерсена неудовлетворительной для анализа изменений, происходящих в семье и гендерных отношениях [Hobson, Morgan, 2002: 12]. Тем не менее «архитектура» социального режима во многом определяет степень гендерного равенства: социально-демократический режим поддерживает занятость матерей и совмещение ими домашних и трудовых обязанностей; минимальное вмешательство в рыночные процессы в либеральном режиме делает положение женщин уязвимым и незащищенным; семейно-ориентированный консервативный режим ограничивает деятельность женщин на рынке труда или заставляет их делать выбор между карьерой и семьей [Orloff, 1993]. Однако анализ различий в гендерных режимах несправедливо ограничивать лишь «женским аспектом». Мы попытаемся осуществить его с точки зрения дискурса отцовства.

Либеральный режим: Великобритания и США

В Великобритании отцовство стало фокусом социальной политики в 80-х гг. XX в. [Lewis, 2002]. Поскольку исторически в этой стране превалировала и поддерживалась государством модель отца-кормильца, основное беспокойство у политиков стала вызывать способность отцов содержать семью. В контексте британского государства благополучия мужчин решено было поддерживать как кормильцев, граждан, солдат, ветеранов, но не как отцов [Williams, 1998: 65]. За женщинами, напротив, закреплялся статус матерей и жен, но не работников и граждан. «Естественные женские обязанности» матерей и жен давали женщинам право на государственную поддержку — пособия по уходу за детьми и медицинские услуги, в то время как «естественные мужские права» — зарабатывать деньги и контролировать жен и детей — накладывали на мужчин обязанность обеспечивать семью. Таким образом, интервенция государства в семейную жизнь граждан заключалась в том, что оно наделило мужчин правами, чтобы они выполняли свои обязанности [Collier, 2010]. Такая попытка сместить баланс сил в треугольнике «семья — рынок — государство» не оставила отцам возможности проявлять эмоциональную заботу о детях вне зависимости от их отношений с матерью ребенка и степени овладения ими роли добытчика.

В 80-х гг. XX в. британское законодательство четко разграничило публичную и частную сферы жизни граждан: публичное право признавало, что мужчина должен обеспечивать только ту семью, в которой он живет, а частное

пыталось доказать, правда с небольшим успехом, что он должен заботиться и о своей «первой» семье. В общественном дискурсе отец представлял собой неудачника, не способного ни содержать семью, ни служить ролевой моделью своим детям. Поддерживать одиноких матерей в итоге приходилось государству. Его основной заботой относительно отцов стала попытка привязать их к семье и пробудить в них родительскую ответственность, как для блага их детей, так и для того, чтобы оградить общество от их безрассудного и антисоциального поведения [Lewis, 2002].

В следующее десятилетие в общественном дискурсе сложились две противоположные точки зрения, которые можно назвать правой и левой. Консерваторы утверждали, что отцы слишком «обласканы сочувствующим государством» [Gilder, 1981]. Журнал «The Economist» напечатал статью, в которой ситуация, когда отцы не поддерживают свои семьи, рассматривалась как несправедливая по отношению к налогоплательщикам: «...когда семья распадается, уровень жизни мужчины становится выше, а женщины и детей — ниже, зачастую ниже уровня бедности. Налогоплательщикам в этом случае приходится содержать первую семью, в то время как мужчина заводит себе вторую. Это неправильно. Отец, который не может себе позволить содержать две семьи, должен иметь только одну» [Lewis, 2002].

Политические комментаторы, относящиеся к левому крылу, рассматривали сложившуюся ситуацию как «ответный удар маскулинности» (masculinist backlash), настаивая на том, что общество в лице женщин и государства лишило мужчин их роли кормильцев [Dennis, Erdos, 1992]. По их мнению, жадность и индивидуализм, ставшие идеалами во времена М. Тэтчер, привели к распаду традиционной семьи, а одинокое материнство и экономическая независимость женщин являются причиной, как минимум, безответственного, а как максимум — криминального поведения мужчин [Halsey, 1993].

В 1991 г. вышел «Закон в поддержку детей» (Child Support Act), согласно которому все отцы, разведенные или не состоявшие в браке, должны финансово поддерживать своих биологических детей, независимо от их текущего семейного положения. Все отчисления, получаемые от отцов в рамках этого закона, шли непосредственно государству. Скрытой целью данного законопроекта была попытка смоделировать репродуктивное поведение мужчин таким образом, чтобы они имели только то количество детей, которое могут содержать. За сбор средств с отцов стало отвечать специальное Агентство по поддержке детей (Child Support Agency), получившее от правительства строжайшие указания относительно расчета суммы, которую нужно востребовать с «отсутствующего родителя», и сложновыполнимые финансовые цели — 560 млн фунтов в первый год работы [Millar, 1996]. Агентство начало функционировать в апреле 1993 г., и поток жалоб от отцов, а также уличные протесты не заставили себя долго ждать. Возмущение отцов и их «вторых» семей было настолько велико, что уже через три года правительству пришлось снизить ставку по отчислениям, исключить из рассмотрения обеспеченных отцов, которые могли самостоятельно договориться с матерями о размере алиментов, и вновь сделать основным фокусом своей работы одиноких матерей, создавая для них новые рабочие места. Заставить отцов платить и менять свое поведение в тот раз все-таки не удалось.

Неудачу «Закона в поддержку детей» исследователи объясняют тем, что выплаты отцов государству или непосредственно матерям не видны ребенку и не позволяют отцу идентифицировать себя с кормильцем и проявлять контроль. Напротив, покупка подарков для ребенка — это проявление контроля и свободный выбор мужчины, а также возможность напрямую контактировать с ребенком [Bradshaw et al., 1999]. Государство пыталось изменить поведение отцов, их практики, привязать отцов к своим детям, но на величине эмоциональной заботы, исходящей от отцов, это не сказалось. Таким образом, первая попытка заставить британских отцов быть «хорошими» закончилась лишь укреплением традиционных гендерных ролей.

В США, как и в Великобритании, в фокусе общественной дискуссии были «плохие» отцы.

Начиная с «Нового курса» Ф. Рузвельта, т. е. с конца 30-х гг. XX в., под соцзащитой понималась поддержка семейных мужчин в период безработицы. Статус мужчин-кормильцев поддерживался рынком и работодателями, а не государством. Американская система социального обеспечения более всего благоволит к пожилым людям, особенно мужчинам, поскольку они в большинстве своем имеют более долгий трудовой стаж [Orloff, Monson, 2002]. Эта политика практически не изменилась со времен «Нового курса», закрепила за мужчиной статус кормильца и обеспечила ему щедрую пенсию, которую в случае его смерти продолжает получать его жена, если она не работает и экономически зависима от мужа. Это увеличивает привлекательность традиционного гендерного контракта для многих семей.

Следующий этап усиления степени декоммодификации социального режима в США начался с приходом к власти правительства Р. Рейгана, когда на места в государственных детских садах смогли претендовать преимущественно дети из нуждающихся семей. Число частных учреждений дошкольного детского образования соответственно выросло, не в последнюю очередь за счет налоговых льгот, предоставляемых государством. Даже на сегодняшний момент высокая стоимость услуг детских садов препятствует тому, чтобы матери выходили на работу [Collins, 2015].

В рамках социальной политики, направленной на защиту прав детей, хорошим отцом считается хороший работник: от него требуется содержать ребенка, но не купать, кормить или как-либо еще напрямую заботиться, также отец не обязан жениться на матери ребенка [Orloff, Monson, 2002]. Гендерная идентичность мужчины как отца напрямую зависит от его статуса на рынке труда, что ставит в особенно невыгодное положение отцов из маргинализированных групп населения, принадлежащих к более низкому социальному классу и этническим меньшинствам. Прежде всего именно положение этих отцов оказалось кризисным.

В 90-х гг. в США заговорили о «безотцовском обществе» (fatherless society), отсутствие отца в семье стало социальной проблемой приоритетной важности [Рореное, 1996; Blankernhorn, 1996]. Огромную роль в привлечении внимания государства к этой проблеме стало играть общественное движение «В защиту ответственного отцовства» (Fatherhood Responsibility Movement), в котором принято выделять два крыла: движение в защиту брака (pro-marriage wing), участники которого считают вступление в брак главной отцовской обязанностью

всех без исключения мужчин, и движение в защиту нестабильных семей (fragile families wing), борющееся за права отцов, принадлежащих к низшим слоям общества и этническим меньшинствам [Gavanas, 2004] (табл. 1).

Таблица 1

Движение «В защиту ответственного отцовства» в США

Характеристики	Направления	
	В защиту брака	В защиту нестабильных семей
Политическая направленность	Консерваторы	Либералы
Фокус	Ценности, нравственные установки (культурные факторы)	Усовершенствование экономической системы, предоставление равных возможностей (структурные факторы)
Целевая аудитория	Публичная арена	Отдельно взятые отцы и семьи
Отношение к браку	Приоритет брака (должен быть заключен до рождения детей)	Необязательность брака (не должен быть целью социальной политики)
Причина кризиса отцовства	Меняющееся положение женщин, уменьшение их зависимости от мужчин	Привилегированное положение «других» мужчин (белых, из более высоких социальных слоев)
Цель	Восстановление позиций брака как института, гарантирующего благополучие детей и мотивирующего отцов на стабильную занятость и ответственность	Решение социальных и экономических проблем, позволяющее увеличить привлекательность мужчин как потенциальных отцов (marriageability)

Несмотря на очевидные различия в установках, все участники движения «В защиту ответственного отцовства» стремятся реагировать на меняющиеся гендерные стереотипы, экономический и культурный климат, условия на рынке труда с целью определить, каким должен быть хороший отец, и донести это до общества и государства. Однако государство медленно реагирует на их попытки: так, отпуск по уходу за ребенком в США хоть и является гендерно-нейтральным, но по-прежнему не оплачивается [Collins, 2015].

Социально-демократический режим: Скандинавские страны

Модель двойной зарплаты и заботы (dual earner/dual carer model) стала доминировать в скандинавской социальной политике во второй половине XX в. [Leira, 2006]. Но традиционные семейные формы оставались сильны и поддерживались политиками в Норвегии, Швеции и особенно Финляндии. С середины 70-х гг. социал-демократы и политические партии левого толка пытались выступать за равное разделение функций материальной поддержки и заботы между родителями, тогда как правые политики поддерживали традиционный внутрисемейный договор.

В это же время скандинавские исследователи обратили внимание на преимущества менее специализированных, чем в традиционной семье, родительских ролей отца и матери. Много работ было посвящено семье как пространству конфликтующих интересов, и радикальные гендерно-ориентированные исследования повлияли на формирование эгалитарной социальной политики, направленной на создание государственных детских садов и предоставление матерям и отцам возможности работать в формате частичной занятости. В 1987 г. предложенная Х. Хернес концепция «благоприятного для женщин государства всеобщего благосостояния» (woman-friendly welfare state) привлекла к себе широкое внимание [Hernes, 1987]. По Хернес, политика равноправия должна пройти три стадии: на первой трудовое законодательство стимулирует женщин выходить на оплачиваемую работу, вторая стадия состоит в проведении гендерно-нейтральной политики равных возможностей, на третьей стадии мужчин призывают брать отпуск по уходу за детьми и участвовать в заботе о них. Главная цель такой политики — гендерное равенство в семье и обществе в целом [ibid.: 19].

Другим революционным шагом скандинавского законодательства стало перераспределение обязанностей по уходу за ребенком. Во-первых, эти обязанности взяли на себя как родители, так и государство, открывая детские сады и учреждения раннего развития. Далее, мощную поддержку получило перераспределение родительских обязанностей между матерью и отцом и, как следствие, внутрисемейный контракт работающей матери и занимающегося домашним трудом отца. Законодательно закрепленное гендерное равенство сделало отношения в семье более эгалитарными, а родительские практики менее специализированными [Leira, 2006: 32] (табл. 2).

Таблица 2

**Гендерное равенство в Скандинавских странах:
законодательные реформы**

Реформы	Дания	Финляндия	Норвегия	Швеция
	Годы			
Планирование семьи: одобрены противозачаточные таблетки разрешены аборты	Середина 1960-х	1961	1967	1964
	1973	1970	1978	1975
Поддержка родительства: родителям предоставлен оплачи- ваемый отпуск после рождения ребенка часть отпуска закрепляется за отцом дано право на 6-часовой рабочий день родителям маленьких детей	1984	1978	1978	1974
	1997 (до 2002-го)	2003	1993	1994
	—	1988	—	1979
Равные возможности: акт о равных возможностях на рынке труда акт о гендерном равенстве	1978	—	—	1980
	—	1987	1979	—

Тем не менее, оценивая эффективность проотцовской социальной политики Скандинавских стран в начале 2000-х гг., исследователи пришли к выводу, что в тот момент ее значимость носила скорее символический, а не фактический характер: она несильно изменила принцип разделения труда между мужчинами и женщинами и на отцов по-прежнему приходилась небольшая доля от всего отпуска по уходу за ребенком [Bergman, Hobson, 2002]. Однако введение «отцовской квоты» (daddy quota) — непередаваемого оплачиваемого отпуска, закрепляемого за отцом, имело успех и увеличило долю отцов, «уходящих в декрет», и длину их отпуска.

Проводимая Скандинавскими странами социальная политика оказалась классово ориентированной: «продвижение отцовства» стало более популярным у среднего, чем у рабочего класса. Отцы, имеющие высшее образование и работающие в государственном секторе, охотнее брали отпуск, поскольку отсутствие на рабочем месте не сильно ударило по бюджету их семьи, а работодатель благосклоннее относился к их решению. Для данной социальной прослойки рефлексия относительно вариантов разделения отпуска и их обсуждение явились ресурсом для достижения более справедливого гендерного порядка в семье [Lammi-Taskula, 2006]. Для менее образованных семей непроверенное предположение о том, что отцовский отпуск приведет к потере дохода, а также традиционные культурные представления о родительстве, в особенности материнстве, препятствовали эффективным переговорам относительно отпуска как в семье, так и на рабочем месте.

Таким образом, постреформенное десятилетие показало, что одной социальной политики, какой бы революционной она ни была, недостаточно, чтобы изменить существующий гендерный порядок. В рамках новых дискурсов родительства необходимо признать, что оба родителя обладают необходимыми ресурсами, чтобы хорошо заботиться о детях, и что у мужчин, кроме работы, есть другие интересы и зоны ответственности.

Консервативный режим: Германия

В Германии, в отличие от США и Великобритании, источником алармистского дискурса отцовства служило не «безотцовское общество», а скорее низкий уровень рождаемости, высокая стоимость жизни и бедственное положение матерей-одиночек [Ostner, 2002]. Пошатнувшееся уважение к фигуре отца стало приметой первого послевоенного поколения, когда феномен авторитарной личности и поддержка нацизма сплелись в общественном сознании со слабостью и отсутствием авторитета мужей и отцов [Адорно, 2001]. После окончания Второй мировой войны в Западной и Восточной Германии сложились два совершенно разных гендерных режима. Гендерный контракт, существовавший в ФРГ, соответствовал типичной модели отца-кормильца, предполагал традиционное разделение труда в семье, зависимое положение матерей и отсутствие прав у отцов, находящихся в разводе или не состоящих в браке. В ГДР само государство выполняло роль отца, позволяя матерям совмещать материнские и гражданские обязанности, т. е. работать и строить социалистическое государство, отцы же оказались в дискриминированном положении. Когда рухнула Берлинская стена, в ГДР государство оплачивало 80 % расходов на воспитание детей напрямую

или косвенно — в виде государственных детских садов, детских лагерей, пособий матерям-одиночкам. Государство хорошо защищало матерей Восточной Германии от бедности, и если использовать понятия «благоприятное для женщин государство» (*woman-friendly state*), «дефамилизация» (статус, который гарантирует приемлемый стандарт жизни для женщины с детьми, поддерживающийся либо через оплачиваемую работу, либо через систему социального обеспечения) и «экономическая независимость женщин от мужчин» [Ostner, 2002: 154], то Восточная Германия была воплощением их всех. В результате после объединения страны восточногерманские женщины были скорее заинтересованы в стабильной занятости, а не в равном разделении обязанностей по дому. Западная же Германия, напротив, была классическим воплощением консервативного социального режима с присущим ему принципом субсидиарности, признающим вмешательство государства только тогда, когда семья не в состоянии справиться с возникшей ситуацией [Esping-Andersen, 1990, 1992]. Так, создание государственных детских садов противоречит этому принципу. На социальную политику Западной Германии также оказала большое воздействие католическая церковь, согласно канонам которой интересы семьи ставятся выше интересов отдельного индивида. Семьи с одним кормильцем пользовались льготным налогообложением, а в случае развода мать, не занятая на рынке труда, вполне могла оказаться за чертой бедности, в отличие от своей коллеги из Восточной Германии.

После объединения Германии и принятия нескольких законов, действующих в интересах отцов, позволяющих им брать отпуск по уходу за ребенком и закрепляющих их права в случае развода, традиционные представления о роли матери и отца в семье по-прежнему очень распространены как среди мужчин, так и среди женщин, что подтверждает мнение о том, что изменения в законодательстве необязательно приводят к изменению практик. П. Зулеенер и Р. Вольц разработали типологию мужчин Восточной и Западной Германии: приверженцы традиционных ценностей (19 % мужчин), два смешанных типа — «неуверенные» (37 %) и «прагматики» (25 %) — и «новые» мужчины (20 %), которые обычно имеют хорошее образование, являются вовлеченными отцами и ответственными партнерами (см.: [Ostner, 2002]). «Неуверенные» мужчины признают равные права женщин, но скорее в теории, чем на практике. «Прагматичные мужчины» обычно традиционны и склонны отдавать приоритет собственным интересам, но иногда по необходимости могут взять на себя часть домашней нагрузки. Все респонденты, независимо от их типа, придерживались стереотипов относительно личных качеств мужчин и женщин (например, мужчина — рациональный лидер, женщина — хранительница очага). Применив такую же типологию к женщинам, исследователи обнаружили больше «новых» женщин, чем мужчин, что неудивительно. Гораздо большим откровением явился тот факт, что распределение типов мужчин в Восточной и Западной Германии было очень похожим. Восточногерманские мужчины считали себя менее «традиционными» и более открытыми для новых паттернов маскулинности, однако доли «неуверенных» и «прагматиков» совпадали в обеих Германиях, Восточной и Западной.

Как отмечает И. Остнер, в Германии об отцах очень редко говорят в позитивном ключе [ibid.]. Необходимо артикулировать «новую» роль отцов в общественном дискурсе, а также сдвинуть фокус социальной политики с мужей

на отцов. Общество ожидает, что отцы будут не только выполнять роль кормильца, но и служить источником поддержки и заботы для своих детей и их матерей. Однако структурные ограничения, нестабильный рынок труда и укоренившиеся традиционные установки препятствуют появлению «новых» отцов.

Заключение

Вне зависимости от гендерного режима, характерного для той или иной страны, анализ истории алармистского дискурса отцовства показывает, что общественные настроения и социальная политика меняются гораздо быстрее, чем реальные практики. Несмотря на то что политика многих развитых стран направлена на равное распределение рабочих и семейных обязанностей, различия между гендерными режимами в этих странах остаются существенными. Как отмечают Б. Хобсон и Д. Морган, кризис отцовства следует рассматривать не только как кризис модели отца-кормильца, но и как кризис стран всеобщего благосостояния [Hobson, Morgan, 2002].

Безусловно, понятие «социальный режим» является мощным аналитическим конструктом для изучения гендерного устройства общества. Однако нельзя забывать, что деление стран на режимы остается теоретическим инструментом и ни одна отдельно взятая страна не представляет собой чистое воплощение либерального, консервативного или социально-демократического режима. Даже эгалитарная, «дружественная женщинам» социальная политика Скандинавских стран имела в каждой из них свой, отличный от других стран, эффект.

Кризис отцовства невозможно преодолеть без решения извечной проблемы несовпадения политики и риторики. Гендерное равенство также труднодостижимо без публичного дискурса вокруг разделения труда в семье, равных возможностей на рынке труда и социального неравенства. Государственная семейная политика должна способствовать формированию не одного семейного контракта, а их множества. Нельзя всерьез говорить о выборе женщины между материнством и работой и выборе мужчины между карьерой и заботой о детях, если в стране отсутствуют доступные и профессиональные учреждения дошкольного образования, а домашний труд и эмоциональная работа по уходу за детьми имеют низкую ценность в глазах общества по сравнению с оплачиваемым трудом.

Библиографический список

- Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001. 510 с.
Гидденс Э. Ускользящий мир. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
Beck U., Beck-Gernsheim E. The Normal Chaos of Love. Cambridge: Polity, 1995. 231 p.
Bergman H., Hobson B. Compulsory fatherhood: the coding of fatherhood in the Swedish welfare state // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 92—124.
Blankenhorn D. Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem. New York: Harper Perennial, 1996. 328 p.
Bradshaw J., Stimson C., Skinner C., Williams J. Absent Fathers? London: Routledge, 1999. 258 p.
Collier R. Men, Law and Gender: Essays on the «Man» of Law. London: Routledge, 2010. 292 p.

- Collins G.* What happened to working women? // *The New York Times*. 2015. October, 16. URL: http://www.nytimes.com/2015/10/17/opinion/what-happened-to-working-women.html?ref=opinion&_r=0 (дата обращения: 09.11.2015).
- Connell R. W.* The state, gender and sexual politics: theory and appraisal // *Theory and society*. 1990. № 19. P. 507—544.
- Dennis N., Erdos G. E.* Families without Fatherhood. London: IEA Health & Welfare Unit, 1992. 127 p.
- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity, 1990. 248 p.
- Esping-Andersen G.* The three political economies of the welfare state // *The Study of Welfare State Regimes* / ed. by J. E. Kolberg. New York: M. E. Sharp, 1992. P. 92—123.
- Esping-Andersen G.* A new gender contract // *Why We Need a New Welfare State* / ed. by G. Esping-Andersen, D. Gallie, A. Hemerijck, J. Myles. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 68—95.
- Gavanas A.* Fatherhood Politics in the United States: Masculinity, Sexuality, Race and Marriage. Chicago: University of Illinois Press, 2004. 221 p.
- Gilder G.* Wealth and Poverty. New York: Basic Books, 1981. 448 p.
- Halsey A. H.* Changes in the family // *Children and Society*. 1993. № 7 (2). P. 125—136.
- Hernes H.* Welfare State and Woman Power. Oslo: Norwegian University Press, 1987. 176 p.
- Hobson B., Morgan D.* Introduction // *Making Men into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1—21.
- Lammi-Taskula J.* Nordic men on parental leave: can the welfare state change gender relations? // *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare State* / ed. by A. L. Ellingsaeter, A. Leira. Bristol: Policy Press, 2006. P. 79—99.
- Leira A.* Parenthood change and policy reform in Scandinavia, 1970—2000s // *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare State* / ed. by A. L. Ellingsaeter, A. Leira. Bristol: Policy Press, 2006. P. 27—51.
- Lewis J.* The problem of fathers: policy and behavior in Britain // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 125—149.
- Millar J.* Family obligations and social policy: the case of child support // *Policy Studies*. 1996. № 17 (3). P. 181—193.
- Orloff A. S.* Gender and the social rights of citizenship: the comparative analysis of state policies and gender relations // *American Sociological Review*. 1993. № 58 (3). P. 303—328.
- Orloff A. S., Monson R.* Citizens, workers or fathers?: men in the history of the US social policy // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 61—91.
- Ostner I.* A new role for fathers?: the German case // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 150—167.
- Popenoe D.* The decline of fatherhood: disappearing dads are destroying our future // *The Wilson Quarterly*. 1996. September — October. URL: <https://clck.ru/9Ua4a> (дата обращения: 12.04.2015).
- Sainsbury D.* Introduction // *Gendering Welfare States* / ed. by D. Sainsbury. London: Sage, 1994. P. 1—7.
- Sainsbury D.* Introduction // *Gender and Welfare State Regimes* / ed. by D. Sainsbury. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 1—11.
- Sumer S.* European Gender Regimes and Policies. Ashgate publishing group, 2009. 154 p.
- Williams F.* Troubled masculinities in social policy discourses: fatherhood // *Men, Gender Divisions and Welfare* / ed. by J. Popay, J. Hearn, J. Edwards. London: Routledge, 1998. P. 63—100.

References

- Adorno, T. (2001) *Issledovanie avtoritarnoi lichnosti* [The authoritarian personality], Moscow: Serebrianye niti.
- Beck, U., Beck-Gernsheim, E. (1995) *The Normal Chaos of Love*, Cambridge: Polity.
- Bergman, H., Hobson, B. (2002) Compulsory fatherhood: the coding of fatherhood in the Swedish welfare state, in: Hobson, B. (ed.), *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 92—124.
- Blankenhorn, D. (1996) *Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem*, New York: Harper Perennial.
- Bradshaw, J., Stimson, C., Skinner, C., Williams, J. (1999) *Absent Fathers?*, London: Routledge.
- Collier, R. (2010) *Men, Law and Gender: Essays on the “Man” of Law*, London: Routledge.
- Collins, G. (2015) What happened to working women?, *The New York Times*, 16 October, available from http://www.nytimes.com/2015/10/17/opinion/what-happened-to-working-women.html?ref=opinion&_r=0 (accessed 09.11.2015).
- Connell, R. W. (1990) The state, gender and sexual politics: theory and appraisal, *Theory and society*, no. 19, pp. 507—544.
- Dennis, N., Erdos, G. E. (1992) *Families without Fatherhood*, London: IEA Health & Welfare Unit.
- Esping-Andersen, G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Cambridge: Polity.
- Esping-Andersen, G. The three political economies of the welfare state, in: Kolberg, J. E. (ed.) (1992) *The Study of Welfare State Regimes*, New York: M. E. Sharp.
- Esping-Andersen, G. A new gender contract, in: Esping-Andersen, G., Gallie, D., Hemerijck, A., Myles, J. (eds) (2002) *Why We Need a New Welfare State*, Oxford: Oxford University Press.
- Gavanas, A. (2004) *Fatherhood Politics in the United States: Masculinity, Sexuality, Race and Marriage*, Chicago: University of Illinois Press.
- Giddens, A. (2004) *Uskol' zaiushchiĭ mir* [Runaway world], Moscow: Ves' mir.
- Gilder, G. (1981) *Wealth and Poverty*, New York: Basic Books.
- Halsey, A. H. (1993) Changes in the family, *Children and Society*, no. 7 (2), pp. 125—136.
- Hernes, H. (1987) *Welfare State and Woman Power*, Oslo: Norwegian University Press.
- Hobson, B., Morgan, D. Introduction, in: Hobson, B. (ed.) (2002) *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1—21.
- Lammi-Taskula, J. (2006) Nordic men on parental leave: can the welfare state change gender relations?, in: Ellingsaeter, A. L., Leira, A. (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare State*, Bristol: Policy Press, pp. 79—99.
- Leira, A. (2006) Parenthood change and policy reform in Scandinavia, 1970—2000s, in: Ellingsaeter, A. L., Leira, A. (eds) *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare State*, Bristol: Policy Press, pp. 27—51.
- Lewis, J. (2002) The problem of fathers: policy and behavior in Britain, in: Hobson, B. (ed.), *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 125—149.
- Millar, J. (1996) Family obligations and social policy: the case of child support, *Policy Studies*, no. 17 (3), pp. 181—193.
- Orloff, A. S. (1993) Gender and the Social Rights of Citizenship: The Comparative Analysis of State Policies and Gender Relations, *American Sociological Review*, no. 58 (3), pp. 303—328.

-
- Orloff, A. S., Monson, R. (2002) Citizens, workers or fathers? Men in the history of the US social policy, in: Hobson, B. (ed.), *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 61—91.
- Ostner, I. (2002) A new role for fathers?: The German case, in: Hobson, B. (ed.), *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 150—167.
- Popenoe, D. (1996) The decline of fatherhood: Disappearing dads are destroying our future, *The Wilson Quarterly*, available from <https://clck.ru/9Ua4a> (accessed 12.04.2015).
- Sainsbury, D. (1994) Introduction, in: Sainsbury, D. (ed.), *Gendering Welfare States*, London: Sage, pp. 1—7.
- Sainsbury, D. (1999) Introduction, in: Sainsbury, D. (ed.), *Gender and Welfare State Regimes*, Oxford: Oxford University Press, pp. 1—11.
- Sumer, S. (2009) *European Gender Regimes and Policies*, Ashgate publishing group.
- Williams, F. (1998) Troubled masculinities in social policy discourses: fatherhood, in: Popay, J., Hearn, J., Edwards, J. (eds), *Men, Gender Divisions and Welfare*, London: Routledge, pp. 63—100.

Статья поступила 21.01.2016 г.

**ЖЕНСКОЕ ОБРЕЗАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Рассматривается практика женского обрезания в Республике Дагестан. Приводятся результаты социологического исследования, которые позволяют определить распространенность, причины, цели и виды данного явления в республике. Большое внимание уделено концептуальному осмыслению социологических, антропологических и культурологических концепций, используемых для того, чтобы охарактеризовать причины и детерминанты практики женского обрезания.

Ключевые слова: женское обрезание, ислам, традиционное общество, Северный Кавказ, Дагестан, права женщин, дискриминация.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.5

**S. V. Sirazhudinova. Female genital mutilation
in the Republic of Dagestan:
socio-cultural determinants and conceptual analysis**

This article examines the practice of female genital mutilation in the Republic of Dagestan. The secrecy of this issue requires empirical analysis. We aimed to review the data of empirical research in the Republic of Dagestan. The results of the study allow to reveal the problem of the existence of female circumcision in the Republic of Dagestan, to learn about its prevalence, causes, purposes and types. In the article the focus is on the conceptual understanding of sociological, anthropological and cultural concepts used to describe the causes and determinants of the problem. In this article analysis is focused on the general theoretical concepts of control of women's sexuality. Female genital mutilation (FGM) practice is rooted in religion beliefs and patriarchal attitudes within a frame of sexual and mental oppression of women such as control of women's sexuality. For many girls, undergoing FGM, it is a traumatic experience that may adversely affect their physical and mental health. This article intends to investigate the religious and socio-cultural determinants of FGM practice. It draws examples from communities in Dagestan that practice FGM as a rite of religious initiation and a symbol of belonging to the tribal community. Religious leaders

© Сиражудинова С. В., 2016

Сиражудинова Саида Валерьевна — кандидат политических наук, докторант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, президент Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие», г. Ростов-на-Дону, Россия, saida_kant@mail.ru (Cand. Sc., president at the Centre of Research of Modern Global Matters and Regional Problems "The Caucasus. The World. Development", Rostov-on-Don, Russia).

(traditional Islam and Salafi) try to preserve and popularize the hidden tradition of female circumcision, citing contradictory religious sources.

Key words: female circumcision, female genital mutilation, Islam, traditional society, North Caucasus, Dagestan, women's rights, discrimination.

Женское обрезание как проблема

Дискриминация и насилие преследовали женщину на протяжении всей истории человечества. Несмотря на то что женщины добились повышения своего статуса в обществе и признания своих прав во многих сферах жизни, проблемы, связанные с гендерной дискриминацией, не потеряли актуальности. Известны многочисленные случаи нарушения прав женщин. Один из ярких примеров — женское обрезание, которое придумало традиционное патриархальное общество, чтобы поставить женщину в полное услужение мужчине и подавить ее личность.

Подобная практика насчитывает века, она встречалась в разных по вероисповеданию обществах и в разных культурах. Наибольший вклад в борьбу с ней в странах Африки внесли христианские миссионеры, Всемирная организация здравоохранения и ООН.

В постколониальный период на проблему женского обрезания обратили внимание международные организации. После Второй мировой войны с созданием ООН и распространением нового поколения прав человека (гендерно-нейтрального), с продвижением демократии и трансформацией мира посредством активности неправительственных организаций актуализировалась борьба с данным явлением в странах Африки. Законодательство, запрещающее женское обрезание, появилось и в странах Европы, где растущие общины мигрантов продолжали соблюдать традицию женского обрезания. В 2012 г. в ООН была принята резолюция, направленная на искоренение практики операций, калечащих женские половые органы [Resolution...]. Документ призывает государства осудить все виды вредной практики, которые негативно сказываются на здоровье женщин и девочек, в частности операции на женских половых органах, причем независимо от того, совершаются они в медицинских учреждениях или за их пределами. Комиссия по положению женщин настоятельно призвала государства ввести в действие законодательство о запрете нанесения увечий женским гениталиям, обеспечить жертвам социальную и психологическую поддержку и уход и принять меры для улучшения здоровья женщин и девушек, подвергавшихся подобного рода насилию, и оказания им помощи.

Тема женского обрезания на Северном Кавказе для современных исследователей гендерных вопросов является новой, а практика женской циркумцизии в регионе уходит корнями в глубину веков. Благодаря своей скрытости и таинственности существовала она и в советские годы. С ростом влияния религиозных организаций и повышением их активности в информационном пространстве вопрос о женском обрезании вновь приоткрылся. Сохранение гендерно-дискриминационного обычая в XXI в. выглядит парадоксальным и вызывает недоумение. Поэтому важно выяснить и изучить причины практики женского обрезания, подходы к ее объяснению, узнать мотивы совершения и отношение к этому явлению в науке.

В ходе исследования автором была выдвинута гипотеза о том, что женское обрезание в Республике Дагестан до сих пор сохранилось среди отдельных народов, оно детерминируется рядом противоречивых причин. С ростом активности гражданского общества данная проблема, получив информационную огласку, вышла из тени. Но роль гражданского общества двояка: одни его структуры способствуют популяризации женского обрезания, а другие борются с этой традицией.

Методы исследования

Женское обрезание понимается нами как целенаправленное нанесение разной степени повреждений женским половым органам с целью совершения обряда, закрепленного традициями или религией. К такому выводу позволили прийти результаты исследования, приведенные ниже.

Оно проводилось и разрабатывалось в Центре исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» в рамках программы «Гендерные исследования» (2013—2015 гг.). Автором было привлечено внимание к проблеме общественных организаций, в работе которых задекларированы вопросы гендерной дискриминации и защиты прав человека. Еще в 2010 г. М. Джабирова («Мать и дитя») во время выступления в Нью-Йорке озвучила проблему женского обрезания применительно к Северному Кавказу, позже о ней упомянул З. Магомедов (интернет-ресурс «Даптар»), а сейчас интересуется Фонд Г. Бёлля. Таким образом, исследование вывело проблему из тени в публичную сферу, получило практическое воплощение. В целях изучения явления проводились опросы женщин из практикующих общин (глубинное интервью), опрос экспертов (нестандартизированное интервью). Для повышения эффективности работы разные группы исследовались дифференцированно.

Интервью респондентов проанализированы и классифицированы по половым и возрастным группам. Это первое исследование современной практики женского обрезания. Нестандартизированные интервью (выборка — представители практикующей группы; N = 60) проводились в городах, равнинных селах переселенцев с гор и в высокогорных районах. Экспертные интервью (N = 15) — в Республике Дагестан и за ее пределами.

Были проанализированы тексты 86 публикаций: медицинских, антропологических, феминистских, этнографических, в том числе правовых документов, позволивших выявить социально-культурные детерминанты и мотивацию осуществления обряда.

Большое внимание уделено концептуальному осмыслению социологических, антропологических и культурологических концепций, используемых для того, чтобы охарактеризовать причины и детерминанты рассматриваемого явления.

Изученность проблемы и научный дискурс

В российской науке проблема женского обрезания остается неизученной. Упоминание о женском обрезании можно встретить лишь в этнографических работах Ю. Ю. Карпова. Для современной западной науки и для постколониальных и численно возросших в последние годы исследований свойствен описательный характер работ и отдельные кейсы.

Термин «женское обрезание» («female genital mutilation») был введен Ф. Хоскен в 1979 г. [Hosken, 1979]. Работы западных ученых отличаются оценочностью и представляют собой спор культурного релятивизма [Fluehr-Lobban, 1995; Zechenter, 1997] и либерализма (неолиберализма). Феминизм и борьба за права человека сталкиваются с теорией культурного релятивизма, с его требованием уважительного отношения к чуждой культуре, в которой свое понимание прав человека. В рамках критики западного феминизма [Mohanty, 1991] считают, что нападение на культурные ценности порождает отчуждение и маргинализацию, возрождение традиций.

Во многих странах мира правозащитники уделяют большое внимание борьбе с женским обрезанием. После законодательного ограничения такой традиции эта борьба усилилась.

Теории, объясняющие женское обрезание

Чтобы лучше понять традицию женского обрезания, следует обратиться к теориям, которые помогают ее объяснить. Так, при исследовании женского обрезания на Северном Кавказе конструкционизм позволяет изучить детерминированность особенностей жизни человека общественными и групповыми нормами. Рассмотрение этих норм предусматривает применение элементов теории радикального феминизма (С. Файрстоун, К. Маккиннон, М. Дейли), среди которых особый акцент делается на патриархате, контроле над женщинами (особенно над женской сексуальностью и женским телом), мужском доминировании.

Для исследования важно использование теории культурного подавления женской сексуальности [Baumeister, Twenge, 2002] и выработанных в ее рамках теорий женского и мужского сексуального контроля, где женская сексуальность рассматривается как представляющая потенциальную угрозу. Теория мужского контроля объясняет подавление женской сексуальности неуверенностью мужчин [Hyde, DeLamater, 1997], ненасытной сексуальностью женщин как угрозой для мужчин, физически более ограниченных сексуально, чем женщины, для которых естественное состояние — это желание большого количества секса, в том числе и с несколькими партнерами (половое поведение женщин в древности и множественные примеры в природе у животных и приматов) [Sherfey, 1966: 119]. Распространено мнение о зависти мужчин к женщинам, в силу чего появляется стремление к подавлению их сексуальности и лишению удовольствия. Согласно этой теории, подавление женской сексуальности освобождает мужчин от того, чтобы удовлетворять огромную потребность женщин в сексе, которая заставляет мужчин чувствовать себя обремененными и неуверенными в себе (что имеет большое значение для исламского полигамного общества). Стремление к ограничению женщин в сексуальных контактах часто связано с желанием определенности в вопросе отцовства, а также с потребностью мужчин в упорядоченности общества: они считают, что безудержная сексуальность женщины может произвести хаос, подорвать общественный порядок [ibid.: 70]. С точки зрения М. Макинтош, «женская сексуальность подавляется мужчинами в интересах патриархата» [McIntosh, 1978: 64]. Теория женского контроля также важна для исследования. Согласно ей, женщины сдерживают свою сексуальность ради блага всех женщин. Концепция социального обмена рассматривает секс как ресурс [Blau, 1964], а чтобы он был ценен, он должен быть дефицитен.

Крайняя форма снижения женской сексуальности, которая оправдывает сексуальное насилие в отношении женщин, реализуется при помощи хирургического вмешательства и находится вне закона в странах Запада, но практикуется в исламских странах Африки и Востока, а также среди мигрантов. Эта же практика имеет место и на российском Северном Кавказе.

Применительно к исследованию может использоваться и концепция двойных сексуальных стандартов, согласно которой многое в сексуальном поведении позволено мужчинам и не позволено женщинам [Whyte, 1978]. Мужчины получили возможность вступать в случайные половые связи или иметь много сексуальных партнеров, а женщин клеймят за это [Rudman et al., 2013]. Таким образом, сексуальное желание и сексуальная активность выступают как мужская привилегия.

Концепция подавления М. Фуко также важна для исследования вопроса женского обрезания [Фуко, 1996: 100]. Ученый считает, что «способ подчинения себя (assujettissement) — способ, которым индивид устанавливает отношение к правилу и осознает себя связанным обязательством его отправлять... в силу того, что признает себя частью социальной группы, которая это предписание принимает, во весь голос его отстаивает и молчаливо по привычке его сохраняет» [там же: 299].

Результаты исследования

Женское обрезание в Дагестане, имевшее ранее более широкое распространение среди разных народов республики, сейчас практикуется лишь отдельными общинами (преимущественно среди андо-цезских народов), данную традицию не оглашающими, что и способствует ее сохранению. Место сосредоточения этих общин — высокогорные восточные районы республики и переселенческие села в Кизилюртовском, Кизлярском, Тарумовском и Хасавюртовском районах. Переселенцы на равнину, как правило, селятся локально, близко друг к другу, сохраняя свою общинность. С миграцией в города география проживания переселенцев с гор расширилась. Особую роль сыграло то, что все эти села находятся в районах, расположенных далеко от городов, и в силу высокогорности основное занятие там животноводство. Это вынуждает жителей идти на трудовую миграцию. В то же время, как показало исследование, можно встретить женщин, прошедших через подобную операцию, среди разных народов, не только андо-цезских и аварских.

О скрытости традиции свидетельствуют ответы, которые мы получили в ходе исследования в г. Махачкала (стандартизированное интервью, N = 350). На вопрос о существовании традиции респонденты отвечали:

— «Такого не существует» (около 50 % респондентов);

— «Я о подобном слышала» (около 50 % респондентов; встречался ответ «Наши бабушки делали, но сейчас такого уже нет»; выявлен случай, когда в семье старшей дочери — на момент исследования ей исполнилось 17 лет — было сделано обрезание, а младшей нет);

— «Это обязанность мусульманки» (менее 5 % респондентов, которые наиболее рьяно защищали традицию, вступая в дискуссии, мотивировали ее религией цезов).

О подобной традиции знает или что-то слышала лишь половина опрошенных, что говорит о ее скрытости и локальной распространенности.

Проанализировав ответы респондентов из практикующей группы (N = 60), мы выявили, что причинами совершения женского обрезания обычно являются:

- обряд инициации и следование своей религии;
- принадлежность к этнической общине (гунзибцы часто отвечали: «Все у нас так делают», «Дочке буду делать, у нас так принято, зачем не знаю»);
- подавление и ограничение женской сексуальности (обосновывается религией или просто практическими патриархальными соображениями — «чтобы не гуляла»).

В Дагестане встречаются следующие типы женского обрезания:

- надрез и пускание крови (инициация и исполнение религиозного ритуала);
- удаление клитора и малых половых губ (инициация и уменьшение желания женщины);
- удаление кусочка от клитора (инициация, исполнение обряда и повышение, но чаще понижение чувствительности).

Обрезание как этап возрастного перехода здесь отсутствует, так как оно делается в детстве (от рождения до полового созревания), а с активизацией религиозной пропаганды к нему сейчас иногда прибегают и взрослые женщины. Девочкам (в большинстве случаев лет трех) обрезание проводят без всякого сопроводительного ритуала в строгой секретности. Некоторыми респондентами было отмечено, что его делают «весной, когда все цветет» (это говорит о доисламских пережитках). По словам респондентов, в Тляратинском районе эту операцию осуществляют в роддоме, переселенцы на равнину из Цунтинского района ожидают, когда к ним придет женщина, проводящая обрезание (в домашних условиях без обезболивания и специальных медицинских инструментов), и приводят к ней детей. О жесткой форме рассказывали респонденты из числа андийских женщин.

Указанные типы обрезания различаются по степени травматичности. Различны и мотивы его проведения (от инициации до ограничения). Это обусловлено противоречивостью религиозных источников, отсутствием единого норматива и разнообразием толкований и целей. Общее для всех женщин — боль, острая и страшная, память о которой остается с детства на всю жизнь. Самая большая травма — психическая (дети помнят о боли: «Я несколько лет обходила стороной тот дом»). Но удивительно, что встречаются женщины, прошедшие через обрезание и его рьяно защищающие: «Нам делали, и мы дочерям будем делать», «Женщина должна терпеть боль».

В отличие от стран Африки на Северном Кавказе проблема женского обрезания остается в тени и сами женщины считают, что «эту тему лучше не затрагивать». Здесь еще сильны гендерные стереотипы и около 90 % женщин отмечают нарушения своих прав, из них 59,1 % — в приватной сфере [Сиражудинова, 2013: 17—18]. Самосознание женщин пока далеко от того, чтобы они стремились защищать свои права вообще и бороться против женского обрезания в частности.

Религия и женское обрезание

Традиция обрезания получила распространение среди отдельных общин мусульман. В России данная практика чаще встречается среди последователей шафиитского мазхаба, хотя она прижилась только у отдельных этносов. Официальное дагестанское духовенство и салафиты приветствуют эту практику и оправдывают данный обычай пользой для женщины. Позиция официального духовенства отражена в информационных ресурсах [Женское обрезание... , 2016; Женское обрезание, 2015]. В противовес ей на международных сайтах распространена информация о слабости хадисов, указывающих на женское обрезание [Женское обрезание в исламе, 2012]. Ливанский аятолла М. Х. Фадлалла выпустил фетву о его запрете, так как форма, в которой оно совершается, наносит вред психике, здоровью и сексуальным возможностям женщины (т. е. ее способности испытывать оргазм) [Фадлалла, 2007].

Имам салафитской мечети на Котрова ответил, что женщинам обрезание делать надо. Согласно салафитским авторитетам Ибн аль-Усаймину и Ибн Таймийа, цель обрезания — уменьшение желания женщины. В исламе же женщина имеет право на получение удовлетворения, что противоречит данной цели. «Мужу следует вступать с женой в половой акт столько, сколько потребуется для ее удовлетворения», — говорил Ибн Таймийа [Половой акт...]. (Удовлетворение жены — обязанность мусульманина, и ее невыполнение служит одним из немногих поводов для развода, инициируемого женщиной. А может быть, в этом и причина? Невозможно получить сексуальное удовольствие, значит, не будет и повода жаловаться на его недополучение?)

Согласно экспертному опросу, салафиты и традиционные мусульмане (представители официального духовенства) едины во мнении о желательности (и даже необходимости) женского обрезания.

Вопрос вызывает и отсутствие подобной практики в иудаизме. Обряд обрезания изначально был проведен основоположником данной традиции еврейским пророком Ибрагимом, или Авраамом, как «союз» в Торе и «завет» в Библии, который надлежит хранить его потомству: «...пусть обрезанным будет у вас каждый мужчина...» (Тора, Берешит, 17: 7—27); «...да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу...» (Бытие, 17: 9—14). В обоих случаях речь идет об обязанности обрезания на восьмой день «всякого младенца мужеского пола». Соблюдение данного завета означало принадлежность к роду Авраама. Ни в Коране, где нет указания на обрезание, ни в Торе, ни в Библии не говорится о женском обрезании, хотя его продолжают практиковать различные этносы и секты.

Выводы

В Дагестане женское обрезание сохранилось как обряд, закрепленный традициями и связанный с религией, несущий смысл инициации, контроля над женщиной и ограничения ее сексуальности.

Проблема женского обрезания на Кавказе, как и во всем современном глобализированном мире, выходит на болезненные сюжеты гендерной дискриминации в семье. Ссылка исследователей этого явления на инициацию, характерная

для этнографической литературы колониального и советского времени, сменяется в постсоветский период на мотивы мужского доминирования и подчинения женщины. Все большую роль приобретает религиозный фактор.

Согласно полученным результатам, подобная практика обусловлена стремлением подчинить женщину (принести ее в жертву мужчине с единственной целью, «чтобы она не гуляла»). Живя и развиваясь в замкнутых локальных традиционных обществах, неподдающихся никакому регулированию, преодолеть дискриминацию женщинам очень трудно. Пока данный обряд существует, женщины и девочки будут подвергаться обрезанию своими матерями в угоду мужчине, а значит, во имя сохранения патриархального уклада общества.

Библиографический список

- Женское обрезание. 2015. URL: <http://as-sunna.ru/index.php/fikh/6-fikh/1102-2015-07-12-06-59-24> (дата обращения: 16.02.2016).
- Женское обрезание в исламе. Ч. 2: Обрезание и мусульмане. 2012. URL: <http://www.islamreligion.com/ru/articles/442/> (дата обращения: 16.02.2016).
- Женское обрезание — варварская традиция? 2016. URL: <http://www.islam.ru/content/obshchestvo/45902> (дата обращения: 16.02.2016).
- Половой акт с женой и ее удовлетворение являются обязательностью для мужа. URL: http://soliha.com/fiqh/niqah_talaq/polovoy_akt_fard_muja (дата обращения: 05.09.2014).
- Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 14—19.
- Фадлалла М. Х., аятолла. В арабском мире вышла еще одна фетва против женского обрезания. URL: <http://www.islamnews.ru/news-6923.html> (дата обращения: 05.08.2014).
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Baumeister R. F., Twenge J. M. Cultural suppression of female sexuality // Review of General Psychology. 2002. Vol. 6, № 2. P. 166—203.
- Blau P. N. Exchange and Power in Social Life. New York: Wiley, 1964. 352 p.
- Fluehr-Lobban C. Cultural relativism and universal rights // The Chronicle of Higher Education. 1995. 9th June. P. B1—B2.
- Hosken F. P. Genital and Sexual Mutilation of Females: Report. Lexington (MA): Women's International Network News, 1979. 368 p.
- Hyde J. S., DeLamater J. D. Understanding Human Sexuality. Boston: McGraw-Hill, 1997. 640 p.
- McIntosh M. Who needs prostitutes? The ideology of male sexual needs // Women, Sexuality and Social Control / ed. by C. Smart, B. Swart. London: Routledge & Kegan Paul, 1978. P. 53—64.
- Mohanty C. T. Under western eyes: feminist scholarship and colonial discourse // Third World Women and Politics of Feminism / ed. by T. C. Mohanty, A. Russo, L. Torres. Bloomington: Indiana University Press, 1991. P. 51—80.
- Resolution 54/7 (E/2010/27-E/CN.6/2010/11) of the Commission on the Status of Women. URL: <http://www.refworld.org/pdfid/4e78b74b2.pdf> (дата обращения: 12.05.2016).
- Rudman L. A., Fetterolf J. C., Sanchez D. T. What motivates the sexual double standard? More support for male versus female control theory // Personality and Social Psychology Bulletin. 2013. Vol. 39, iss. 2 (February). P. 250—263.

- Sherfey M. J. The evolution and nature of female sexuality in relation to psychoanalytic theory // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1966. Vol. 14, iss. 4. P. 28—128.
- Whyte M. K. *The Status of Women in pre-Industrial Societies*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1978. 236 p.
- Zechenter E. M. In the name of culture: cultural relativism and the abuse of the individual // *Journal of Anthropological Research*. 1997. Vol. 53, № 3. P. 319—347.

References

- Baumeister, R. F., Twenge, J. M. (2002) Cultural suppression of female sexuality, *Review of General Psychology*, vol. 6, no. 2, pp. 166—203.
- Blau, P. N. (1964) *Exchange and Power in Social Life*, New York: Wiley.
- Fluehr-Lobban, C. (1995) Cultural relativism and universal rights, *The Chronicle of Higher Education*, 9th June, pp. B1—B2.
- Fuko, M. (1996) *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti*: Raboty raznykh let [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality: Works of different years], Moscow: Kastal'.
- Hosken, F. P. (1979) *Genital and Sexual Mutilation of Females*: Report, Lexington, MA: Women's International Network News.
- Hyde, J. S., DeLamater, J. D. (1997) *Understanding Human Sexuality*, Boston: McGraw-Hill.
- McIntosh, M. (1978) Who needs prostitutes? The ideology of male sexual needs, in: Smart, C., Swart, B. (eds), *Women, Sexuality and Social Control*, London: Routledge & Kegan Paul, pp. 53—64.
- Mohanty, C. T. (1991) Under western eyes: feminist scholarship and colonial discourse, in: Mohanty, T. C., Russo, A., Torres, L. (eds), *Third World Women and Politics of Feminism*, Bloomington: Indiana University Press, pp. 51—80.
- Resolution 54/7 (E/2010/27-E/CN.6/2010/11) of the Commission on the Status of Women, available from <http://www.refworld.org/pdfid/4e78b74b2.pdf> (accessed 12.05.2016).
- Rudman, L. A., Fetterolf, J. C., Sanchez, D. T. (2013) What motivates the sexual double standard? More support for male versus female control theory, *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 39, iss. 2, February, pp. 250—263.
- Sherfey, M. J. (1966) The evolution and nature of female sexuality in relation to psychoanalytic theory, *Journal of the American Psychoanalytic Association*, vol. 14, iss. 4, pp. 28—128.
- Sirazhudinova, S. V. (2013) Gendernaia politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsii [Gender policy in Russian Northern Caucasus: contemporary tendencies], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 14—19.
- Whyte, M. K. (1978) *The Status of Women in pre-Industrial Societies*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Zechenter, E. M. (1997) In the name of culture: cultural relativism and the abuse of the individual, *Journal of Anthropological Research*, vol. 53, no. 3, pp. 319—347.

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)521-284.3

П. А. Бояринова

НАДЕЖДА ДУРОВА: ФЕНОМЕН ГЕНДЕРНОГО БЕСПОКОЙСТВА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Исследуется миф о первой русской амазонке, сложившийся вокруг личности Надежды Дуровой в первой половине XIX в. Для анализа используется конструкт гендерного беспокойства, введенный философом Дж. Батлер. При помощи данного конструкта рассматривается расщепленная на бинарные оппозиции социальная идентичность Н. А. Дуровой и офицера А. Александрова. Автор ставит перед собой вопросы, какие механизмы обусловили возможность существования индивида в русском обществе XIX в. в ситуации поло-гендерного несовпадения и что привело к полному отказу кавалерист-девицы от женской идентичности Надежды Дуровой в пользу мужской идентичности Александра Александрова даже после того, как тайна ее пола стала известной широкой общественности.

Ключевые слова: Надежда Дурова, гендер, гендерное беспокойство, Дж. Батлер.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.6

P. A. Boyarinoва. Nadezhda Durova: phenomenon of gender trouble in Russia in the first half of the XIX c.

This article covers the myth which was formed in the first half of the XIX c. around Nadezhda Durova, the first Russian amazon. To analyse Durova's biography and Russian society's attitude towards sex-gender mismatch, J. Butler's construct of gender trouble is being used. This methodology examines Durova's and Alexandrov's social identity splitted into two binary oppositions.

The author distinguishes three stages in myth formation about Nadezhda Durova. The first period includes Durova's military service including the Patriotic War of 1812. This phase involves a conscious creation of male identity instead of a female one. The second period is "exposure" and it is connected with publication of "The Cavalry Maiden notes" in 1836. During this period Nadezhda Durova's

© Бояринова П. А., 2016

Бояринова Полина Александровна — аспирантка кафедры Древнего мира, Средних веков и методологии истории, Томский государственный университет, г. Томск, Россия, sampo-holder@ya.ru (PhD student at the Department of Ancient History, Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University, Tomsk, Russia).

image is being formed in St. Petersburg high society. The third period describes Nadezhda's secluded life in Yelabuga. It can be considered as response to provincial people reaction towards this case of sex-gender mismatch; Durova continued performing the male identity and refused to adopt a female behavior model.

The article raises a question about mechanisms which provided existence of a person with sex-gender mismatch in Russian society of XIX c. Presumably, social identity of the "man at the service" who subordinated only to the Emperor played more significant role than gender hierarchy. However, the creation of a male officer identity required total and ultimate abandonment of female identity with no possibility of reconversion.

Key words: Nadezhda Durova, gender, gender trouble, J. Butler.

В начале XIX в. в русской армии служила первая женщина-офицер Надежда Дурова. В 1836 г. «Записки» кавалерист-девицы были опубликованы А. С. Пушкиным в «Современнике». Открытие личности первой русской амазонки произвело неизгладимое впечатление на русское общество того времени. В конце XIX в. появились биографы Дуровой, привлеченные загадочной жизнью и судьбой Надежды Андреевны. Апофеоз популярности этого образа — известный кинофильм «Гусарская баллада» (1962 г.), снятый по пьесе А. Гладкова «Давным-давно». Вплоть до сегодняшнего дня жизнью Дуровой интересовались многие историки, существует даже Музей-усадьба Н. А. Дуровой в Елабуге.

Однако никогда еще не задавался исследователями вопрос, как в традиционном русском обществе XIX в. могла существовать женщина, большую часть своей жизни выполнявшая мужскую роль. Более того, она не просто производила мужскую гендерную идентичность, но продолжала это делать, когда была раскрыта тайна ее пола. Даже когда все знали, что штабс-офицер Александр Александров — это кавалерист-девица Надежда Дурова, все равно окружающие обращались к ней по ее мужскому имени.

Поло-гендерное несоответствие получило название «гендерное беспокойство» [Butler, 1990: 8]. Гендерное беспокойство — это ситуация, когда человек переживает социокультурный шок, не имея возможности верно идентифицировать собеседника, определить его социальный статус (что критично для культур со строгой гендерно-обусловленной иерархией) [ibid.: 137]. Легче всего в традиционной культуре при помощи социально-психологического и даже физического насилия заставить человека с гендерными девиациями соответствовать нормам или прибегнуть к остракизму, чтобы избавиться от конфликта.

Термин «гендерное беспокойство» ввела философ Дж. Батлер, которая считала этот феномен лакмусовой бумажкой не только для раскрытия перформативной природы гендера как социального конструкта, но и для анализа целого ряда характеристик социума [ibid.: 87]. Изучение того, каким образом в обществе реагируют на ситуацию гендерного беспокойства, дает возможность исследовать, как формируется социальная иерархия и идентичность субъекта в данной культуре.

Социальная идентичность состоит из целого ряда структурных элементов, позволяющих определить иерархическое положение субъекта и его функциональную принадлежность. Ситуация гендерного беспокойства — редкое явление, но оно способно показать, какую роль играет гендерная идентичность

в структуре социальной идентичности данного общества. То, как и при помощи каких механизмов общество преодолевает тревогу, связанную с поло-гендерным несовпадением, помогает установить социальные институты, являющиеся опорными для данной культуры.

Вероятно, исследуя историю жизни Надежды Дуровой, мифа, сложившегося о ней, а также реакцию общества, мы сможем понять: какие именно механизмы сделали возможным выход отдельной личности за рамки фаллоцентристской матрицы традиционного общества; как русское общество разделяло и воспринимало конструкты пола и гендера; что могло повлиять, кроме личностных факторов, на решение Надежды Андреевны всю жизнь жить под именем Александра Александрова.

Предмет настоящего исследования — общественные представления о гендерной интриге, разыгравшейся в России первой половины XIX в., т. е. сам миф о Надежде Дуровой и реакция общества на него. В силу этого можно выделить несколько этапов в развитии данного мифа.

Первый этап — поступление Дуровой на службу и война 1812 г. («Записки», «Война 1812 года»). История превращения Н. А. Дуровой в штабс-ротмистра А. Александрова показывает, какие трудности ей пришлось преодолеть на пути создания новой мужской гендерной идентичности, как сослуживцы воспринимали ситуацию гендерной интриги, какие ходят слухи о девице в армии и за ее пределами.

Второй этап — «разоблачение». В 1836 г. в «Современнике» появляются «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным». И общественность наконец-то узнает если не правдивую (как характеризует ее сама Дурова), то по крайней мере полную историю кавалерист-девицы. В автобиографических записках «Детские лета мои» Надежда Андреевна пытается дать объяснение своему пристрастию к военной службе, а также проанализировать свои отношения с отцом и матерью. Хотя многие «факты» были искажены и не находят документального подтверждения, тем не менее после публикации они стали важной частью мифа.

В этот период Надежда Андреевна переезжает в Петербург, занимается литературным творчеством, о ней оставляют воспоминания в своих дневниках и прочих документах столичные дамы и видные литературные деятели. О данном периоде Дурова пишет заметки под названием «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения», некоторые материалы можно найти в ее переписке с А. С. Пушкиным.

Третий этап — уединенная жизнь в Елабуге (1841—1866 гг.), о которой можно судить по переписке Дуровой с городничим Э. О. Ерlichem и информации, собранной первыми биографами Н. А. Дуровой (Н. Н. Блинов, Ф. Ф. Лашманов, Е. С. Некрасова).

Доподлинно известно, что Н. А. Дурова в 1806 г. покинула отчий дом и отправилась за казачьим полком. На тот момент ей исполнилось уже 23 года, за плечами было неудачное замужество (ее муж сбежал и был признан пропавшим без вести) и трехлетний сын. В течение первых 23 лет жизни Надежда Андреевна следовала практике поло-гендерного совпадения, ей прививали женские манеры, женский язык и учили производству женского гендера, хотя Дурова, по ее собственным воспоминаниям, сопротивлялась этому процессу.

В казачьем полку Дурова прожила в течение года под покровительством майора Балабина, нося мужское платье и изучая новые привычки. «Приемы и самый простой способ изъясняться», т. е. манеру поведения, Дурова могла изменить и впоследствии изменила. Например, она научилась курить трубку, стоять уперев руки в бока, сидеть закинув ногу на ногу, что для женщины светского общества считалось верхом неприличия [Бегунова, 2011: 92]. Ей было необходимо полностью перестроить свою идентичность так, чтобы, невзирая на внешность, Надежду Андреевну воспринимали в качестве мужчины. Одно только серьезное подозрение могло разрушить всю жизнь Дуровой. Даже после легитимизации ее роли императором кавалерист-девица переживала, что ее «ожидает тьма толков, заключений, предположений и клевет, как только пол ее откроется» [Записки Александрова... , 1839].

В конце концов Дурова вынуждена была покинуть дом Балабиных именно из-за того, что ее разоблачили казачьи жены [Бегунова, 2011: 93]. Женской проницаемости кавалерист-девица боялась всю жизнь: «Я не люблю тех обществ, где много женщин. <...> Довольно женщине посмотреть на меня пристально, чтобы заставить меня прийти в замешательство: мне кажется, что взгляд ее пронизывает меня; что она по одному виду моему угадывает мою тайну» [Записки Александрова... , 1839].

В 1807 г. в Гродно Надежда Андреевна завербовалась в конный польский (уланский) полк под именем Александра Соколова. Судя по всему, в рядах товарищей постоянно ходили слухи, что Соколов (позднее — Александров) — женщина. Однако в военном сообществе принято хранить свои тайны, потому, возможно, эти слухи не являлись поводом для разоблачения или скандала, а также не требовали проверки [Бегунова, 2011: 93]. Больше всего Дуровой доставалось опять-таки от солдаток: «Мои однополчанки не пропускают случая приводить меня в краску, называя в шутку: гусар-девка!» [Записки Александрова... , 1839].

Однако такие шутки, похоже, были скорее типичными для внутригрупповой социализации в среде военных. Шутки об излишней женственности использовались в качестве манипуляции, но не представляли серьезной угрозы. Изредка все же, видимо желая подшутить, боевые товарищи намекали на отсутствие усов у Надежды Андреевны. Некоторые, стремясь уколоть Дурову или «пожурить», иронизировали по поводу недостаточной мужественности во внешнем виде или поведении. Сама кавалерист-девица вкладывает в уста товарища по фамилии Вонробка, упрекавшего Дурову в излишней скромности, следующие слова: «Если бы у меня была жена такая скромная и стыдливая, как ты, я целовал бы ноги ее; но если бы с такими же качествами был сын мой, я высек бы его розгами» [там же].

В основном мужчины предпочитали не акцентировать внимания на половом вопросе и воспринимали Надежду Андреевну как воина. Это видно из воспоминаний Д. В. Давыдова: «Дурову я знал, потому что я с ней служил в арьергарде во все время отступления нашего от Немана до Бородина. <...> Я помню, что тогда поговаривали, что Александров — женщина, но так, слегка. ...Но много ею не занимался, не до того было, чтобы различать, мужского или женского она роду; эта грамматика была забыта тогда» [Переписка А. С. Пушкина, 1982: 482].

Отец Надежды Андреевны, Андрей Васильевич Дуров, относился к поступку дочери крайне негативно и даже после ее встречи с императором продолжал писать в высокие инстанции с просьбой вернуть «несчастную», чтобы «иметь ее дома хозяйкою» [Бегунова, 2011: 180]. Именно благодаря прошениям А. В. Дурова Александру I и стало известно о женщине-воине. Дурову было велено разыскать, выяснить обстоятельства ее пребывания в действующей армии и доставить к императору. Похоже, изначально не могли представить, что Дурова была солдатом и успешно выполняла мужские функции, потому было необходимо узнать о настоящем положении этой женщины в русской армии.

С одной стороны, дело в том, что по Воинскому артикулу нельзя было инкриминировать Дуровой подделку документов или самозванство, но зато имелась глава «о содомском грехе, насилии и блуде» [там же: 164]. С другой стороны, для русского общества того времени было очевидно, что тайное пребывание вдовствующей женщины в армии вызывает закономерные подозрения в занятиях, которые она может иметь, живя среди мужчин.

Таким образом, Н. Дурова устаивается встречи с Александром I, так как император получает более чем удивительные сведения о военной службе кавалерист-девицы, которая заслужила множество похвал. Изначально император хотел вернуть Дурову в отчий дом, но она упросила оставить ее служить. Александр I дал Дуровой свое имя — Александр Александров, которым Надежда Андреевна подписывалась и дорожила до конца жизни, а также наставление хранить инкогнито, не проявлять модели поведения светской дамы и видеть в окружающих мужчинах только своих однополчан [Избранные сочинения... , 1983: 199]. Дурова, в свою очередь, благодарит императора за то, что дал ей свободу, и восхваляет доброту, ум и «великий дух», имевший «силу постигнуть возможность высоких доблестей в слабом поле» [там же: 200].

В этот момент Надежда Дурова в социальном смысле (как носитель женской гендерной роли) практически исчезает, так как уже нельзя отследить никакой ее юридической, финансовой или социальной активности в роли женщины. И появляется Александр Александров — носитель мужской гендерной роли, чья идентичность формируется в основном из маскулинного образа служилого (военного) человека.

Чтобы родственники ее не нашли, она меняет место службы, ей создают официальные документы на имя Александра Александрова. Но чем больше людей узнают о существовании русской амазонки, тем больше слухов рождается в армии и обществе. Некоторые из этих мифов Дурова слышала сама и оставила в своих «Записках»: «Замечаю я, что носится какой-то глухой, невнятный слух о моем существовании в армии. Все говорят об этом, но никто, никто ничего не знает; все считают возможным, но никто не верит; мне не один раз уже рассказывали собственную мою историю со всеми возможными искажениями: один описывал меня красавицею, другой уродом, третий старухою, четвертый давал мне гигантский рост и зверскую наружность и так далее...» [Записки Александрова... , 1839].

В обществе особенно широко распространились слухи о женщине в армии во время Отечественной войны 1812 г. в укор тем, кто уклонялся от службы. Иностранка М. Вильмонт описывает, какую необычную форму приняло

беспокойство среди крестьян, которые спешили повенчать и переженить даже детей 10—13 лет, страшась, что девушек начнут забирать на государеву службу в армию. А «в некоторых деревнях священники советовали крестьянам поторопиться, потому-де что скоро выйдет новый указ, запрещающий все свадьбы до тех пор, пока не наберут полки» [Дашкова, 1987: 398—399].

Напряжение, возникающее в обществе ввиду нестандартной ситуации, которую невозможно классифицировать, и есть проявление гендерного беспокойства. Если раньше в сознании простых людей военная служба соотносилась только с мужским полом, то теперь становится непонятным, что влечет за собой такое диссонирующее с прошлым опытом положение дел. Единичный случай, не вписывающийся в систему бинарных оппозиций, вызывает беспокойство о том, что женщин будут забирать в армию, куда большее, чем беспокойство о мужчинах, которые уходят на войну.

В 1816 г. Надежда Дурова под именем Александра Александрова вышла в отставку. Здесь тоже возникли правовые сложности: Дурова покидала службу, потому стоял вопрос, вернется ли она снова к женскому обличью. Как женщине ей не могли назначить офицерскую пенсию, но как мужчина в будущем она не могла рассчитывать на то, чтобы выйти замуж и завести семью. В итоге указ об отставке и пожизненная пенсия были назначены штабс-ротмистру Александру Александрову [Валитова].

По-настоящему сложился образ русской амазонки после публикации «Записок» Дуровой в «Современнике» в 1836 г. Раскрытие этой тайны всколыхнуло общественность снова. Кавалерист-девица пишет в «Автобиографии»: «До издания Записок моих существование мое считалось от многих мифом, а другие полагали, что я не выдержал трудной кампании 12-го года и умер» [Дурова, 1999: 378]. Теперь же носительница столь неоднозначной истории предстала во плоти. Надежда Андреевна сама создала мифологизированную часть своей истории и предложила обществу объяснения своего поступка.

Много внимания Надежда Дурова уделила детским годам, на каждом этапе взросления стараясь передать свои отличия от других девочек. Дурова написала, что мать ее хотела родить сына, потому сразу невзлюбила дочь-богатыря [там же: 51], а затем неприязнь эта только усилилась: «Мое рождение, пол, черты, наклонности — все было не то, чего хотела мать моя» [Записки Александрова... , 1839].

Надежда Андреевна описывает себя живым, подвижным ребенком. По сравнению с другими девочками она ничего не боялась, а также часто придумывала всяческие шалости, о чем пишет в «Добавлении к кавалерист-девице» (1839). Большой упор Дурова делает на роль своего воспитания в военном лагере. Это является настолько важной частью мифа, что кавалерист-девице пришлось выдумать отцу гусарский чин, а себе флангового гусара Астахова, который якобы стал ее нянькою [Дурова, 1999: 53]. Дурова прикладывает огромные усилия, чтобы убедить общество в том, что она изначально имела склонности к мужскому поведению. Она проводит много параллелей между собой и отцом и изображает полное непонимание со стороны матери.

Вообще тема образов отца и матери — отдельный разговор, так как у Дуровой проведена четкая граница между деспотичной и ненавидящей ее матерью

и любящим, все позволяющим отцом. В уста матери Надежда Андреевна вкладывает самые жестокие слова о женской доле в обществе и даже пишет, что, «может быть, забыла бы, наконец, все свои гусарские замашки и сделалась обыкновенною девицею, как и все», если бы мать ее «не представляла в самом безотрадном виде участь женщины» [Записки Александрова... , 1839]. Отцу же приписан один-единственный порок — любовь к женщинам. О том, что А. В. Дуров был против службы дочери в армии и хотел вернуть ее вести хозяйство, кавалерист-девица не упоминает ни в одном издании «Записок».

Вообще Дурова в «Записках» не раз сравнивает тяготы солдатского положения и положения «девицы». И находит трудности военной службы незначительными в сравнении с обретенной свободой действия, избавлением от контроля власти родителей или мужа. Кавалерист-девица пишет, что только одни ее сверстницы поймут восхищение свободой: «Я прыгаю от радости, воображая, что всю жизнь мою не услышу больше слов: “Ты, девка, сиди. Тебе неприлично ходить одной прогуливаться!”» [Дурова, 1999: 101].

На страницах «Записок», посвященных войне 1812-го, Дурова замечает: «Смертельно боюсь изнемочь; впоследствии это припишут не чрезмерности стольких трудов, но слабости моего пола!» [Записки Александрова... , 1839]. Она постоянно оглядывается на общественное мнение, чувствуя уязвимость своего положения, борется с ощущением недостойности: она готова скорее получить ранение или распрощаться с жизнью, нежели показать в себе робость или недостаток мужества.

Часть своей истории Надежда Андреевна выдумала, а часть — замолчала. Для создания автобиографии в «Записках» Дурова буквально вычеркнула из своей жизни 6 лет, включавших замужество, рождение сына и год жизни с казачьим есаулом (см.: [Блинов, 1888: 415—416]), и уменьшила себе возраст на 6 лет. Для обретения мужской гендерной идентичности требовалось забыть все связанное с женской идентичностью. Дурова описывает свое поведение в детские годы так, чтобы указать отсутствие всяческой склонности к женскому поведению. На страницах «Записок» Надежда Андреевна не дает себе возможности стать взрослой девицей и женщиной, она сразу убегает на службу, облачившись в мужскую одежду.

Возможно, в произведении «Игра судьбы, или Противозаконная любовь» кавалерист-девица выражает свое отношение к «забытым» в «Записках» и «Автобиографии» годам. Дурова в литературной форме описывает судьбу некой Елены Г., которую неудачно выдают замуж и жизнь которой заканчивается трагически. История Елены Г. до определенного момента созвучна истории Дуровой: мать поспешно инициирует свадьбу, семейная жизнь героини не складывается, затем муж Елены Г. исчезает, оставив только записку, чтобы героиня считала себя свободной от уз брака. Дальше история Дуровой нам известна, а ее героиня Елена Г. заводит любовника, после становится содержанкой богатого татарского князя и в конце концов оказывается на улице больной нищенкой и алкоголичкой [Дурова]. По концовке несложно понять, что Дурова считает свой путь верным: Надежда возвращается в родной город штабс-ротмистром, встречает на улице больную, изуродованную нищенской жизнью Елену и подает ей милостыню [Бегунова, 2011: 52].

Надежда Андреевна видит свое спасение в решении поступить на службу в армию. Этот путь не только избавил ее от трагической судьбы (как она считала), но и принес честь, славу, а после публикации «Записок» и известность. Дурова прожила год в Петербурге, часто бывала в гостях и на балах, так как ее история интересовала общественность и каждый хотел познакомиться с кавалерист-девицей и показать ее гостям.

Для самой Дуровой появление в невоенной среде, да еще и столичной, стало трудным испытанием. Е. С. Некрасова предположила, что сложности Надежды Андреевны были связаны с тем, что она выросла в провинции, среди патриархальных нравов [Некрасова, 1890: 610]. Однако, похоже, Дурова в первую очередь считала себя человеком военным и ждала, что так ее и воспримут в обществе (как воспринимают любого другого мужчину в офицерском чине). В «Автобиографии» она пишет: «Заменяв уланский колет фраком, я едва не пришел в отчаяние, когда первый часовой, мимо которого я прошел, не стал во строю и не взял на плечо, как следовало при виде офицера. <...> Я не мог выносить такого совершенного отчуждения от главного элемента жизни моей» [Дурова, 1999: 376—377].

В салонах столичной знати Дуровой пришлось отвечать на трудные для нее вопросы о солдатской жизни. Особенно донимали женщины, спрашивая о «женских» особенностях жизни в лагере. Кавалерист-девица недоумевала, как могли они решиться говорить ей подобные вещи [Бегунова, 2011: 155—156]. Дурова считала, что женщины должны были воспринимать ее как любого другого мужчину-солдата и не лезть в дела военные, подробности о которых знали только имеющие воинское звание. Женщины же не воспринимали мужскую гендерную идентичность Дуровой в полной мере. Во многом это происходило потому, что для женщины в традиционном обществе мужественность связана с семейным статусом (отца, мужа, потенциального жениха).

Судя по всему, на столичных дам Надежда Андреевна не производила впечатления. Ею интересовались как феноменом, но интерес быстро угасал [Некрасова, 1890: 611]. Авдотья Панаева (Головачёва) оставила в своих воспоминаниях описание Дуровой, из которого можно судить, что женщины находили кавалерист-девицу некрасивой. Кроме того, Панаева отметила «мужские» манеры и внешний вид Дуровой: «Волосы были коротко острижены и причесаны, как у мужчин. Манеры у нее были мужские; она села на диван, положив одну ногу на другую, уперла руку в колено, а другой держала длинный чубук и покуривала» [Головачёва, 1889: 293].

Столичные дамы оценивали успешность и интересность Дуровой по канонам женственности, в которые входили внешность, манеры, умение вести светскую беседу, а также семейный статус. Во всем этом кавалерист-девица проигрывала.

Надежда Андреевна Дурова продолжала подписываться и представляться именем Александр Александров, говорила и писала о себе в мужском роде (везде, кроме «Записок»). Когда кто-то с ней обходился как с женщиной, она терялась. Когда кто-то, обращаясь к кавалерист-девице, употреблял ее женское имя, она сердилась и не находила себе места.

Именно А. С. Пушкин, печатая воспоминания русской амазонки в «Современнике», озаглавил их «Записки Н. А. Дуровой», на что получил письмо с просьбой изменить название: «Имя, которым вы назвали меня, милостивый государь Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! ... Я вздрагиваю, как только вздумаю, что 20 тысяч уст его прочитают и назовут» [Переписка А. С. Пушкина... , 1982: 498—499].

Дурова в своей повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» замечает, что Александр Сергеевич «приходил в приметное замешательство», когда она говорила о себе в мужском роде. Надежда Андреевна объясняет это своей привычкой к мужскому поведению: «Я продолжала разговаривать, нисколько не затрудняясь своею ролею, обратившеюся мне уже в природу» [Дурова, 1999: 248]. В свою очередь, кавалерист-девица была смущена поведением Пушкина, который не только говорил с ней «тем языком, каким обыкновенно люди образованные говорят с дамами», но и поцеловал Дуровой руку на прощание. После чего она так смутилась, что покраснела и ответила: «Ах, боже мой! Я так давно отвык от этого!» [там же: 249].

Скоро Дурова наскучила столичному обществу, ей начали оказывать холодный прием, что Надежда Андреевна отразила в повести «Год жизни в Петербурге». Она недоумевала, почему люди, ранее встречавшие ее столь радушно, быстро охладевали. Поэтому после получения денег за свои «Записки» и литературные произведения Дурова уехала в Елабугу и купила там усадьбу.

В Елабуге каждый знал, что Александр Александров — псевдоним «гусара-девки», на которого первое время приходили дивиться местные жители и жители соседних селений [Лашманов, 1890: 658]. Сначала о Дуровой ходили различные слухи и сплетни. Когда Надежда Андреевна, всегда любившая животных, обзавелась целым зверинцем из беспризорных кошек и собак, люди начали говорить, что «природа великая вещь и ее по-своему не переделаешь и что девица в 40—50 лет становится старою девою» [там же: 660].

Первый биограф кавалерист-девицы Н. Н. Блинов написал в своей статье, что И. В. Чернов (сын Дуровой) просил у матери благословения на брак, но, увидев в письме обращение «маменька», Дурова разорвала его, не читая. Тогда Чернов послал второе письмо, обратившись к матери официально: «Ваше благородие господин штабс-ротмистр», и получил благословение [Блинов, 1888: 420]. Однако Блинов не имел никаких документов, подтверждающих это [Бегунова, 2011: 76—77]. Скорее всего он пересказывал один из елабужских мифов о Дуровой.

Довольно скоро жители Елабуги обнаружили, что кавалерист-девица обладает мягким сердцем и состоит в хороших отношениях с городничим Э. О. Ерlichem. К Дуровой потянулась вереница просителей, что отражено в сохранившихся записках Надежды Андреевны к городничему с просьбами помочь ее «протеже» [Лашманов, 1890: 659]. Когда Эдуарду Осиповичу надоедало такое чрезмерное участие Дуровой, то он обращался к ней не по обыкновению «многуважаемый Александр Андреевич», а говорил: «Мое почтение, Надежда Андреевна, как поживаете?», затем прибавляя: «Ах, извините пожалуйста, а я было принял вас за одну свою знакомую...» [там же: 662]. Это так обижало Дурову, что она тут же уходила и некоторое время не общалась с городничим.

В остальном Надежда Андреевна жила в Елабуге тихой уединенной жизнью, потому неудивительно, что на ее похороны не пришло много народа. Зато похороны кавалерист-девицы почтил местный кадровый батальон «приличным воинским конвоем» [Блинов, 1888: 420].

Сложно сказать, когда действительно Надежде Дуровой пришла в голову мысль пойти на службу в армию: еще в детстве (как пишет сама Дурова) или после неудачного замужества и знакомства с расквартированным в родном городе казачьим полком. Однако очевидно, что Надежда Андреевна всегда крайне критично относилась к положению женщины в современном ей русском обществе.

Дуровой хотелось обрести свободу и осуществить свою мечту — поступить на военную службу. Для этого будущей кавалерист-девице пришлось решить сложнейшую задачу — освоить во всех деталях производство другой гендерной роли, что не значило просто остричь волосы и надеть мужское платье. В казачьем полку Дурову очень быстро разоблачили, так как она только училась вести себя по-мужски. Обучение включало освоение мужского стиля речи (сильно отличного в то время от женского) и мужских манер (как правильно ходить, стоять, сидеть, курить). Конечно, обычно люди усваивают все данные практики естественно в процессе инкультурации, но Надежде Андреевне пришлось сознательно учиться быть мужчиной, чтобы социум воспринимал ее как мужчину. В этом состоит перформативная природа гендера, который конструируется практиками, а не предопределяется биологическим полом.

История Дуровой показывает, как гендерное беспокойство проявляется сразу на многих уровнях. На правовом уровне вопрос был решен только в результате поступления на службу — Дурова стала «государевым человеком». После этого ни отец, ни муж не были властны вернуть ее и распоряжаться ее жизнью, а могли лишь просить императора о возвращении беглянки [Бегунова, 2011: 163]. Именно Александр I своим высочайшим повелением решает правовые вопросы — с того времени, по сути, Надежда Дурова (женщина) исчезает, а появляется Александр Александров (мужчина), который имеет официальные документы, военное звание (а следовательно, принадлежность к определенному социальному слою), жалованье (которое обеспечивает Александрову средства к существованию и экономическую независимость).

Неудивительно, что, выйдя в отставку, Дурова не возвращается к женскому гендеру: для того времени она не состоялась как женщина (она вдова, отдавшая своего сына на воспитание отцу). Все достижения Надежды Андреевны, ее социальный статус и экономическое благополучие были связаны с мужской гендерной идентичностью Александра Александрова, коим Дурова осталась до конца жизни. Надежда Дурова как женщина ни на что не могла претендовать, кроме того чтобы стать приживалкой в отцовском доме. Александр Александров же был штабс-ротмистром в отставке, героем Отечественной войны и кавалером Георгиевского креста.

В российском обществе XIX в. служба оказалась выше гендера. Дурова смогла доказать, что приносит пользу на государственной службе, и имела тому подтверждения в виде рапортов, составленных для Александра I. Причем мужчины реагировали на ситуацию поло-гендерного несовпадения куда легче.

Сослуживцы воспринимали Дурову как товарища. В армии и на войне важнее было, как Дурова справляется со своей службой. Позже литературное творчество Надежды Андреевны высоко оценили А. С. Пушкин и В. А. Жуковский. Достижения Дуровой мужчинами воспринимались как показатели социального статуса, что облегчало дешифровку идентичности, которую представляла Дурова.

Самые большие трудности возникали у кавалерист-девицы с женщинами, неизменно воспринимавшими Дурову как женщину и поэтому оценивавшими ее женские качества. Дамы отмечали то, что Дурова была некрасива, а также недоумевали, почему Надежда Андреевна не хочет с ними посплетничать о военной жизни. В свою очередь, Дурова не понимала, как к ней, воину и офицеру, дамы могут обращаться так вольно и без соблюдения всяких приличий.

Сама Надежда Дурова, проведя десятилетие в армии, похоже, полностью приняла свою новую идентичность. Она считала себя в первую очередь военным и по привычке присваивала себе мужской язык и манеры. Нужно отметить, что в светском обществе Дурова тоже не смогла освоиться, так как огромная часть ее социальной идентичности была связана прежде всего с военной службой — делом ее жизни.

Библиографический список

- Бегунова А. И.* Надежда Дурова. М.: Вече, 2011. 432 с.
- Блинов Н. Н.* «Кавалерист-девица» и Дуровы: (из Сарапульской хроники) // Исторический вестник. 1888. Т. 31, № 2. С. 414—420.
- Валитова Ф. Х.* Участие Н. А. Дуровой в заграничных походах 1807—1814 гг.: лекция. URL: http://www.elabuga.com/durov/durova_03_ru.html (дата обращения: 27.11.2015).
- Головачёва (Панаева) А. Я.* Воспоминания // Исторический вестник. 1889. Т. 35, № 2. С. 291—333.
- Дашкова Е. Р.* Записки; Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. М.: Изд-во МГУ, 1987. 496 с.
- Дурова Н. А.* Записки кавалерист-девицы. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1999. 396 с.
- Дурова Н. А.* Игра судьбы, или Противозаконная любовь: истинное происшествие, случившееся на родине автора. URL: http://az.lib.ru/d/durowa_n_a/text_0120.shtml (дата обращения: 27.11.2015).
- Записки Александрова (Дуровой): дополнение к кавалерист-девице. М., 1839. URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Durova/> (дата обращения: 27.11.2015).
- Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М.: Моск. рабочий, 1983. 479 с.
- Лашманов Ф. Ф.* Надежда Андреевна Дурова: материалы к ее биографии // Русская старина. 1890. Т. 67, № 9. С. 657—665.
- Некрасова Е. С.* Надежда Андреевна Дурова (псевдонимы: Девица-кавалерист, Александров) // Исторический вестник. 1890. Т. 41, № 9. С. 585—612.
- Переписка А. С. Пушкина: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 575 с.
- Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London: Routledge, 1990. 272 p.

References

- Begunova, A. I. (2011) *Nadezhda Durova*, Moscow: Veche.
- Blinov, N. N. (1888) “Kavalerist-devitsa” i Durovy: (Iz Sarapul’skoï khroniki) [The Cavalry Maiden and the Duroves: (From Sarapul chronicle)], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 31, no. 2, pp. 414—420.
- Butler, J. (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, London: Routledge.
- Dashkova, E. R. (1987) *Zapiski; Pis'ma sestior M. i K. Vil'mont iz Rossii* [Notes; Sister M. and K. Wilmont letters from Russia], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Durova, N. A. *Igra sud'by, ili Protivozakonnaia liubov': Istinnoe proisshestvie, sluchivsheesia na rodine avtora* [Game of fate or Illegal love: The real incident that happened in the homeland of the author], available from http://az.lib.ru/d/durowa_n_a/text_0120.shtml (accessed 27.11.2015).
- Durova, N. A. (1999) *Zapiski kavalerist-devitsy* [The Cavalry Maiden notes], Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Golovachiova (Panaeva), A. Ia. (1889) Vospominaniia [Memories], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 35, no. 2, pp. 291—333.
- Izbrannye sochineniia kavalerist-devitsy N. A. Durovoi* (1983) [The Cavalry Maiden Durova N. A. selected writings], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Lashmanov, F. F. (1890) Nadezhda Andreevna Durova: Materialy k eio biografii [Nadezhda Andreevna Durova: Materials to the biography], *Russkaia starina*, vol. 67, no. 9, pp. 657—665.
- Nekrasova, E. S. (1890) *Nadezhda Andreevna Durova (pseudonimy: Devitsa-kavalerist, Aleksandrov)* [Nadezhda Andreevna Durova (pseudonyms: the Cavalry Maiden, Alexandrov)], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 41, no. 9, pp. 585—612.
- Perepiska A. S. Pushkina*: in 2 vols (1982) [A. S. Pushkin's correspondence], Moscow: Hudozhestvennaia literatura, vol. 2.
- Zapiski Aleksandrova (Durovoi): Dopolnenie k kavalerist-devitse* (1839) [Notes of Aleksandrov (Durova): Addition to the Cavalry Maiden notes], available from <http://www.museum.ru/1812/Library/Durova/> (accessed 27.11.2015).

Статья поступила 23.02.2016 г.

Р. Н. Сулейманова

**«ПОЛОЖЕНИЕ ЕЕ ДОВОЛЬНО СНОСНО...»:
ВЗГЛЯДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в. НА ПОЛОЖЕНИЕ
ЖЕНЩИНЫ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
(На примере башкир)**

На основе анализа фундаментального научного труда известного российского ученого-этнографа С. И. Руденко рассматривается положение женщины в традиционном башкирском обществе. Показывается отношение С. И. Руденко и отечественных исследователей второй половины XIX — начала XX в. к трактовке этого вопроса и к общественному статусу женщин мусульманских народов России.

Ключевые слова: женщина, традиционное общество, башкиры, мусульмане, Россия, регион, ученый, отечественные исследователи.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.7

**R. N. Suleimanova. “She is reasonably well positioned...”:
the views of local researchers of the second half of XIX —
early XX c. on the position of women in traditional society
(On the example the Bashkirs)**

The article, based on the analysis of the fundamental scientific work of the famous Russian ethnographer S. I. Rudenko “The Bashkirs. A case of ethnological monograph” (the second part was published in 1925), considers the status of women in traditional Bashkir society. Shown are the attitude of S. I. Rudenko and other Russian researchers of the second half of XIX — early XX c. to the social status of women of the Muslim peoples of Russia.

On the basis of the detailed analysis of works of Russian scientists and researchers, S. I. Rudenko comes to the conclusions about the status of women in traditional Bashkir society: it was better, than position of women of other peoples of Russia — both Christian and Muslim.

Key words: woman’s social status, the traditional society, the Bashkirs, the Muslims, Russia, the region, Russian researchers.

Социальный статус и роль женщины в том или ином обществе всегда имели свою специфику. Это зависело от множества факторов: исторических, экономических, географических условий, характерных для данного народа и данного общественного строя обычаев, традиций, общепринятых норм морали и др. Однако в любой период истории женщина играла (и продолжает играть) важную роль в общественной жизни.

В отечественной истории положение женщины в обществе, распределение обязанностей в семейно-бытовой сфере изменялись. В одной публикации, посвященной общественному статусу кавказской женщины, автор пишет: «Права и обязанности женщины, равно как и мужчины, в традиционных обществах в большей мере проистекали из базовых мировоззренческих установок относительно своеобразия женской/мужской природы, судьбы и роли женщины/мужчины в жизни общества» [Карпов, 2000: 22]. К таким же выводам можно прийти, рассматривая статус женщины в традиционном башкирском обществе. Эта тема привлекала внимание отечественных исследователей и освещалась в научной и краеведческой литературе. Среди многочисленных работ безусловного внимания заслуживают труды Сергея Ивановича Руденко, видного российского ученого-этнографа, посвятившего свою жизнь изучению истории и культуры народов России, в том числе башкир.

Интерес ученого был тесно связан с его биографией. Отец С. И. Руденко работал в Комиссии по размежеванию башкирских земель, поэтому свое детство и отрочество исследователь провел в Башкирии. Бывая с отцом в деревнях, он внимательно наблюдал за повседневной жизнью людей, за нравами и обычаями, которых они придерживались, и очень любил слушать народные сказки и предания. Став студентом Петербургского университета, С. И. Руденко всерьез увлекается исследовательской работой, которую начинает с изучения истории и культуры башкир. В 1906 и 1907 гг. он предпринимает поездки в Башкирский край с целью обследования и сбора вещевого материала для этнографического отдела Русского музея. Кроме выполнения основной задачи поездки, ученый приступает к изучению структуры родо-племенной организации башкир, территории их расселения, земельных отношений. Он также записывает обычаи и обряды, предания и сказки башкирского народа. Впоследствии ученый не раз будет посещать Башкирский край для сбора материалов по истории и культуре этого народа, которые ему были нужны для написания обобщающей монографии.

В 1915 г. С. И. Руденко завершил первую часть монографии, посвященную обследованию физического типа башкир. Она была издана на следующий год. Он подготовил и вторую часть монографии, которую назвал «Быт башкир». Однако по объективным причинам ее выход задержался и свет она увидела лишь в 1925 г.

Эта часть монографии нам представляется особенно важной и интересной. И вот почему. В общественном сознании прочно утвердилось мнение о невыносимо тяжелом положении башкирки в семье и обществе, в чем немалую роль сыграла советская историография. Но это не подтверждается историческими, этнографическими, фольклорными материалами, а также делами бракоразводных процессов. Мнений исследователей по вопросу о действительном положении башкирской женщины существовало много. Несмотря на различия во взглядах, все ученые были едины в одном: башкирки пользовались относительно большей свободой, чем женщины других народов России (см.: [Сулейманова, 2008: 327]).

В монографии С. И. Руденко дал подробную этнографическую характеристику башкир XIX — начала XX в., всех форм хозяйственной деятельности народа. Опираясь на разнообразные источники — фольклор, статистические сведения, научно-справочную и краеведческую литературу, а также личные наблюдения, ученый анализирует семейно-бытовые отношения башкир, место и роль башкирских женщин в семье и обществе. Остановив свое внимание на этом вопросе, он выразил к нему и свое отношение. Нужно заметить, что С. И. Руденко, начиная с первых публикаций по женскому вопросу, не разделял официально установившееся в советской историографии мнение о тяжелом положении и полном бесправии башкирок. В монографии он ставит конкретный вопрос: «Каково же положение башкирской женщины в семье? Смотрят ли на нее как на купленную за деньги рабу, как думают одни исследователи... или положение ее довольно сносно и даже лучше, чем положение русской женщины, как это думают другие...» [Руденко, 1925: 257]. Отвечая на него, ученый исходит из следующих аргументов: «...прежде всего надо иметь в виду, что жена всегда вносит в хозяйство довольно значительное имущество (тем более значительное, чем значительнее калым), которое нельзя назвать приданым в полном смысле этого слова, так как собственником этого имущества остается жена. Ей принадлежит, кроме всевозможной одежды и дорогих украшений, также скот, который она с собой привела в семью мужа, со всем приплодом. Не только доходы от ее имущества идут в ее пользу, но муж без ее согласия не имеет права ни продать, ни зарезать ни одно из принадлежащих ей животных. Возможность развода в случае побоев со стороны мужа или даже при грубом с ней обращении, после которого она может уйти из семьи со всем своим имуществом, делает ее положение достаточно независимым, а пожилые женщины нередко пользуются в башкирских семьях даже большим влиянием» [там же].

В трудах известных российских ученых и исследователей XIX в., особенно второй половины, и начала XX в., посвященных изучению башкир, уделялось внимание положению женщины в традиционном обществе. Прежде всего отмечалась ведущая роль башкирских женщин в хозяйственной жизни. Об этом писали П. И. Небольсин, В. М. Черемшанский, И. М. Казанцев, П. С. Назаров, С. Г. Рыбаков, Д. П. Никольский, В. И. Филоненко и многие другие. П. И. Небольсин, историк, этнограф и литератор XIX в., известный своими публикациями по истории и культуре российских народов, в «Заметках о башкирцах», опубликованных в известном отечественном издании, констатировал: «Вся тягость домашних занятий у башкуртов лежит на женщине». И далее перечислял их: «В продолжение целого лета только у нее и забот, чтобы ухаживать за коровами и кобылами, доит их, приготовляет кумыс, смотрит за прочностью турсуков и сабы, в которых хранится этот... напиток, бить масло, приготовлять крут... В свободное от этих занятий время женщины посвящают свои труды шитью белья из приготовленного весной холста... сапогов для целой семьи и, таким образом, хлопчут с утра до ночи вплоть до времени сенокоса. <...> По окончании всех полевых работ семейство возвращается в свои селения. Тут женщину ожидают новые заботы: она поправляет печь или чувал, обтягивает пузырем окна, приготовляет на зиму крупу, пеньку, шьет сапоги из кобыльей кожи, прядет шерсть, делает сукно на платье, рукавицы и онучи всем членам

своего дома, шьет кафтаны, дубит овчины, шьет из них тулупы и валяет войлоки для кибиток...» [Небольсин, 1850: 5].

Так же высоко оценивает труд башкирок в домашнем хозяйстве российский географ и краевед В. М. Черемшанский в своей знаменитой монографии, посвященной многостороннему изучению одной из губерний России — Оренбургской и удостоившейся малой золотой медали Ученого комитета Министерства государственных имуществ. В ней он приводит немало интересных сведений о быте башкир. Касаясь общественного положения башкирок, ученый указывает, что «все обязанности домашних работ лежат преимущественно на их ответственности» [Черемшанский, 1859: 148].

С ними соглашается И. М. Казанцев, историк и этнограф, многие годы отдавший казенной службе в Оренбургском крае. Посещая по служебному долгу уезды края, он увлекается сбором сведений по материально-бытовой традиционной культуре и хозяйственной жизни башкир и казахов. В своем труде, посвященном описанию башкир, он останавливается на роли женщин в хозяйственной жизни и делает следующий вывод: «Обязанности домашних работ лежат более на ответственности женского пола». И приводит все виды работ, которыми занимались башкирки: «Они готовят сукна для платья, ухаживают за скотом, снимают с него в известное время шерсть, доят кобыл, коров и коз, готовят из молока обыкновенные их съестные припасы, не только для ежедневной пищи, но и для заготовления на службу мужьям...» [Казанцев, 1866: 28—29]. Заметим, что исследователи действительно были едины во мнении о ведущей роли башкирок в хозяйственной деятельности, о чем свидетельствуют сделанные ими в трудах соответствующие выводы.

Следует подчеркнуть, что в последующий период взгляды российских ученых и исследователей на положение женщины в традиционном обществе особо не изменились. Это подтверждают публикации П. С. Назарова, С. Г. Рыбакова, Л. фон Бергхольца, Д. П. Никольского, В. И. Филоненко и других, которые пришли к тому же выводу о «весомом вкладе башкирок в ведение хозяйства». В статье, посвященной этнографии башкир, П. С. Назаров, касаясь вопроса участия башкирской женщины в хозяйственной жизни, указывал, что «все хозяйство лежит на ней» [Назаров, 1890: 190]. С. Г. Рыбаков, известный собиратель музыкального фольклора, не раз бывавший в Башкирском крае, в своих публикациях также рассматривал сферу семейно-бытовой жизни башкир. В одной из них он скрупулезно перечисляет все дела башкирок, которыми они занимались в домашнем хозяйстве: «Вскоре после восхода пробуждаются люди, прежде всего башкирки, которые принимаются за хозяйство: доят коров, коз, разводят костры, ставят самовары, спустя немного ночные пастухи пригоняют дойных кобыл и башкирки принимаются за доение их...» [Рыбаков, 1897: 19], и делает вывод, что «вообще башкирки деятельнее, чем башкиры» [там же: 20].

В отечественных исследованиях конца XIX в. красной нитью проходит заключение авторов о ведущей роли башкирских женщин в хозяйственной жизни. О том, что на них возложены все домашние работы, и о той большой роли, которую они играют в ведении домашнего хозяйства, писали Л. фон Берггольц, детально изучивший жизнь башкир Катайской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии [Берггольц, 1893: 80], известный

русский врач и общественный деятель Д. П. Никольский, посвятивший башкирам специальное исследование [Никольский, 1899: 140], преподаватель уфимской гимназии В. И. Филоненко, опубликовавший немало работ о башкирах [Филоненко, 1914: 303], и другие.

В то же время в этих исследованиях отмечалось одно интересное наблюдение, касающееся семейно-бытовой жизни башкир: при особенно большой загруженности башкирки домашними делами явным было проявление лени башкир в этой сфере семейного быта. Так, П. Л. Юдин считал башкирок «трудолюбивее мужчин» [Юдин, 1890]. П. С. Назаров, показывая занятость башкирки в хозяйстве, делал вывод, что «муж ни во что не вступается, следовательно, ничего не делает» [Назаров, 1890: 190]. Л. фон Бергхольц отмечал, что у катайцев «хозяйка всегда чем-нибудь занята, у нее всегда есть работа, на что любит лежачий и ничего не делающий муж» [Бергхольц, 1893: 80]. Н. А. Крашенинников так описывал эту сторону семейной «идилии»: «Войдешь в избу — баба что-нибудь шьет или моет, а хозяин спит; спит тогда, когда в доме нет ни куска хлеба...» Более того, показывая большую загруженность башкирок в домашнем хозяйстве, он яркими мазками рисует отношение к этому башкира: «...их властелин или спит, или балакает вздор с соседями; иные считают за унижение принести воды или охапку дров» [Крашенинников, 1907: 11].

С. И. Руденко был полностью согласен с выводами российских ученых и исследователей о роли башкирок в ведении хозяйства. В монографии он пишет: «Вся домашняя работа лежит на башкирской женщине: она приготавливает пищу и ухаживает за детьми, доит коров и кобылиц, заготавливает на зиму запасы провизии, шьет одежду и обувь, тклет холст и сукно, валяет войлок и проч. В страдную пору она жнет хлеб, а местами и косит, мелет муку на ручных жерновах, ходит за огородом и проч., и проч.» [Руденко, 1925: 258]. Таким образом, положение башкирской женщины в семье, по мнению отечественных ученых, было «довольно сносно» ввиду ее «ведущей роли в хозяйственной жизни».

На эту особенность семейной жизни у башкир обращалось внимание в исследованиях П. С. Назарова, С. Г. Рыбакова, Д. П. Никольского и других. Так, П. С. Назаров писал: «Нравственное положение женщины в семье довольно сносно, так как коренной обычай башкир запрещает не только бить, даже грубо обходиться с женой...» [Назаров, 1890: 190]. Д. П. Никольский по этому поводу замечал: «Семейная жизнь башкиров протекает тихо и мирно... Положение башкирской женщины в семье, по нашим личным наблюдениям, довольно сносно». Далее он указывал причину такого ее положения: «У башкир не только запрещается бить жену, но не дозволяется даже грубо обходиться с нею...» Ученый сделал следующий вывод: «Положение башкирской женщины в семье, пожалуй, лучше положения русской» [Никольский, 1899: 140, 141].

С. Г. Рыбаков, касаясь семейной жизни у башкир, довольно высоко оценивал отношение мужей к женам. Он считал, что «мягкость характера, или, так сказать, естественная гуманность, составляет чуть ли не отличительное качество башкир». «Прежде всего, — пишет он, — это качество проявляется в семейной жизни, которая хотя построена на азиатской основе — на безусловной подчиненности женщины, но свободна от систематического проведения и гнета этого принципа и является гораздо проще и естественнее, чем у других мусульман.

<...> Мужья не разыгрывают из себя деспотов по отношению к женам и предоставляют последним известную свободу от обрядностей, не подвергают их телесным побоям за редким исключением... Вообще у башкир нет той жестокости, пренебрежения и необузданности по отношению к женам, как у киргиз...» Ученый делает следующий вывод: «Хотя принцип безграничной власти мужа над женою оставался незыблемым, башкиры явно обнаружили несочувствие такому дикому и необузданному проявлению этой власти». У них к женам, отмечает он, «преобладает мягкое, отнюдь не деспотическое, добродушное отношение» [Рыбаков, 1897: 32].

В другой своей публикации, посвященной семейной жизни татар, проживавших в Уфимской и Оренбургской губерниях, С. Г. Рыбаков сравнивает положение татарок в семье с положением женщин у «инородцев»: «Семейная жизнь их (т. е. татар) замкнута: жены почти не показываются мужчинам, за исключением русских, тщательно скрывают свое лицо от посторонних взоров и возвращаются только в семейном кругу, не появляясь ни в каких общественных местах и сборищах, в то время как у других инородцев женщины пользуются большею свободою: у башкир почти не закрываются в присутствии мужчин, а у киргиз вовсе не закрываются и наравне с мужчинами занимаются промыслами, приезжают иногда одни в города на базары и продают там кумыс, пшеницу и проч. ...» [Рыбаков, 1895: 281]. Эту же особенность у башкирок-катаек подметил Л. фон Бергхольц: «...лиц они не закрывают, как это делают все магометанки...» [Бергхольц, 1893: 80].

С. Г. Рыбаков в данной публикации отмечает еще одну своеобразную черту семейного быта башкир — наличие в коши «частей, которые отгораживаются ситцевыми занавесками, за которыми укрываются жены и вообще женский пол, когда у хозяина бывает в гостях мужская компания» [Рыбаков, 1895: 286].

В своей монографии С. И. Руденко семейную жизнь башкир характеризует следующим образом: «...семейная жизнь башкир протекает весьма мирно, жена почти никогда не возражает мужу, последний же относится к ней с большим вниманием...» [Руденко, 1925: 258]. Ученый считает, что в основе такого уклада башкир лежит родовой строй. По его мнению, больше всего общих черт в семейно-бытовом строе у башкир с казак-киргизами, причем восточные, зауральские башкиры хранят древний уклад семейной жизни много лучше, чем западные башкиры, и особенно северо-западные [там же].

С другой стороны, опираясь на большой круг источников, ученый показывает незавидное, зависимое положение башкирки. Об этом говорят сохранившиеся некоторые свадебные обряды, обычаи традиционного семейного уклада, которые он приводит в своей монографии. О ее нелегком положении в семье свидетельствует также большая загруженность домашней работой, участие наравне с мужчинами в хозяйственных делах (косьба, жатва, молотьба и др.).

Нужно заметить, что еще в XVIII в. в обобщающем труде о народах России академик И. И. Лепёхин, рассматривая семейный быт башкир, положение женщины, писал: «Башкиркам в веселых пиршествах, особливо при приезжих людях, быть не дозволяется... Новомужние башкирки сначала бывают стыдливы, а особливо при приезжих посторонних или своих старших сродственниках.

Они тогда оборачиваются всегда в угол и сколько можно прячут свое лицо... В разговор со старшими никогда не вступают, но совершенное наблюдают молчание, оборотаясь в угол» [Лепёхин, 1802: 115, 153].

В последующий период в подтверждение высказывания академика многие российские ученые и исследователи указывали на бесправное положение башкирки в семье и обществе. Так, Л. фон Бергхольц, детально изучив жизнь и быт башкир-катайцев одного из уездов Оренбургской губернии, сделал следующий вывод: «Семейная жизнь катайцев не отличается ничем от жизни других башкирских родов. ...На женщину мужчины смотрят как на вещь, как на рабыню; она не смеет вступать в разговор мужа с кем-либо из посторонних» [Бергхольц, 1893: 80]. Причина этому кроется в том, писал Д. П. Никольский, что башкиры считают: «женщина происходит из кости левого бока мужчины», поэтому «женщины и стоят и сидят на левой стороне» [Никольский, 1899: 117].

В 1907 г. в Москве вышла небольшая книга под названием «Угасающая Башкирия», автором которой был известный русский беллетрист, автор многочисленных повестей, пьес и очерков, в частности о Башкирии и башкирах, Н. А. Крашенинников. В этой книге он указал на незавидность участи башкирской женщины: «Жена в башкирской семье почти то же, что лошадь, оба живут впроголодь, а работают до упаду» [Крашенинников, 1907: 11].

С ними соглашались отечественные исследователи П. Л. Юдин, И. М. Казанцев, П. С. Назаров и другие. Краевед и журналист П. Л. Юдин опубликовал на страницах одного из периодических изданий довольно интересный очерк о быте и повседневной жизни башкир. В нем он написал о «трудолюбивых» башкирках, которые, однако, «никогда и ни в каких духовных церемониях не участвуют» [Юдин, 1890]. В статье, посвященной башкирам, П. С. Назаров отмечал, что замужня башкирка «не показывает своего лица, а свекру продолжает не показываться в течение года, почему и должна есть отдельно от него»; это указывает на ее зависимое положение в семье мужа [Назаров, 1890: 189].

В монографии С. И. Руденко акцентирует внимание на таких моментах, как поведение женщины во время приема пищи и выполнение ею домашних обязанностей. Он пишет: «...если в кругу своей семьи женщина ест вместе со всеми чадами и домочадцами, то при постороннем мужчине, если только он человек не близкий, она отходит на задний план, подает на стол, но сама не имеет места» [Руденко, 1925: 258].

Таким образом, в научной и общественной мысли России второй половины XIX — начала XX в. широко распространенными продолжали оставаться традиционные идеи о природных предпосылках неполноценности женщин, их второстепенном месте в обществе и семье. Однако положение женщины в традиционном башкирском обществе с ранних этапов истории народа было достаточно высоким в сравнении с положением женщин других народов страны. Исследователи связывают это с особенностями кочевого образа жизни башкир, при котором женщина наравне с мужчиной переносила все тяготы нелегкой кочевой жизни, вела всю домашнюю работу.

Каким же было в трактовке С. И. Руденко положение женщины в традиционном башкирском обществе? Опираясь на широкий круг разнообразных

источников, он делает следующий вывод: «...вообще башкирские женщины пользуются относительно большей свободой, чем у многих других мусульманских народов». И далее на примере конкретных башкирских родов его раскрывает: «Восточная зауральская башкирка, за исключением тестя, почти ни от кого не закрывает своего лица. То же можно сказать и про горных башкир». Одновременно на примере западных башкир он показывает незавидное положение женщин, которое мало чем отличалось от положения женщин соседних татар [там же: 257].

Ученый отмечает существовавшую у башкир специфику положения некоторых групп женского населения: «Пожилые женщины и девочки лет до одиннадцати, двенадцати совсем не закрываются. Еще не так давно башкирские женщины принимали участие наравне с мужчинами в некоторых народных празднествах, а местами (на северо-западе) еще и теперь сохранились общие игры и гулянья парней с девушками» [там же].

Можно указать и другую особенность положения женщины в традиционном башкирском обществе, которая говорит в пользу ее независимости, — ее имущество. Оно было неприкосновенным, владела им только сама женщина и по наследству передавала лишь своей дочери. Скот никто в семье не имел права продать, зарезать, в пользу женщины шли доходы от имущества, само приданое, часть калыма. Все это делало ее экономически независимой и самостоятельной, поэтому ее статус в семье и обществе являлся достаточно высоким. При этом нужно заметить, что таким положение было не у всех женщин, да и не всегда, на что указывают исследователи: положение снохи (килен) в семье характеризовалось как бесправное и зависимое. Башкирский историк А. З. Асфандияров в своей книге о башкирской семье в прошлом, опираясь на документальные материалы и разнообразные источники, о положении снохи в семье мужа писал следующее: «Она не имела права входить в комнату, если там находился посторонний мужчина. Увидев тестя (кайны) или старшего брата мужа (кайнага), она обязана была прикрывать половину лица платком. Домашняя работа всей своей тяжестью падала на нее. Она обязана была угождать и мужу, и свекрови...» [Асфандияров, 1997: 81].

Об этом упоминалось и в исследованиях XIX — начала XX в. На данную особенность положения башкирки в семье мужа указывал академик И. И. Лепёхин [Лепёхин, 1802: 153]. П. С. Назаров отмечал: «Войдя в дом мужа, молодая становится на колени перед свекром и свекровью, выражая этим свою полную покорность им» [Назаров, 1890: 189]. Об этом же писал В. И. Филоненко: «При входе в юрту своего мужа молодая делала коленопреклонение... свекру, деверю...» [Филоненко, 1914: 304]. Д. П. Никольский замечал, что у башкир жена «должна угождать мужу, ухаживать за ним, не грубить и т. д.» [Никольский, 1899: 140].

Однако затем положение башкирки в обществе стало принижаться. С чем это было связано? По мнению С. И. Руденко, на статус женщины в обществе, наряду с проявлениями патриархата, повлияло также распространение среди башкир ислама. Это ограничивало масштабы свободы и самостоятельности женщины, ставило преграды между ею и мужчиной как в общественной,

так и в семейно-бытовой жизни. На данное обстоятельство указывает и А. З. Асфандияров: «...до победы ислама в XIII—XIV вв. женщины в Башкирии были гораздо более свободны, чем впоследствии» [Асфандияров, 1997: 80].

Конечно, глубоко в среду башкир ислам проникнуть не мог ввиду специфики кочевого образа жизни народа и достаточно высокого уровня участия женщин в хозяйственной жизни. Кочевая культура рождала уважительное отношение к женщине, обусловленное тем серьезным вкладом, который она вносила в экономику семьи, общества. Активная хозяйственная деятельность башкирки в кочевом обществе, с одной стороны, и институт затворничества, который предполагал минимальную роль женского труда, с другой стороны, не могли быть совместимы. Поэтому С. И. Руденко считал, что затворничество и ношение ритуального покрывала в башкирском обществе почти не знали [Руденко, 1925: 258]. Подтверждением этому являются взгляды отечественных ученых и исследователей: И. И. Лепёхина, П. С. Назарова, П. Л. Юдина, Л. фон Бергхольца, С. Г. Рыбакова, В. И. Филоненко и других.

В советской литературе по данному вопросу ученые делали выводы, аналогичные мнению С. И. Руденко. Так, Л. И. Климович отмечал своеобразие общественного положения башкирской женщины: «Среди многих народов, например киргиз, казахов, башкир, карачаевцев, курдов, обычаи женского затворничества и ношения ритуальных покрывал вообще не привились...» [Климович, 1965: 293]. Л. И. Шайдуллина также писала, что «башкирская женщина во все времена оставалась свободной от ношения покрывала и не подверглась затворничеству». Причину она видит в особых условиях жизни кочевников, тяготы которой женщине приходилось переносить наравне с мужчинами. Она считает, что «у башкир, принявших ислам, женщина оставалась свободной от этих обычаев. Девушки вступали в брак будучи уже взрослыми, сами выбирали себе мужей» [Шайдуллина, 1963: 209].

И все же такой институт ислама, как многоженство, был принят обществом, поскольку давал дополнительную рабочую силу для ведения хозяйства. Нужно заметить, что в отечественных исследованиях конца XIX — начала XX в. обращалось внимание на эту сторону семейной жизни башкир. Так, В. М. Черемшанский замечал: «Башкирцы, как и все вообще мусульмане, имеют достаточные по две и по три жены, а бедные по одной. Впрочем, в настоящее время многие из благоразумных башкирцев не увлекаются примером многоженства, считая его главной причиной семейных несогласий, и при всей возможности иметь несколько жен всю жизнь довольствуются одной» [Черемшанский, 1859: 160]. П. С. Назаров, описывая «более или менее сносное положение» башкирки в семье мужа, оговаривается: «То, что я сказал... придется несколько ограничить. Ей действительно живется хорошо, если она одна в доме хозяйка. Не то бывает, если башкир возьмет себе еще другую жену» [Назаров, 1890: 191]. И добавляет, что многоженство возможно только у богатых башкир: «“Урус бай булса юрт ишляр, мусульман бай иси катан аляр”, — говорит башкир, т. е. богатый русский строит дом, а богатый мусульманин набирает жен» [там же: 192]. Об этом также пишет Д. П. Никольский: «...тихое и мирное течение семейной жизни идет, однако, только до тех пор, пока у башкира одна жена; но раз он берет вторую жену, картина меняется...» [Никольский, 1899: 141].

Тем не менее даже довольно высокий уровень участия женщин в хозяйственной жизни не означал их равноправия с мужчинами, потому что особенностью традиционного общества являлось господство патриархальных отношений, основанных на доминировании, главенстве мужчины и подчиненном, зависимом положении женщины. Нужно отметить, что в соответствии с российским законодательством женщины были ограничены в своих правах в значительно большей степени, чем мужчины. Это особенно проявлялось в вопросах наследования и разделе имущества. Имущественные права женщин ущемлялись также и после развода [Сулейманова, 2014: 54]. Поэтому вполне уместен здесь вывод известного писателя, краеведа, преподавателя уфимской духовной семинарии В. В. Зефинова, который он сделал в своей статье о семейном быте башкир, написанной еще в середине XIX в. В. В. Зефинов заключал, что «семейный быт их остался неприкосновенным ни малейшему изменению» [Зефинов, 1989: 422].

Подтверждений тому можно привести немало. Показательно в этом отношении письмо башкир Оренбургского уезда, направленное в начале XX в. своему депутату в Государственной думе, в котором они просили его «ввиду бесправного положения магометанских женщин... настоять на уравнивании в правах их с мужьями» (цит. по: [Сулейманова, 2014: 20]). В тот период в печатных изданиях, в том числе мусульманских, все чаще стали выходить публикации с требованием доступа женщин к получению образования, что позволило бы им бороться за возвращение потерянных прав (см.: [там же: 15]). Это подтверждает точку зрения С. И. Руденко и ряда исследователей в данном вопросе.

Приведем еще один интересный документ начала 1930-х гг., найденный в отечественных архивах. Безусловно, в послеоктябрьский и последующие периоды в политической, экономической и духовной сферах общественной жизни советской Башкирии и ее народов, в том числе башкир, произошли серьезные перемены. Они, конечно же, оказывали позитивное влияние на статус башкирских женщин в обществе и семье, менявшийся в соответствии с требованиями нового времени. Однако, как показала действительность, этот процесс шел медленно, противоречиво и непросто. На это указывает письмо А. И. Ромма, направленного из Москвы в один из районов Башкирии в начале 1930-х гг. для сбора материалов по истории Гражданской войны, председателю БашЦИК А. М. Тагирову, где в форме отчета о командировке им описывалось действительное положение башкирского населения в целом и женщин в частности. Он сообщал следующее: «Когда заходите в дом к районному работнику, коммунисту, жена его зачастую даже не отвечает на ваше “здравствуйте”: как можно, чужой мужчина! Словно рабыня, она ставит самовар, собирает вам и мужу чай и уходит, либо если и садится с вами, то в разговоре не участвует, берет себе первую чашку только тогда, когда вы с ее мужем кончили есть и пить» (цит. по: [там же: 204]).

Таким образом, в отечественной общественной и научной мысли второй половины XIX — начала XX в. вопросы изучения башкир, положения башкирской женщины в традиционном обществе получили достаточное

освещение. Уделил им внимание и видный российский ученый-этнограф С. И. Руденко. Безусловно, его заслугой является объективное всестороннее рассмотрение в своей фундаментальной монографии о башкирах многих аспектов общественной, хозяйственной, семейно-бытовой жизни народа, положения женщины в традиционном обществе и произошедших в нем в последующие периоды серьезных перемен. Сделанные им выводы о довольно высоком статусе башкирки совпадают с устоявшимися мнениями известных отечественных ученых и исследователей. Однако все они считали, что в ходе исторического развития этот статус принижался, а положение женщины в обществе и семье становилось все более зависимым и неравноправным.

Библиографический список

- Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII — первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 1997. 104 с.
- Бергхольц Л., фон. Горные башкиры-кайтавы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3—4. С. 74—84.
- Зефирова В. Взгляд на семейный быт башкирца // Башкирия в русской литературе / сост. М. Г. Рахимкулов и др. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. Т. 1. С. 421—427.
- Казанцев И. М. Описание башкирцев. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1866. 97 с.
- Карпов Ю. Ю. Кавказская женщина: мировоззренческие предпосылки общественного статуса // Этнографическое обозрение. 2000. № 4. С. 22—32.
- Климович Л. И. Ислам. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1965. 334 с.
- Крашенинников Н. А. Угасающая Башкирия. М.: Новое слово, 1907. 134 с.
- Лепёхин И. И. Продолжение дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1802. Ч. 2. 338 с.
- Назаров П. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 164—192.
- Небольсин П. Заметки о башкирцах // Отечественные записки. 1850. № 73. С. 1—9.
- Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 377 с.
- Руденко С. И. Башкиры: опыт этнологической монографии. Л.: Ленигр. Гублит, 1925. Ч. 2: Быт башкир. 330 с.
- Рыбаков С. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 7. С. 271—291.
- Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1897. 330 с.
- Сулейманова Р. Н. Статус башкирской женщины в семье и обществе в трудах XVIII — начала XX в. // Урал — Алтай: через века в будущее: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Ин-т истории яз. и лит. Уфим. нац. центра РАН, 2008. Ч. 2. С. 327—329.
- Сулейманова Р. Н. Женщины в общественно-политической жизни Башкирии в XX веке: формы социальной активности и динамика социально-политического статуса. Уфа: Гилем, 2014. 336 с.
- Филоненко В. И. Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 8. С. 297—308.

- Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. губ. правления, 1859. 472 с.
- Шайдуллина Л. И. Брак и развод по мусульманскому праву // Арабские страны: история: сборник статей. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 203—211.
- Юдин П. Л. Башкиры: (бытовой очерк) // Оренбургские губернские ведомости. 1890. № 36.

References

- Asfandiilov, A. Z. (1997) *Bashkirskaiia sem'ia v proshlom (XVIII — pervaiia polovina XIX v.)* [Bashkir family in the past (XVIII — first half of XIX c.)], Ufa: Kitap.
- Bergkol'ts, L., fon (1893) *Gornye bashkiry-kataitsy* [Mountain Bashkir-Katay], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 3—4, pp. 74—84.
- Cheremshanskii, V. M. (1859) *Opisanie Orenburgskoi gubernii v khoziaistvenno-statisticheskoi, etnograficheskoi i promyshlennoi otnosheniiakh* [The economic, statistical, industrial and ethnographic description of Orenburg region], Ufa: Tipografiia Orenburgskogo Gubernskogo pravleniia.
- Filonenko, V. I. (1914) *Bashkiry* [The Bashkir], *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*, no. 8, pp. 297—308.
- Iudin, P. L. (1890) *Bashkiry: (Bytovoi ocherk)* [Bashkirs: (About everyday life)], *Orenburgskie gubernskie vedomosti*, no. 36.
- Karpov, Iu. Iu. (2000) *Kavkazskaia zhenshchina: mirovozzrencheskie predposylki obshchestvennogo statusa* [Woman of Caucasus: ideological background of social status], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 22—32.
- Kazantsev, I. M. (1866) *Opisanie bashkirtsev* [The description of Bashkirs], St. Petersburg: Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za".
- Klimovich, L. I. (1965) *Islam*, Moscow: Nauka.
- Krasheninnikov, N. A. (1907) *Ugasaiushchaia Bashkiriia* [Fading Bashkiriia], Moscow: Novoe slovo.
- Lepiokhin, I. I. (1802) *Prodolzhenie dnevnnykh zapisok puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1770 godu* [The prolongation of Russian provinces travel's notes in 1770], St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, part 2.
- Nazarov, P. (1890) *K etnografii bashkir* [The ethnography of Bashkirs], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 164—192.
- Nebol'sin, P. (1850) *Zametki o bashkirtsakh* [Travel notes about bashkirs], *Otechestvennye zapiski*, no. 73, pp. 1—9.
- Nikol'skii, D. P. (1899) *Bashkiry: Ėtnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [Bashkirs: Ethnographical and sanitary-anthropological research], St. Petersburg: Tipografiia P. P. Soikina.
- Rudenko, S. I. (1925) *Bashkiry: Opyt etnologicheskoi monografii* [Bashkirs: Experience ethnological monograph], Leningrad: Lenigradskii Gublīt, part 2.
- Rybakov, S. (1895) *Ocherk byta i sovremennogo sostoianiia inorodtsev Urala* [About everyday life and contemporary status of Ural's foreigners], *Nabliudatel'*, no. 7, pp. 271—291.
- Rybakov, S. G. (1897) *Muzyka i pesni ural'skikh musul'man s ocherkom ikh byta* [Ural's muslims music and songs and essay about their everyday life], St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.

- Shaïdullina, L. I. (1963) Brak i razvod po musul'manskomu pravu [The marriage and divorce in the Muslim's law], in: *Arabskie strany: Istoriia* [Arab countries: The history], Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, pp. 203—211.
- Suleïmanova, R. N. (2008) Status bashkirskoi zhenshchiny v sem'e i obshchestve v trudakh XVIII — nachala XX v. [The status of Bashkir's woman in the researches XVIII — the beginning of XX c.], in: *Ural — Altaï: cherez veka v budushchee: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Ufa, part 2, pp. 327—329.
- Suleïmanova, R. N. (2014) *Zhenshchiny v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Bashkirii v XX veke: formy sotsial'noi aktivnosti i dinamika sotsial'no-politicheskogo statusa* [Women in public and political life of Bashkiria during XX century: the forms of social activities and dynamics of political status], Ufa: Gilem.
- Zefirov, V. (1989) Vzgliad na semeinyi byt bashkirtsa [Bashkir's family everyday life], in: *Bashkiriia v russkoi literature*, vol. 1, pp. 421—427.

Статья поступила 24.02.2016 г.

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ В 1950-х гг.
(На материалах Карелии)

На материалах Карелии рассмотрены проблемы женской занятости в 1950-х гг., выявлены причины значительного числа неработающих женщин, показаны пути и методы их вовлечения в общественное производство. Выделены факторы, влиявшие на процесс трансформации профессиональной занятости женщин. Особое внимание уделено мерам государства по обеспечению населения детскими садами и яслями, организации свободного времени детей и подростков, улучшению бытового обслуживания, медицинской помощи матери и ребенку. Подчеркивается, что наряду со значительным расширением сферы женского труда в республике сохранялись высокая загруженность женщин домашним хозяйством, дефицит у них свободного времени, более низкие, чем у мужчин, показатели дохода и престижа.

Ключевые слова: женская занятость, гендерная политика, помощь матери и ребенку.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.8

*L. I. Vavulinskaya. The problem of female employment
in the 1950s (A case study of Karelia)*

Based on archival materials, the article considers the problems of women's employment in Karelia in the 1950s, pinpoints the causes of the multitude of non-working women, describes the ways and methods used to involve them in public production. It is noted that the party organizations regarded the public employment issue to be of political significance, putting it in opposition to the private-property mindset of those engaged in subsistence farming. Identified were the challenges encountered when dealing with employment issues in the Republic, associated with the narrow economic profile of forest villages, the numerousness of settlements with meager population in rural areas. The factors that influenced the process of transformation of the professional employment of women are outlined. Special attention is paid to the measures taken by the government to provide people with kindergartens and infant daycare centers, to organize children's and teenagers' leisure time, to improve services to households, medical care for mothers and children. Significant differences between the living and working conditions of women in urban and rural areas are highlighted. It is emphasized that along with a significant growth of women's labour in the Re-

© Вавулинская Л. И., 2016

Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН по теме «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи» (№ 0225-2014-0012).

Вавулинская Людмила Ивановна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Россия, ludvav@mail.ru (Cand. Sc., Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia).

public, women remained overloaded with household chores, lacked free time, were paid less and held less prestigious jobs than men.

Key words: female employment, gender policies, assistance to mother and child.

В последнее десятилетие усилилось внимание исследователей к гендерным проблемам, в частности принципам гендерной политики на разных этапах социалистического строительства, способам вовлечения женщин в трудовую и общественную деятельность, государственному регулированию семьи, формированию и изменению официальных дискурсов, интерпретирующих женственность и мужественность (см., напр.: [Здравомыслова, Темкина, 2007; Колесникова, Маслова, 2014; Лавриновская, 2011; Мищенко, 2012; Пушкарева, 2002; Хасбулатова, 2005; Черевако, 2010]). Значительный научный интерес представляет изучение вопросов вовлечения женщин в общественное производство в 1950-х гг., когда, несмотря на тяжелые последствия войны, Советское государство принимало меры по созданию условий для расширения сферы женского труда, оказанию помощи работающим матерям.

Задача широкого вовлечения женщин в производство диктовалась в первую очередь острым недостатком кадров рабочих и специалистов. В 1950-х гг. в Карелию в массовом порядке прибывало население из других областей и республик СССР в результате организованного набора, промышленного и сельскохозяйственного переселения. Однако из-за бытовой неустроенности, суровых климатических условий значительная часть переселенцев возвращалась на прежнее место жительства. Между тем на цели перераспределения трудовых ресурсов расходовались существенные средства. Кроме того, прием переселенцев требовал обеспечения их жильем. В республике же, две трети территории которой были оккупированы в годы войны, эта задача была трудноразрешимой.

За время войны демографический состав населения республики подвергся коренным изменениям. В 1949 г. на 100 работающих в сельском хозяйстве, по данным похозяйственных книг, приходилось 65 женщин и 35 мужчин [Клементьев, Кожанов, 1988: 78]. Как показали материалы единовременного учета сельского населения Карелии по состоянию на 1 января 1950 г., значительная часть сельчан не участвовала в общественно полезном труде. Только по группе хозяйств рабочих и служащих и кооперированных кустарей не работали на государственных и кооперативных предприятиях 15 489 человек в возрасте 16—54 лет, или 22,4 %, в том числе 2725 мужчин (17,6 %) и 12 764 женщины (82,4 %). В ряде районов эти цифры оказались выше: к примеру, в Кемском районе не работали 31,3 % человек, Олонецком — 31,2 %, а доля неработающих женщин по сравнению с мужчинами в некоторых районах доходила до 88—97 % [НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 4050, л. 1—2].

Для определения причин незанятости населения в государственных и кооперативных организациях в 32 сельсоветах республики были проведены проверки. Они показали, что в подавляющем большинстве случаев к числу неработающего населения относились женщины, имевшие малолетних детей, а также женщины, находившиеся на иждивении мужей или занимавшиеся ведением приусадебного хозяйства. Так, в Уросозерском сельсовете Сегозерского района числилось 192 неработающих в возрасте 16—54 лет, из них 108 женщин

(56,25 %), имеющих детей, 40 женщин (20,8 %), не имеющих детей и занятых в своем хозяйстве. При этом значительная доля иждивенцев приходилась на жен работников лесопункта, часть которых были обеспечены материально, а часть не могли работать из-за отсутствия в сельсовете детских учреждений. В трех сельсоветах Беломорского района 97—100 % неработающих составляли женщины, имевшие или не имевшие детей. В большинстве случаев они вели свое хозяйство, содержали земельный участок, скот, покос, занимались рыболовством, продавали молоко [там же, д. 3966, л. 152—153].

При этом многие из неработающих женщин имели востребованные профессии. В Матросском сельсовете Пряжинского района, к примеру, в числе неработающих жен офицерского состава (51 человек, или 22 %) были педагоги с высшим образованием, зоотехник, медсестра, акушерка, фельдшер, телеграфистка, машинистка, химик-лаборант, фармацевт, агроном, наборщица, шофер, экономист, плановик и др.

В справке начальника Статистического управления Карело-Финской ССР по результатам проверки трудовых резервов, имевшихся в республике, в качестве важнейших мер по вовлечению населения в производство предлагалось развивать сеть детских учреждений, трудоустроить неработающих инвалидов, привлечь проживающих на нетрудовые доходы лиц к государственным налогам, организовать в рабочих поселках кустарно-промысловые артели и др. [там же, л. 159].

Результаты проверки были обсуждены на заседании ЦК Компартии республики 25 мая 1950 г., где особо отмечалось, что «ЦК КП(б) считает нетерпимым такое положение, когда в республике из-за недостатка рабочей силы проводится переселение, в то же время значительное количество местного населения не вовлечено в работу на предприятиях, учреждениях, колхозах и совхозах». ЦК КП(б) придавал вопросу занятости населения политическое значение, подчеркнув, что большая часть «населения из состава семей рабочих и служащих сельской местности, не работая нигде, раздувает личное хозяйство. Занимаясь различными промыслами, имея значительное количество скота, приусадебной земли, в ряде случаев допускает нарушение Устава сельскохозяйственной артели, культивирует частнособственнические тенденции, тем самым разлагающе действует на колхозников». ЦК КП(б) указал на необходимость повести борьбу с частнособственническими тенденциями отдельных хозяйств, прикрывающихся работой в государственных и кооперативных организациях [там же, л. 115—116].

Для вовлечения населения в трудовую деятельность были использованы различные методы: массовая агитация через партийные и профсоюзные органы, средства информации и различные направления художественной культуры; создание на предприятиях условий для повышения квалификационного разряда женщин, получения ими второй профессии, совмещения учебы и работы. На предприятия Министерства промышленности строительных материалов республики в 1950 г. было принято 260 женщин, обучено на производстве разным профессиям 76 человек, повысили квалификацию 52 женщины. При предприятиях действовали четыре детских сада, которые посещали 80 детей, и двое детских яслей на 70 мест [там же, д. 5048, л. 14]. Министерство лесной промышленности республики в марте 1951 г. приняло решение об обучении бракеров, приемщиков, бухгалтеров, работников торговли преимущественно из числа

женщин и о направлении на учебу до 50 % женщин при отборе кандидатов на курсы электромехаников передвижных электростанций. Всего по министерству предусматривалось обучить в 1951 г. 320 бракеров и приемщиков, 100 бухгалтеров, 100 продавцов, 70 поваров, 40 пекарей [там же, л. 26].

Однако интеграция женщин в промышленное производство была сопряжена с целым рядом проблем и требовала решения таких неотложных вопросов, как обеспечение детскими садами и яслями, организация свободного времени детей и подростков, улучшение бытового обслуживания населения.

Во многих населенных пунктах республики не было ни детских садов, ни яслей. Так, в лесном поселке Восточный Идель с населением более тысячи человек не было детского сада. Из четырех лесоучастков Суоярвского леспромхоза детские ясли на 25 мест имелись лишь на одном [Клементьев, Кожанов, 1988: 161]. В д. Сямозеро имелся детский сад, но посещаемость его была очень низкой — от 2 до 7 детей, что объяснялось неудобным местонахождением этого учреждения. В то же время в Сямозерском сельсовете насчитывалось 70 неработающих в трудоспособном возрасте, в основном это были домашние хозяйки, имевшие детей [НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 3966, л. 155].

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 18 мая 1949 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы» местные органы власти обязаны были начиная с 1950 г. предусматривать в планах капитальных работ по строительству крупных жилых домов или групп домов выделение не менее 5 % от всей строящейся площади для размещения детских яслей и садов [там же, д. 5048, л. 25]. Однако планы по строительству детских учреждений в республике систематически не выполнялись. В сельской местности республики в начале 1956 г. насчитывалось более 54 тыс. детей в возрасте до 6 лет включительно, а охвачено детскими учреждениями было только около 7 тыс., т. е. 13 %. Кроме того, из 32 836 детей в возрасте 7—15 лет, проживавших в сельской местности, не посещали школу 1506 (4,6 %) [НА РК, ф. Р-1411, оп. 8, д. 22/96, л. 64—65].

В 1959 г. число мест в постоянных детских яслях увеличилось по сравнению с 1945 г. в 2,4 раза, в детских садах — в 2 раза. При этом строительство детских учреждений велось в основном в городах: если число мест в яслях в городской местности выросло за это время в 3 раза, то в сельской — в 1,9 раза, а число мест в детских садах увеличилось здесь лишь на 422, или на 6 % [40 лет Карельской АССР, 1960: 90]. Несмотря на то что в послевоенный период на восстановление и расширение сети детских яслей в республике были затрачены значительные капитальные вложения, общее количество мест в яслях еще не достигло даже довоенного уровня: если в 1940 г. на каждые 100 детей ясельного возраста приходилось 22 места, то в декабре 1958 г. — 16 [НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 76/442, л. 87].

В целях оказания помощи женщинам-матерям, работавшим на предприятиях и в учреждениях республики, в школах городов и рабочих поселков создавались группы продленного дня для учащихся 1—4-х классов. Для работы с детьми в этих группах в штаты школ вводилась дополнительно должность педагога-воспитателя из расчета один педагог на 25—40 учащихся [там же, д. 7144, л. 25]. Особое внимание уделялось созданию в республике сети школ-

интернатов. Постановлением Совета министров КФССР и бюро ЦК КП от 21 июня 1956 г. предусматривалось открыть в 1956—1960 гг. 40 школ-интернатов на 14 750 мест [НА РК, ф. Р-1394, оп. 6, д. 538/2701, л. 187—192].

Важным аспектом государственной политики, направленной на вовлечение женщин в общественное производство, являлась организация свободного времени детей и подростков, профилактика преступности. К этому делу активно привлекались школа, комсомольские, профсоюзные организации. В большинстве профсоюзных организаций были созданы комиссии по работе среди детей, детские технические и музыкальные кружки, кружки юных натуралистов, организованы детские киносеансы. В некоторых профсоюзных библиотеках оформляли специальные полки детской литературы, проводили детские читательские конференции. Ряд фабрично-заводских местных комитетов установили связь со школами, контролировали посещаемость занятий и успеваемость детей. Профсоюзные организации оказывали материальную помощь низкооплачиваемым родителям, матерям-одиночкам, детям погибших воинов. В период летних каникул действовала сеть пионерских лагерей [НА РК, ф. П-8, оп. 1, д. 5323, л. 191—192].

Совмещение женщинами работы на производстве с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей потребовало усиления внимания к развитию сферы быта. С 1950-го по первую половину 1954 г. в системе промышленной кооперации, единственной в республике организации, осуществлявшей в то время бытовое обслуживание населения, открылось 38 портновских мастерских, 21 парикмахерская, 6 фотоателье, значительную часть работников которых составили женщины [там же, д. 6172, л. 3—4]. Однако сельская местность значительно уступала городской по уровню бытового обслуживания. Бытовые мастерские в 1953 г. имелись лишь в 36 из 130 лесных поселков, где проектами предусматривалось их строительство. Жители небольших селений испытывали постоянные трудности в приобретении самых необходимых продуктов питания, в том числе хлеба. В небольших деревнях в конце 1950-х гг. и позже продолжали выпекать хлеб дома. В 1961 г. общественное питание было организовано лишь в 29 из 46 совхозов республики. Реализация услуг на одного сельского жителя в 1960 г. составляла немногим более 1/5 объема услуг, оказываемых городскому жителю [Клементьев, Кожанов, 1988: 160—162].

Недостаточной оставалась обеспеченность торговыми учреждениями, несмотря на то что за 1953—1960 гг. в республике было введено 928 торговых предприятий [Карельская АССР за 50 лет, 1967: 114].

В 1950-х гг. расширилась медицинская помощь матери и ребенку. Увеличилась численность родильных домов, женских и детских консультаций, были приняты важные решения по социальной поддержке материнства и детства. В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 13 октября 1956 г. руководители предприятий, организаций и учреждений обязаны были предоставлять женщинам по их просьбе после окончания отпуска по беременности и родам дополнительный отпуск на срок до трех месяцев без сохранения заработной платы, а также сохранять за женщинами, оставившими работу в связи с рождением ребенка, непрерывный трудовой стаж, если они поступили на работу не позднее одного года со дня рождения ребенка, без включения в этих случаях в трудовой стаж времени перерыва в работе. Директорам предприятий было ре-

комендовано бесплатно выдавать материально нуждающимся беременным женщинам путевки в санатории и дома отдыха за счет фонда предприятия [НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 7144, л. 25—28].

Целенаправленная политика государства по вовлечению женщин в производство в 1950-х гг. привела к значительному расширению сферы женского труда в республике. За 1950—1960 гг. число женщин в общей численности рабочих и служащих в народном хозяйстве республики выросло с 48 до 51 % [40 лет Карельской АССР, 1960: 63; Народное хозяйство Карельской АССР, 1985: 54—55]. Однако, как и в целом по стране, женщины отставали от мужчин в квалификационном уровне, были сконцентрированы на менее престижных и низкооплачиваемых работах. Наблюдалось явное несоответствие высокого уровня образования и занятости женщин их небольшой доле среди руководителей.

Распределение женщин по профессиям в конце 1950-х гг. показало некоторое снижение доли индустриального труда в составе женской рабочей силы по сравнению с 1950 г.: в сфере промышленности — с 44,4 до 43 %, в строительстве — с 37 до 34 %. В то же время расширилось участие женщин в традиционных сферах занятости. Особенно заметным этот рост был в просвещении (с 81 до 85 %), общественном питании (с 91 до 94 %). В ряде отраслей женщины составляли подавляющее большинство работающих: в общественном питании — 94 %, здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении — 93 %, торговле — 89 %, народном образовании и культуре — 85 %, кредитовании и государственном страховании — 80 %. Возросло количество женщин в органах государственного и хозяйственного управления и органах управления кооперативных и общественных организаций (с 60 до 64 %) [40 лет Карельской АССР, 1960: 63; Народное хозяйство Карельской АССР, 1985: 54—55].

Общая демографическая ситуация, связанная с высоким удельным весом женщин в составе населения Карелии (54,4 % по переписи 1959 г.), обусловила их высокий процент в составе специалистов с высшим (74 %) и средним специальным образованием (60 %). Значителен был удельный вес женщин среди инженеров, техников, научных работников (от 31 до 56,6 %). Таким образом, отмечалась тенденция к феминизации интеллектуального труда [Бархатова, 1990: 16].

Сугубо женским занятием в 1950-х гг. являлась работа на своих приусадебных участках. Общая численность членов семей рабочих, служащих и колхозников в трудоспособном возрасте, занятых подсобным сельским хозяйством, в 1959 г. составила 2,5 тыс. человек, из которых 500 проживали в городских поселениях и 2 тыс. — в сельской местности. Из общего числа лиц этой группы мужчин насчитывалось всего 56 человек. Среди работавших на приусадебных участках преобладали граждане в возрасте 30—49 лет, лица в возрасте 20—29 лет составляли 15 %, а 50 лет и старше — 19,6 % [НА РК, ф. Р-659, оп. 14, д. 1/3, л. 14].

Трудоспособное население, занятое в домашнем и личном подсобном хозяйстве, в конце 1950-х гг. по-прежнему оставалось крупным резервом увеличения численности работающих в народном хозяйстве КАССР. По переписи 1959 г. оно составляло 48,7 тыс. человек, или 12,5 % населения в трудоспособном возрасте. В подавляющем большинстве это были женщины (около 97 %), из которых более 2/3 имели детей в возрасте до 14 лет [Покровская, 1978: 178].

Преобладающая часть возможных резервов рабочей силы проживала в городских поселениях.

Незанятость женщин в общественном производстве не поддается объяснению одной лишь причиной — наличием несовершеннолетних детей, так как, по материалам переписи 1959 г., из общего числа 42,2 тыс. женщин-иждивенцев* почти 1/3 не имела детей до 14 лет, а 14 % имели детей в возрасте от 7 до 14 лет. Существенным фактором незанятости женщин являлась специфика расселения в республике, характеризующаяся наличием в сельской местности большого количества населенных пунктов с мизерной численностью населения. Например, в Медвежьегорском районе из 367 населенных пунктов в 99 насчитывалось всего до 10 жителей, что затрудняло организацию производственного, жилищного и культурно-бытового строительства [НА РК, ф. Р-659, оп. 12, д. 7/28, л. 7—9]. Кроме того, однобокая специализация хозяйства в лесных поселках ограничивала возможности применения женского труда. К тому же не все неработающие и неучащиеся в трудоспособном возрасте выражали желание работать в общественном производстве.

Среди женщин-иждивенцев почти 14 % составляли лица в возрасте 50—54 лет, при этом свыше 33 % из них не имели детей дошкольного и школьного возраста [там же, оп. 14, д. 1/3, л. 12—13]. Возможной причиной незанятости этой возрастной категории женщин являлся уход за престарелыми родителями и внуками.

Исследователи, занимающиеся проблемами занятости женщин, справедливо отмечают у них более низкие, чем у мужчин, показатели дохода и престижа [Колесникова, Маслова, 2014]. Комендант поселка Кинелахта Д. М. Ковалёва вспоминала: «Женщины поселка (молодые и здоровые) в основном работают сучкорубами, либо в конторе и хозяйственных учреждениях поселка (в пекарне, столовой, в детском саду, в детских яслях), или в подсобном хозяйстве. Многие из женщин работают на дороге... на подсобных хозяйственных работах в поселке: на распиловке дров, уборке мусора, подвозе воды и т. д. Ставки здесь очень низкие, например, за 1 куб. м платят 70 коп.» [Архив КНЦ РАН, ф. 1, оп. 29, д. 404, л. 4 об., 5].

В отраслях с преимущественно женской занятостью — легкой, пищевой промышленности, образовании, здравоохранении — заработная плата была существенно ниже, чем в тяжелой промышленности, на строительном-монтажных работах, на транспорте. Так, если в начале 1961 г. среднемесячная зарплата в промышленности составляла 112,5 руб., в строительстве — 101,3 руб., то в общеобразовательных школах и учреждениях по воспитанию детей — 65,9 руб., в учреждениях здравоохранения, физкультуры, спорта и социального обеспечения — 56,6 руб., в торговле — 56,3 руб., в общественном питании — 49,1 руб. [НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 192/1020, л. 221—222]. В пользу мужчин сложилась и должностная иерархия, а следовательно, заработки практически на любом предприятии и в организациях.

* В их число не входили женщины (2,5 тыс.), не занятые в общественном производстве, но работавшие в личном подсобном хозяйстве или имевшие другие источники средств существования.

Таким образом, в 1950-х гг. государство проводило активную политику по вовлечению женщин в общественное производство, пропагандировало образ советской женщины, совмещающей широкий спектр ролей — матери, домохозяйки, труженицы и активистки, принимало меры, позволяющие женщине сочетать профессиональную деятельность и материнство. В этом наиболее ярко проявлялся этакратический характер советского гендерного порядка. Однако вовлечение женщин в общественное производство по своим темпам существенно опережало развитие сферы обслуживания, организацию детских садов и яслей, сохранялись высокая загруженность женщин домашним хозяйством, дефицит свободного времени, незначительное представительство женщин в управлении и на руководящих постах, более низкие, чем у мужчин, показатели дохода и престижа.

Библиографический список

- Архив КНЦ РАН (Архив Карельского научного центра РАН).
Бархатова С. В. Формирование интеллигенции в Карелии, 1944—1960 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1990. 17 с.
Здравомыслова Е., Темкина А. Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
Карельская АССР за 50 лет: статистический сборник. Петрозаводск: Статистика, Карел. отд-ние, 1967. 160 с.
Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии, 1945—1960 гг.: историко-социологические очерки. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. 212 с.
Колесникова О. А., Маслова Е. В. Эволюция взглядов на женский труд как отражение развития концепции гендерного равенства // Вестник Воронежского университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 34—39.
Лавриновская И. И. Трансформация занятости сельской женщины в общественном производстве в Беларуси в XX — начале XXI века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. Исторические науки. 2011. № 9. С. 82—92.
Мищенко Т. А. Ценностная мотивация женского труда в контексте советского гендерного порядка (1960—1980-е гг.) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2012. № 3 (7). С. 225—232.
НА РК (Национальный архив Республики Карелия).
Народное хозяйство Карельской АССР: статистический сборник. Петрозаводск: Карелия, 1985. 95 с.
Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800—2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.
40 лет Карельской АССР: статистический сборник. Петрозаводск; М.: Госстатиздат, 1960. 112 с.
Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос ун-т, 2005. 371 с.
Черевако Е. И. Реализация государственной политики в отношении женского труда на территории Тюменской области (1940—1960-е гг.) // Академический вестник. 2010. № 2. С. 91—94.

References

- Barkhatova, S. V. (1990) *Formirovanie intelligentsii v Karelii, 1944—1960 gg.*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Formation of intellectuals in Karelia, 1944—1960: Synopsis of a thesis (Cand. Sc.)], Petrozavodsk.
- Cherevako, E. I. (2010) Realizatsiia gosudarstvennoï politiki v otnoshenii zhenskogo truda na territorii Tiimenskoï oblasti (1940—1960-e gg.) [The implementation of the state policy in relation to women's work in the Tyumen region (1940—1960)], *Akademicheskii vestnik*, no. 2, pp. 91—94.
- Karel'skaia ASSR za 50 let*: Statisticheskii sbornik (1967) [Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic during 50 years: Statistical reference book], Petrozavodsk: Statistika, Karel'skoe otdelenie.
- Khasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the twentieth century: myths and realities], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Klement'ev, E. I., Kozhanov, A. A. (1988) *Sel'skaia sreda i naselenie Karelii, 1945—1960 gg.*: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki [The rural environment and the population of Karelia, 1945—1960: Historical and sociological essays], Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.
- Kolesnikova, O. A., Maslova, E. V. (2014) Èvoliutsiia vzgliadov na zhenskii trud kak otrazhenie razvitiia kontseptsii gendernogo ravenstva [Evolution of views on women's work as a reflection of the concept of gender equality], *Vestnik Voronezhskogo universiteta*, seria Èkonomika i upravlenie, no. 4, pp. 34—39.
- Lavrinovskaia, I. I. (2011) Transformatsiia zaniatosti sel'skoï zhenshchiny v obshchestvennom proizvodstve v Belarusi v XX — nachale XXI veka [Transformation of employment of rural women in social production in Belarus in XX — beginning of XXI century], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*, seria A, Gumanitarnye nauki, Istoricheskie nauki, no. 9, pp. 82—92.
- Mishchenko, T. A. (2012) Tsennostnaia motivatsiia zhenskogo truda v kontekste sovet'skogo gendernogo poriadka (1960—1980-e gg.) [Valuable motivation of women's work in the context of the Soviet gender order (1960—1980-s.)], *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoiashchego plus*, no. 3 (7), pp. 225—232.
- Narodnoe khoziaistvo Karel'skoï ASSR*: Statisticheskii sbornik (1985) [The national economy of the Karelian ASSR: Statistical reference book], Petrozavodsk: Kareliia.
- Pokrovskaiia, I. P. (1978) *Naselenie Karelii* [The population of Karelia], Petrozavodsk: Kareliia.
- Pushkareva, N. L. (2002) *Rus'skaia zhenshchina: istoriia i sovremennost': Dva veka izucheniiia "zhenskoï temy" russkoï i zarubezhnoï naukoï, 1800—2000*: Materialy k bibliografii [Russian woman: past and present: Two centuries of study of "woman's issues" Russian and foreign science, 1800—2000: Contributions to the bibliography], Moscow: Lado-mir.
- 40 let Karel'skoï ASSR*: Statisticheskii sbornik (1960) [40 years of Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic: Statistical reference book], Petrozavodsk, Moscow: Gosstatizdat.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2007) *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: a sociological approach], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

ББК 63.3(2)64-28

Е. Б. Хитрук

«МУЖСКОЙ ВОПРОС» В XXI в.: РАЗВИТИЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МАСКУЛИННОСТИ

DOI: 10.21064/WinRS.2016.2.9

Круглый стол «“Мужской вопрос” в XXI веке: развитие комплексного подхода к изучению маскулинности» состоялся 23 октября 2015 г. на базе философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. Круглый стол стал уникальной междисциплинарной площадкой для постановки и обсуждения специфических мужских проблем в современном обществе. Представители таких различных научных дисциплин, как медицина и филология, философия и социальная работа, психология и педагогика, предложили свое видение мужского аспекта острых социальных вопросов современности. Целью данного мероприятия было обозначено выведение мужских проблем из сферы невидимого и малозначимого, формирование научного базиса для создания условий социально-психологической коррекции указанных проблем. Были подняты такие вопросы, как специфика депрессивных состояний у мужчин, психологические основания алкоголизации мужского населения, проблемы и перспективы социальной работы с мужчинами, отцовство в традиционном и современном обществах, проблема феминизации образования, проблема осмысления мужского с позиций классической и неклассической философии. Выявлено, что специфические мужские проблемы нуждаются в повышенном внимании и со стороны научного сообщества, и со стороны социума в целом. От их всестороннего исследования и деятельного разрешения зависит здоровье и социальное благополучие мужчин, а следовательно, и всей общественной системы.

В работе круглого стола приняли участие доцент философского факультета НИ ТГУ Е. Б. Хитрук (организатор), профессор Сибирского государственного медицинского университета А. Н. Корнетов, аспирантка Технического университета Дрездена М. Нойфельд, доцент филологического факультета НИ ТГУ А. Н. Губайдулина, старший

Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 91 — 97

© Хитрук Е. Б., 2016

Хитрук Екатерина Борисовна — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, lubomudr@vtomske.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Ontology, Epistemology and Social Philosophy, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia).

преподаватель философского факультета НИ ТГУ Т. Д. Подкладова, психолог ресурсного центра «Огонек» М. В. Глухов (модератор), доцент философского факультета НИ ТГУ Е. С. Турутина, доцент Омского автобронетанкового инженерного института А. К. Жапарова, педагог дополнительного образования А. П. Пашков, магистрант философского факультета НИ ТГУ Г. Э. Романцов. Участники круглого стола старались раскрыть ряд вопросов, касающихся сложных аспектов мужской ситуации в современном мире.

В выступлении доцента философского факультета НИ ТГУ председатели Общества научно-исследовательской и социально-психологической поддержки мальчиков, юношей и мужчин Е. Б. Хитрук была рассмотрена история мужских исследований в России и за рубежом, обозначен круг острых вопросов здоровья и социально-психологического благополучия мужчин в Томской области и Российской Федерации. Было отмечено, что с конца 70-х гг. XX в. мужчины начинают говорить и писать о том, что испытывают серьезные проблемы в связи с целым рядом сложных, противоречивых, а иногда и невыполнимых требований, предъявляемых к ним в современном обществе. В процессе такой попытки осмысления своего непростого положения в обществе родились мужские исследования, классиками которых сегодня можно считать М. Киммела, Д. Гилмора, Р. Коннела, И. С. Кона, С. А. Ушакина, М. А. Костенко. В XXI в. эти исследования обогатились еще одним важным разделом — мальчиковедение. Было осознано, что самые главные мужские проблемы закладываются в детстве и обостряются во время перехода во взрослое состояние, когда мальчик проходит через целый ряд испытаний и эмоциональных потрясений, многие из которых сохраняют свое вредоносное влияние в течение всей последующей жизни. Принципиально важными здесь можно считать работы У. Поллака «Настоящие мальчики» и И. С. Кона «Мальчик — отец мужчины». В поисках источника противоречий, осложняющих жизнь современного мужчины, представители мужских исследований все больше склоняются к установкам социума, нежели к некой изначальной природной или биологической сущности. Одними из самых тревожных факторов мужского неблагополучия в современном обществе являются мужские сверхсмертность, алкоголизм, наркомания, игромания, рисковое поведение, преступность, склонность к физической агрессии и бытовое насилие, депрессии и самоубийства, отсутствующее отцовство, эмоциональная неразвитость и алекситимия, феминизация системы образования. Одновременно с данными проблемами существует глубокое их непонимание и недооценка в обществе.

Следующий участник А. Н. Корнетов, доктор медицинских наук, профессор, декан факультета поведенческой медицины и менеджмента Сибирского государственного медицинского университета, дополнил разговор о специфических мужских проблемах, выступив с докладом «Депрессии у мужчин: мифы и факты». В начале выступления были отмечены самые распространенные мифы о депрессии: 1) «с депрессией можно справиться самостоятельно, нужно только иметь силу воли»; 2) «это все надуманно»; 3) «депрессия — это стыдно»; 4) «депрессия делает человека недееспособным»; 5) «психотерапия не работает»; 6) «лекарства от депрессии вызывают привыкание»; 7) «депрессия одинакова у всех»; 8) «депрессивное состояние не связано с употреблением алкоголя и других химических веществ». Среди общих мифов о депрессии он выделил

и специфические мифы, касающиеся депрессии у мужчин, например: «мужчины не впадают в депрессию»; «быть в депрессии — это признак слабости»; «настоящий мужчина не сдается»; «вы просто должны управлять своими эмоциями»; «я не могу быть в депрессии, моя жизнь идет отлично»; «от депрессии нет лечения». Одна из трудностей диагностирования депрессии у мужчин, отметил докладчик, касается того, что они могут скрывать симптомы, традиционно связанные с ней. Так, мужчины с меньшей вероятностью признаются в том, что стали чаще плакать, при этом более склонны сообщать о гневе или раздражительности. Кроме того, они чаще прибегают к рискованным формам поведения, таким как физическое насилие, злоупотребление психоактивными веществами и гиперсексуальность. Все вышеперечисленное маскирует депрессию. На самом деле необходимо иметь в виду, что депрессия может настичь каждого человека независимо от его пола, социального статуса, материального положения. Мужчины, имеющие хорошо оплачиваемую работу, счастливые отношения и надежный социальный статус, также страдают от депрессии. Любой человек может испытывать депрессию, и эта болезнь наносит удар в любое время и без всякой причины. Что еще более важно, диагноз этой болезни — не приговор; просто существуют генетические и физиологические компоненты болезни, которые не соответствуют вашей текущей жизненной ситуации. Консультирование и психиатрическое вмешательство являются неизменно эффективными способами лечения депрессии. У 80 % людей, лечущихся от депрессии с помощью психотерапии и медикаментов, в результате наблюдается улучшение. Дополнительные защитные факторы против депрессии включают улучшение сна и питания, повышение физической активности и разговоры по душам с наставником, родственником или любимым человеком.

Выступление психолога аспирантки Института клинической психологии и психотерапии Технического университета Дрездена М. Нойфельд было названо «Маскулинность и ущерб, причиняемый алкоголем». Прежде всего М. Нойфельд отметила внушительные размеры ущерба, наносимого злоупотреблением алкоголя. Так, например, по данным Всемирной организации здравоохранения, в мире в результате вредного употребления алкоголя ежегодно умирают 3,3 млн человек, что составляет 5,9 % всех случаев смерти. Вредное употребление алкоголя является причинным фактором более чем 200 нарушений здоровья, связанных с болезнями и травмами. 5,1 % общего глобального бремени болезней и травм обусловлено алкоголем. Помимо этого, вредное употребление алкоголя наносит значительный социальный и экономический ущерб отдельным людям и обществу в целом. Алкогольная ситуация в России оценивается экспертами как национальная катастрофа (Д. Халтурина, В. Коротаев). Для того чтобы понять, почему множество людей, и прежде всего мужчин, подвергают себя алкогольной зависимости, М. Нойфельд предложила рассмотреть данное явление сквозь призму концепта гегемонной маскулинности. Под гегемонной маскулинностью (R. Connell) понимаются те или иные социальные практики, призванные гарантировать доминантную социальную позицию мужчин и подчиненную позицию не-мужчин. В контексте теории гегемонной маскулинности потребление алкоголя может быть рассмотрено как средство для воспроизводства/стабилизации (гегемонной) маскулинности по отношению к другим

мужчинам. Известный немецкий ученый Р. Шмитт провел своеобразный метафорический анализ, в рамках которого осуществил и проанализировал глубинные интервью мужчин, лечащихся от синдрома алкогольной зависимости в клиниках Германии. В результате автор пришел к выводу о том, что в самоинсценировке, адресованной другим мужчинам, потребление алкоголя трактуется как «мощность» («Leistung»), т. е. показатель того, сколько мужчина сумел «осилить»; потребление алкоголя облегчает физическую инсценировку власти через угрозу применения насилия или же само применение насилия; состояние опьянения/дурмана предоставляет возможность испытать гегемонную маскулинность в качестве фантазии величия и ощущения неуязвимости. Исследования самой М. Нойфельд, проводившиеся в рамках данной методологии на территории Российской Федерации, подтвердили и углубили приведенные выше выводы. Помимо того что интервьюируемые респонденты воспроизводили то же представление об алкоголе как средстве осуществления власти над женщинами и «маргинальными» мужчинами, их развернутые ответы содержали неартикулированные представления о том, что женский алкоголизм неприемлем и опасен, в то время как для мужчины употребление алкоголя и даже злоупотребление им представляет допустимую норму. Поэтому докладчиком был сделан вывод о том, что в русской культуре «пить» — произнесенная норма поведения мужчин («Ну что ты не мужик, что ли?..»). В то время как потребление алкоголя женщинами карается общественным осуждением.

Выступление кандидата филологических наук, доцента НИ ТГУ А. Н. Губайдуллиной «Роль отца в современной детской прозе» обозначило проблему трансформации социальной роли отца в современной культуре. Она рассмотрела содержательное изменение образа отцовства в литературе второй половины XX — начала XXI в. на материале двух циклов рассказов: «Как папа был маленький» А. Раскина и «Я воспитываю папу» М. Барановского. Сравнить книги, написанные с разницей в полвека, позволяют не только названия, прямо отсылающие к теме отцовства, не только то, что авторы обеих книг мужчины, осмысляющие опыт собственного общения с ребенком, но и наличие этической позиции, достаточно явно выраженной в текстах. Однако картины отношений отца и сына в книгах Раскина и Барановского принципиально разные. В книге А. Раскина отца и сына можно рассматривать как антагонистов. Семья представляет собой вариант жесткой иерархической структуры, имеющей вертикаль власти, доминирующие фигуры (родители) и подчиненные (дети). Автор не сомневается в возможности и необходимости дидактики и в том, что основная задача родителей — воспитательная. Книга рассказов начала XXI в. предлагает иной взгляд на отцовство. Повествование ведется от лица школьника младших классов Марика, и портрет отца дан в рефлексии и восприятии сына. Благодаря этому образ отца лишается идеальной завершенности. Взрослый так же, как и ребенок, несовершенен. У отца есть недостатки (он часто не понимает своих желаний, иногда ленится, не оплачивает вовремя коммунальные счета, может чего-то не знать...). Основной формой взаимодействия отца и сына является диалог. При этом во многих случаях важен не результат разговора (изменить позицию оппонента), а его процесс, возможность со-присутствия. Именно поэтому отец и сын могут позволить себе разговаривать ни о чем, бездельничать.

Поскольку бездействие для них есть форма совместного времяпрепровождения, которое становится главной альтернативой воспитанию. В итоге А. Н. Губайдулина сделала вывод о том, что для современной литературы характерен интересный парадокс. С одной стороны, роль отца становится факультативной (отец не всегда описывается как присутствующий в семье). Однако с другой стороны, его роль больше не сводится к функциям кормильца и дисциплинатора, он может позволить себе проявлять эмпатию по отношению к ребенку, быть настоящим другом, а не судьей.

В выступлении старшего преподавателя кафедры социальной работы НИ ТГУ соучредителя Ресурсного центра «Согласие» Т. Д. Подкладовой «Мужчина-отец в семье и обществе: вовлеченность vs исключенность» рассмотрение темы отцовства было продолжено. Современный мужчина, мужчина-отец, с точки зрения докладчика, это человек меняющийся. Происходящие трансформации носят противоречивый, сложный, порой конфликтный характер. Новая модель маскулинности приводит к появлению «вовлеченного отца», для которого отцовство — важная часть его жизни и самореализации. Переходный период к новой модели отцовства имеет на своем пути определенные препятствия, выраженные в существующих полоролевых стереотипах, тесной связи мужчины и материального обеспечения, высоких требованиях к профессиональной карьере мужчины, ограничении мужской роли в воспитании гедонистической активностью. Кроме этого, властные и контрольные функции в семье, которые характерны для «традиционного отца», более престижны по сравнению с воспитанием и заботой о детях. Необходимо отметить, что мужчина как отец оценивается по традиционному женским критериям, по деятельности, которой отцы раньше никогда всерьез не занимались, к которой они социально и психологически плохо подготовлены. В то же время в обществе мужчина оценивается прежде всего по своим внесемейным достижениям, любые социальные неудачи, вроде потери работы, снижают его семейный статус, а вместе с ним и самоуважение. Мужчина, потерявший работу, испытывающий финансовые затруднения, проводит с детьми больше времени, но значительно страдает качество этого взаимодействия, так как факт его социальной несостоятельности, несостоятельности как кормильца семьи, существенным образом влияет на его психологическое самочувствие и осложняет отношения с детьми. Таким образом, с точки зрения Т. Д. Подкладовой, проблематизация роли и функций мужчины в семье дает серьезный толчок к исследованию мужчин, которое довольно долгое время было в тени изучения женского вопроса и материнства. Процесс актуализации мужской, отцовской темы в современной науке вполне закономерен и востребован обществом.

Тема отцовства была поддержана в выступлении психолога ресурсного Центра социальной помощи семье и детям «Огонек» (г. Томск) М. В. Глухова «Социальная работа с отцами как метод профилактики отказа от новорожденных». Обобщая свой опыт работы заведующим центром кризисной беременности в Областном перинатальном центре Томска в период с 2011 по 2014 г., докладчик пришел к выводу о том, что наличие или отсутствие мужчины рядом с беременной женщиной и женщиной с новорожденным ребенком, попавшей в трудную жизненную ситуацию, играет важную роль. О роли отцовства можно

долго говорить исходя из традиций нашего народа и условий существования современного российского общества, но факт остается фактом: удовлетворение мужчиной базовых потребностей (первичных потребностей, потребностей в безопасности и заботе) беременной женщины или женщины с новорожденным ребенком сводит вероятность того, что она попадет в трудную жизненную ситуацию, а тем более в ситуацию угрозы отказа от новорожденного ребенка, к минимуму. Социальная работа с отцами, таким образом, является насущной необходимостью и должна включать в себя следующие значимые элементы: 1) при выявленном в семье кризисе (трудной жизненной ситуации) в период беременности, родов и новорожденности в поддержке нуждаются не только женщины, но и мужчины; 2) необходимо работать с женщиной по включению мужчины в жизненный сценарий (при его отсутствии в нем). Мужчина должен полноценно участвовать в процессе разрешения кризисной ситуации женщины с ребенком; 3) в случаях, когда мужчина провоцирует возникновение кризисной ситуации (является ее первопричиной), с ним необходимо работать по исправлению данной ситуации; 4) возврат мужчины в процесс разрешения кризисной ситуации помогает качественно улучшить положение матери и ребенка; 5) удовлетворение базовых потребностей матери сводит риск отказа от ребенка к минимуму.

Следующий докладчик кандидат философских наук, доцент НИ ТГУ, президент организации «Женский голос», начальник Кризисного центра для женщин МАУ ЦПСА «Семья» Е. С. Турутина с позиции своего профессионального опыта обозначила основные проблемы и перспективы оказания помощи мужчинам в Томске. Она отметила, что в Кризисный центр для женщин иногда обращаются мужчины, также являющиеся жертвами насилия в семье. Однако в Томске нет специализированного центра, в котором этим мужчинам могли бы оказать грамотную поддержку. При этом есть еще одна категория мужчин, нуждающихся в специализированной психологической помощи: мужчины — авторы бытового насилия. Зачастую мужчина, проявляющий насилие в семье, сам осознает вредность своих действий, однако без помощи специалиста не может побороть в себе пагубную склонность и привычку «решать» проблемы насильственным путем. Поэтому можно сказать, что организация грамотной психологической поддержки мужчин в Томской области является насущной необходимостью. Сотрудницы Кризисного центра для женщин уже несколько лет способствуют развитию психологической поддержки мужчин. В частности, в 2015 г. было организовано обучение томских психологов представителями санкт-петербургской организации «Мужчины XXI века». Таким образом, уже подготовлена команда специалистов, готовых оказывать соответствующую помощь мужчинам, находящимся в сложной жизненной ситуации. Однако до сих пор нет площадки, в рамках которой эта помощь могла бы осуществляться.

В выступлении «Мужественность в танце, или “Настоящие мужики” не танцуют» кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института А. К. Жапарова осветила проблему отражения гендерных стереотипов в сфере искусства. В частности, она отметила, что распространенное убеждение в том, что настоящие мужчины не танцуют, является следствием закрепившихся в культуре бинарных оппозиций. Согласно этим оппозициям мужчина должен

реализовывать в своей жизни один ряд категорий (духовность, рациональность и т. п.), а женщина — противоположный ряд (чувственность, телесность и т. п.). Поскольку танец является своеобразным раскрытием красоты телесного, то, как правило, его и принято отождествлять с женственностью как таковой. А. К. Жапарова считает, что данное представление не соответствует действительности, поскольку искусство танца исторически включает в себя множество возможностей для реализации как женского, так и мужского творческого потенциала.

В докладе педагога дополнительного образования А. П. Пашкова «Мужество педагога: проблема феминизации начального образования» был рассмотрен вопрос о причинах отсутствия мужчин-педагогов в дошкольном и начальном образовании. Докладчик высказал предположение, что современный мужчина находится под влиянием внешних ценностей успеха, таких как деньги, власть, социальный статус, общее материальное благополучие. Профессия педагога, особенно педагога, занимающегося образованием и воспитанием совсем маленьких детей, не дает человеку ни одного из этих атрибутов успеха, поэтому мужчины в принципе не рассматривают данную профессию в качестве подходящего варианта для своей самореализации. Однако личный опыт А. П. Пашкова показывает, что мужчина может иметь призвание педагога. Но ввиду описанных обстоятельств следование за своим призванием требует сил и мужества для того, чтобы преодолеть существующие разрушительные для личности стереотипы. Личный пример педагога свидетельствует о том, что мужчины очень нужны в сфере образования, и не только в среднем и высшем звене. Их талант и мастерство, особый подход к детям способны создать условия для более разнообразного влияния на ребенка и в целом для формирования более благополучной и социально адаптированной личности.

Подводя итоги круглого стола, выступающие отметили, что специфические мужские проблемы в современном обществе являются малоизученными и недооцененными по существу. Необходимо развивать комплексный междисциплинарный подход к изучению так называемого мужского вопроса, для того чтобы распространенные в культуре разрушительные стереотипы о мужчинах и мужественности уступили место более внимательному и серьезному отношению к представителям «сильного пола». В то же время нужно совершенствовать систему социально-психологической поддержки мужчин для ослабления негативного влияния существующих в современной культуре тенденций сверхсмертности мужчин, повышенной склонности к рисковому, асоциальному, суицидальному поведению, эмоциональной скованности и подавленности.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее, а следовательно, объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ПОЛА

Судьин С. А. Факторы формирования межсиблингового взаимодействия в семьях с психически больным ребенком	3
Егорова Н. Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики	12
Самохина К. И. Проблема отказа от новорожденного в отечественной и зарубежной науке: теоретико-методологический анализ (Подходы)	22
Липасова А. Н. Отцовство в гендерных режимах развитых стран	34
Сиражудинова С. В. Женское обрезание в Республике Дагестан: социокультурные детерминанты и концептуальный анализ	48

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Бояринова П. А. Надежда Дурова: феномен гендерного беспокойства в России в первой половине XIX в.	57
Сулейманова Р. Н. «Положение ее довольно сносно...»: взгляды отечественных исследователей второй половины XIX — начала XX в. на положение женщины в традиционном обществе (На примере башкир)	69
Вавулинская Л. И. Проблема женской занятости в 1950-х гг. (На материалах Карелии)	82

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Хитрук Е. Б. «Мужской вопрос» в XXI в.: развитие комплексного подхода к изучению маскулинности	91
<i>Информация для авторов</i>	98

CONTENTS

SOCIAL SCIENCES

SOCIOLOGY OF FAMILY AND GENDER

Sudjin S. A. Sibling's interaction formation factors in families with a mentally ill child	3
Egorova N. Yu. Cohabitation in the marital strategies of the young: perception and practices	12
Samokhina K. I. The abandonments and neglect of children: theoretical and methodological approaches in Russian and foreign science	22
Lipasova A. N. Fatherhood in gender regimes of the developed countries	34
Sirazhudinova S. V. Female genital mutilation in the Republic of Dagestan: socio-cultural determinants and conceptual analysis	48

HISTORY AND ARCHEOLOGY

WOMAN'S HISTORY

Boyarinova P. A. Nadezhda Durova: phenomenon of gender trouble in Russia in the first half of the XIX c.	57
Suleimanova R. N. "She is reasonably well positioned...": the views of local researchers of the second half of XIX — early XX c. on the position of women in traditional society (On the example the Bashkirs)	69
Vavulinskaya L. I. The problem of female employment in the 1950s (A case study of Karelia)	82

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Khitruk E. B. «Man's issue» in the XXI c.: development of an integrated approach to the study of masculinity	91
<i>Information for the authors</i>	98

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (79) — 2016

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 05.06.2016 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,9. Уч.-изд. л. 7,2. Тираж 100 экз.
Заказ № 127. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Издательство «Ивановский государственный университет»

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ОГБПОУ «Ивановский энергетический колледж»

153025 Иваново, ул. Ермака, 41 ☎ (4932) 37-52-44

Адрес в Интернете: www.tip1.ru